

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

170

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

170

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, *В. В. Кропоткин*,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов*

СТАТЬИ

А. И. МЕЛЮКОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ
О КЕРАМИКЕ ТИПА САХАРНА — СОЛОНЧЕНЫ
В МОЛДАВИИ

Более 25 лет прошло с тех пор как на территории Молдавской ССР были выявлены памятники типа Сахарна—Солончены¹. За прошедшее время ни разу не пересматривались ни общая характеристика культуры, к которой эти памятники принадлежат, ни составляющие ее элементы. Появились лишь статьи, уточняющие хронологию этой группы материалов². Между тем до сих пор остаются нерешенными многие вопросы, связанные с происхождением и историей племен, оставивших сахарнянско-солонченские могильники и поселения. Назрела острая необходимость в возобновлении работ по изучению как самих памятников, так и всех категорий происходящих из них материалов. Особенно важным представляется тщательный анализ керамики, поскольку именно она чаще всего и более всего используется для исторических построений.

В данной статье предлагается анализ керамического комплекса с поселения у с. Цахнауцы Резинского р-на Молдавской ССР. Поселение исследовалось в 1952 г. под руководством О. Н. Мельниковской³, а в 1979 г.— Западно-Скифской экспедицией Института археологии АН СССР под моим руководством⁴. Наши раскопки не подтвердили мнения О. Н. Мельниковской о существовании на поселении двух последовательных слоев — предскифского времени и раннескифского. На раскопанных нами двух участках общей площадью около 100 кв. м прослежен лишь один слой, бесспорно относящийся к предскифскому времени. Просмотр материалов из раскопок О. Н. Мельниковской дал те же результаты. В однородном культурном слое изредка встречались обломки трипольской посуды, а в одном месте хозяйственная яма предскифского периода прорезала край трипольской площадки. Однако основная площадь трипольского селища располагалась на более высоком участке плато и не подстилала культурный слой интересующего нас времени.

Из-за постоянной распушки всей площади поселения керамика представлена более или менее крупными фрагментами, далеко не всегда позволяющими восстановить целые формы сосудов. Как и на других поселениях сахарнянско-солонченского типа, здесь имелись две категории сосудов. Одну из них составляет сравнительно грубая посуда кухонного назначения, другую — более тщательно сделанная столовая керамика и сосуды для хранения продуктов.

Кухонная посуда состоит из горшков разных размеров. Среди них более 80% составляют сосуды без выделенной шейки, чуть суживающиеся или, наоборот, расширяющиеся сверху (рис. 1, 1—6). На тулове таких горшков на 4—6 см ниже края часто находится налестной валик с пальцевыми защипами или ямками, а также небольшой полукруглый налест. Последний часто присутствует и на горшках без валиковой орнаментации (рис. 1, 8). Около 15% кухонной посуды составляют горшки с невысокой,

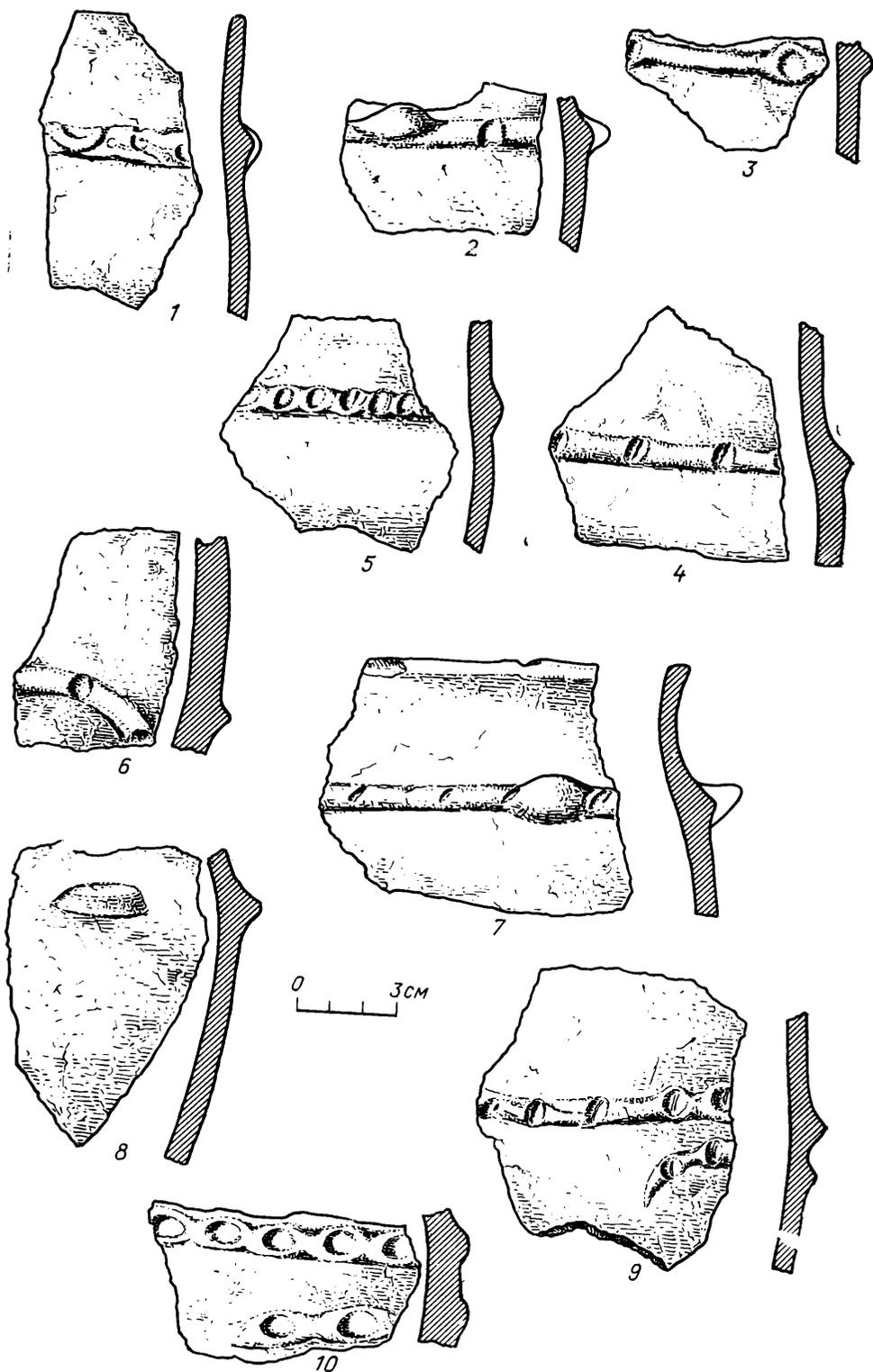

Рис. 1. Поселение у с. Цахнауды. Образцы грубой кухонной посуды (1—10)

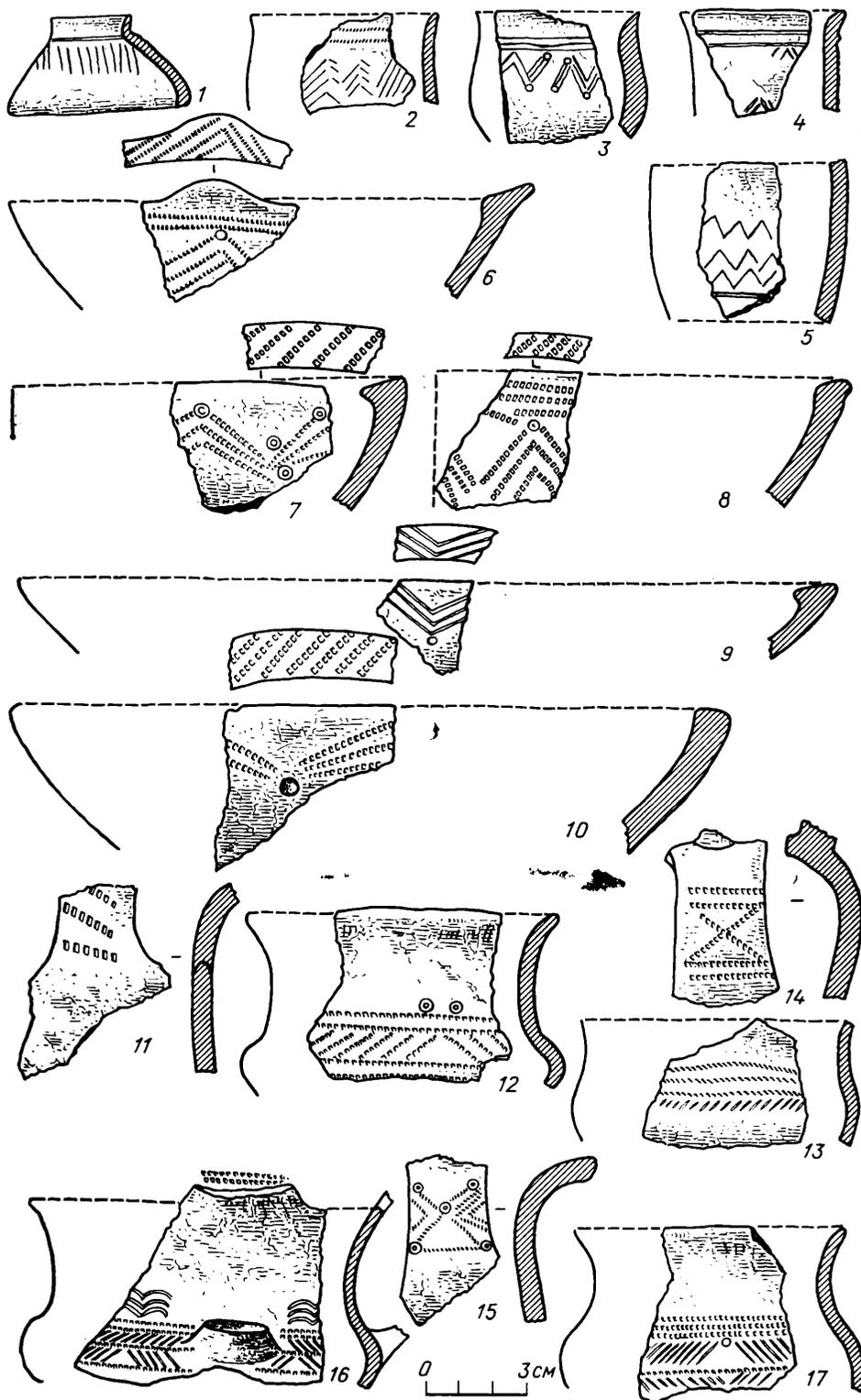

Рис. 2. Поселение у с. Цахнауцы. Фрагменты лощеных орнаментированных мисок, черпаков и кубков (1—17)

чуть прогнутой посредине шейки и слегка отогнутым наружу краем. В месте перехода шейки в тулово такие горшки обычно имеют тот же орнамент, что и сосуды без выделенной шейки (рис. 1, 7). На фрагментах стенок горшков, по которым невозможно определить, к какому из двух названных типов они принадлежат, встречается орнаментация двумя параллельными валиками с защипами или одним валиком, концы которого не сомкнуты и один из них спускается вниз в виде уса (рис. 1, 9, 10). Вся кухонная керамика типична для фракийских культур обширной территории Карпато-Балканского региона в гальштатскую эпоху³. Она ничего не дает для ответа на вопрос, где именно нужно искать ее родину.

Посуда столового назначения представлена фрагментами мисок, черпаков и кубков, а также более крупными сосудами кубковидной формы. Больше всего фрагментов мисок. По общей форме они близки друг к другу, имеют чуть загнутый внутрь край, который бывает по-разному оформлен, и сходящиеся ко дну стенки. Около 70% фрагментов мисок орнаментированы по венчику и верхней части стенок. Орнаментальный узор прост и однообразен (рис. 2, 6—10). Преобладают геометрические построения из полос оттиска зубчатого штампа, образующих зигзаги, вписанные углы, а также параллельные линии, идущие горизонтально под венчиком и под углом на венчике. Этот орнамент дополняют простые и концентрические окружности, также выполненные штампом. Гораздо реже встречается тот же узор из геометрических фигур, но прочерченных притупленным режущим инструментом или деревянной палочкой (рис. 2, 9). По краю некоторых мисок встречаются полукруглые, языковидные выступы или утолщения.

Вторую по количеству находок группу лощеной керамики составляют черпаки и кубки. В большинстве случаев невозможно определить, к какой именно группе принадлежит тот или иной фрагмент, поскольку, как правило, по форме чашечки кубки не отличались от черпаков. Лишь наличие или отсутствие ручки позволяет относить одни из них к черпакам, а другие — к кубкам. Все встреченные на поселении у с. Цахнауцы фрагменты черпаков и кубков имеют довольно высокую шейку, почти прямую или с небольшим прогибом в средней части, слегка отогнутый наружу венчик, более или менее выпуклые бока. Тулово может быть сравнительно высоким или, наоборот, как бы слегка приплюснутым (рис. 3). Дно маленькое, часто с небольшим углублением в центре. Ручки черпаков довольно широкие, в разрезе близки к плоскому овалу (рис. 2, 11, 14, 15; 3, 8, 11, 14). Некоторые ручки имели столбик или пшпечку наверху, другие были гладкими, в виде высокой петли, приподнятой над венчиком.

Черпаки, аналогичные описанным, хорошо известны по находкам на всех поселениях сахарнянско-солонченского типа. Однако детальное изучение орнамента на черпаках и кубках из Цахнауц дало и неожиданные результаты. Оказалось, что около 75% фрагментов сосудов этой категории украшены глубоко прочерченными узорами, состоящими из параллельных горизонтальных линий, обрамляющих с одной или двух сторон полосу зигзага, углов, косо расположенных линий или узор в виде «елочки». Редко на кубках и черпаках встречается узор в виде ромбов или треугольников, заштрихованных параллельными косыми линиями. В дополнение к прочерченному орнаменту на черпаках и кубках можно видеть маленькие кружочки, расположенные на вершинах углов или зигзагов, реже — в одну горизонтальную линию. Они сделаны или концом круглой палочки, или оттиском соответствующего штампа (рис. 3). Около 15% фрагментов черпаков и кубков принадлежат сосудам, на которых узор состоит из прочерченных линий и полос, сделанных оттиском зубчатого или кольчатого штампов (рис. 2, 13, 16, 17). Лишь несколько фрагментов сосудов описываемой группы украшено узором, сделанным только оттиском штампов (рис. 2, 11, 12, 14). Прочерченные орнаменты резко преобладают и на небольших сосудах, обычно называемых пик-

сидами (рис. 2, 1, 3—5). Лишь на одном из них встречено сочетание тонкого резного узора с оттисками зубчатого штампа под веревочку (рис. 2, 2). Резкое преобладание прочерченной орнаментации на черпаках, кубках и пиксидах отмечается впервые и составляет особенность керамического комплекса из поселения у с. Цахнауцы, на которую следует обратить внимание.

Что касается крупных лощеных сосудов, среди которых преобладают кубковидные, то орнамент на них, как правило, состоит из оттисков крупно- или мелкозубчатого штампа в сочетании с простыми или концентрическими кружочками (рис. 4). Орнамент располагается довольно широкой полосой по плечикам или наиболее широкой части тулова, но не бывает заключен в строгие рамки, ограничивающие его сверху и снизу, как это можно видеть, например, на ряде сосудов из Солончен или Сахарны⁶. Излюбленными мотивами орнаментации и этих сосудов являются вписанные углы, зигзаги, параллельные линии. Наряду с ними имеется узор в виде концентрических окружностей, соединенных касательной (рис. 4, 1, 2), малоизвестный на сахарнянско-солонченской керамике, но составляющий характерную особенность орнамента сосудов на поселениях типа Бабадаг в Добрудже⁷. Только прочерченный узор на крупных сосудах встречается крайне редко (рис. 4, 4). Единичными фрагментами представлены и сосуды с узорами, сочетающими штампованный и прочерченный или резной орнамент (рис. 4, 1). Один фрагмент принадлежит сосуду с округлым туловом, украшенным каннелюрами, расположенными полукругом под невысоким полукруглым налепом на плечике сосуда (рис. 4, 10).

Даже при беглом сопоставлении комплекса лощеной орнаментированной керамики из поселения у с. Цахнауцы с найденной на других поселениях сахарнянско-солонченской группы, прежде всего с керамикой из поселений у сел Сахарна и Солончены, бросается в глаза, что описанная выше керамика менее разнообразна по орнаментации, хотя и не отличается по формам. На лощеной посуде из Цахнауц нет штампованных узоров в виде кружочков с перекладиной или рельефным крестом в центре, а также в виде латинских букв S и V округлой формы, известных на керамике из упомянутых памятников⁸. Кроме того, преобладают простейшие мотивы и схемы узоров. Сложных орнаментальных схем, встречаемых на ряде сосудов из Солончен и Сахарны⁹, нет на керамике из Цахнауц. К этому следует добавить и отмеченные выше особенности в орнаментации черпаков и кубков.

Все сказанное позволяет думать, что лощеная орнаментированная посуда не была однородной на всех поселениях сахарнянско-солонченского типа, как считалось ранее. Выделяется по крайней мере две группы комплексов, первая из которых представлена на поселении у с. Цахнауцы, вторая — на поселениях в Сахарне и Солонченах. Причину различий пока выяснить трудно. Можно лишь предполагать некоторую разницу во времени существования этих групп. Поселения с керамикой первой группы, на мой взгляд, должны быть несколько более ранними, чем поселения с керамикой второй группы, хотя все они принадлежат к сравнительно короткому хронологическому периоду — концу IX — началу VII в. до н. э.¹⁰

Эта общая дата для памятников типа Сахарна—Солончены, предложенная ранее, подтвердилась и при изучении материалов, полученных в результате наших раскопок на поселении у с. Цахнауцы. Здесь найдены заготовки из рога для двух наконечников стрел, из которых должны были получиться ромбические в разрезе втульчатые наконечники, аналогичные найденному на этом же поселении О. Н. Мельниковской (рис. 5, 2, 13, 17) и характерные для черноговровского этапа предскифского периода в Северном Причерноморье¹¹ и второго этапа чернолесской культуры на Среднем Поднепровье¹². Железный черешковый нож (рис. 5, 15) имеет близкие параллели среди железных ножей, найденных на Субботовском городище в слое второй ступени чернолесской культуры¹³. Отнести

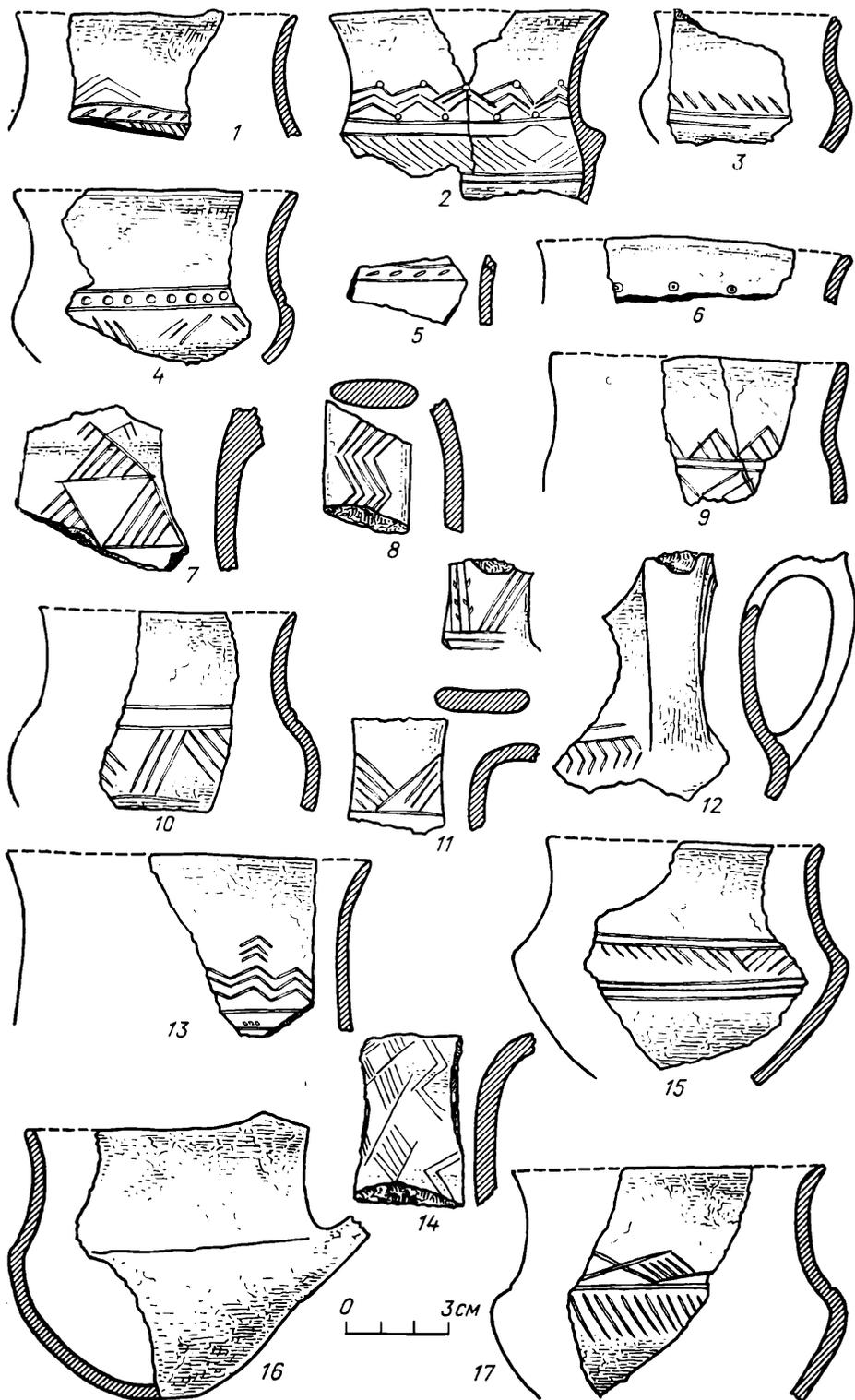

Рис. 3. Поселение у с. Цахнауцы. Фрагменты лощеных орнаментированных черпаков и кубков (1—17)

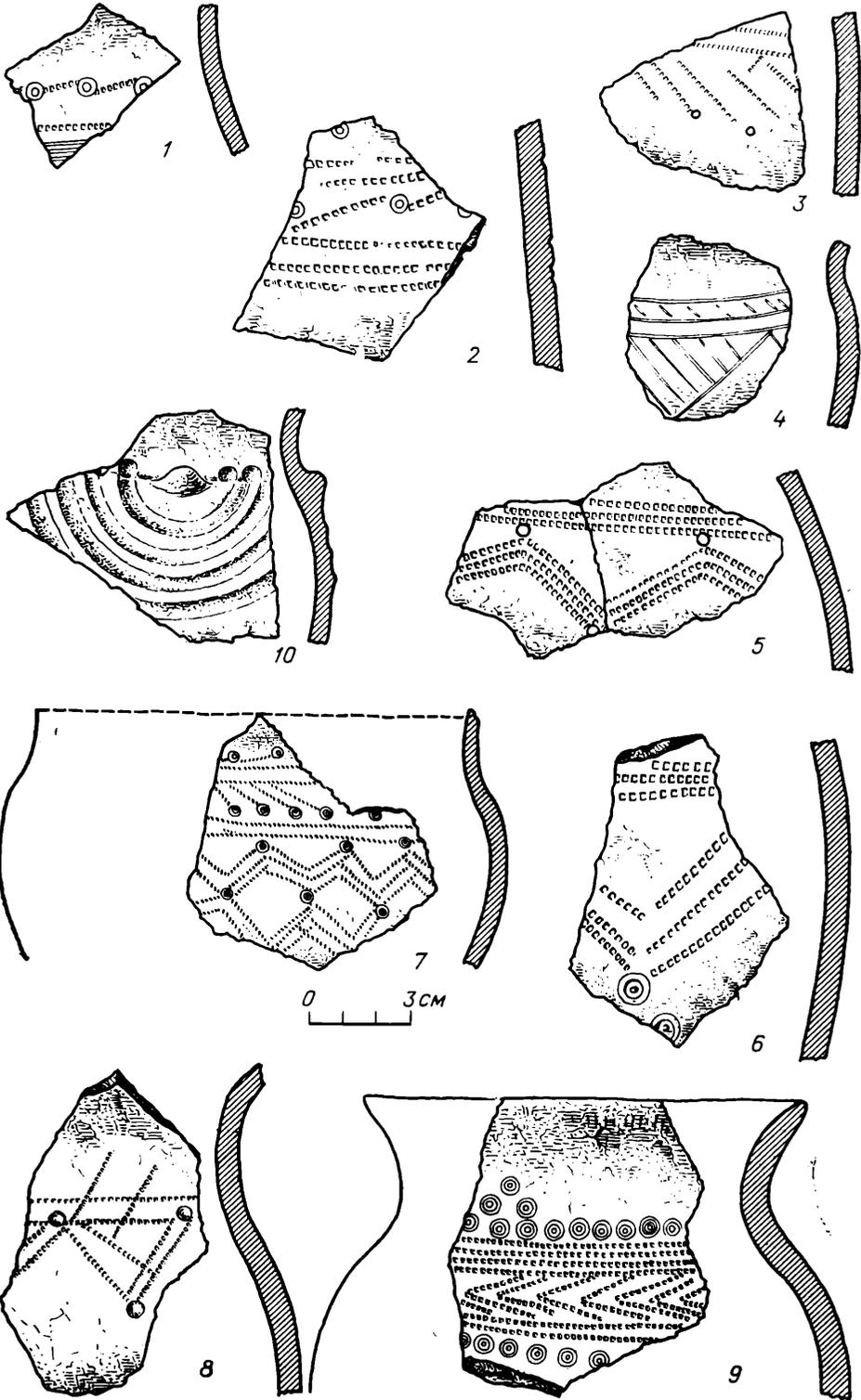

Рис. 4. Поселение у с. Цахнауцы. Фрагменты лощеных орнаментированных сосудов (1-10)

поселение у с. Цахнауцы к этому периоду позволяют и остальные бронзовые и костяные изделия, найденные на поселении в результате как наших работ, так и раскопок О. Н. Мельниковской (рис. 5, 13, 14, 19, 20). Особенно важны для датировки обломки костяных или роговых псалий из раскопок О. Н. Мельниковской. Имея сравнительно короткую дату, они не позволяют относить поселение ни к более раннему, ни к более позднему времени, чем указанный период¹⁴. По-видимому, поселение у с. Цахнауцы следует датировать начальным периодом существования памятников сахарнянско-солонченского типа, соответствующим началу второй ступени чернолесской культуры.

Предположение, что лощеная керамика с поселения у с. Цахнауцы относится к числу наиболее ранних комплексов сахарнянско-солонченского типа, основывается пока только на сопоставлении ее с керамикой, известной на территории Румынии. В настоящее время становится все более и более очевидным, что на территории Нижнего Подунавья памятники с керамикой, украшенной прочерченным геометрическим узором, предшествовали поселениям с лощеной посудой, орнаментированной различными штампами¹⁵. Такая закономерность наблюдается, в частности, на поселении Бабадаг в Добрудже, нижний слой которого содержал керамику с прочерченным узором, а следующий за ним — с орнаментом, сделанным зубчатым и кольчатым штампами¹⁶. Мне уже приходилось писать о большой роли культурных традиций населения Нижнего Подунавья в создании культуры сахарнянско-солонченского типа в Молдавии¹⁷. Рассмотренная керамика еще более убеждает в этом, не позволяя вместе с тем ставить знак равенства между материалами той и другой групп. Керамика с поселения у с. Цахнауцы обнаруживает ряд черт, свойственных бабадагской посуде как нижнего, так и следующего за ним горизонтов (Бабадаг I и II). Но в ней уже выступают элементы, отсутствующие в керамике типа Бабадаг и характерные для керамических комплексов с поселений типа Инсула Банулуй в районе Железных ворот на нижнем Дунае¹⁸. Наиболее ярко они заметны в формах ручек черпаков, которые здесь, как и на черпаках из памятников типа Сахарна—Солончены, часто имеют столбик или шишечку и орнаментацию на поверхности. В керамическом комплексе с поселений типа Бабадаг черпаки с такими ручками отсутствуют. Коротче говоря, даже тот комплекс лощеной орнаментированной посуды, который мне представляется наиболее ранним из числа известных ныне сахарнянско-солонченских, имеет особенности, позволяющие отличать его от нижнедунайских. Комплексы лощеной орнаментированной посуды, вполне тождественные сахарнянско-солонченским, известны по материалам поселений типа Стойканы—Козия в Прутско-Сиретском междуречье на территории Румынии¹⁹. Среди них исследователи выделяют поселение в Стойканах как наиболее раннее, поскольку в орнаментации лощеной керамики этого памятника наблюдается сочетание элементов, свойственных керамике обоих слоев Бабадага²⁰. Очевидно, оно близко по времени и облику керамики к поселению в Цахнауцах, тогда как поселение в Козии может быть поставлено на одну ступень с поселениями Молдавии, на которых найдена лощеная посуда с более развитой и разнообразной по мотивам штампованной орнаментацией.

Вполне разделяя гипотезу зарубежных исследователей о последовательности памятников группы Стойканы—Козия в Прутско-Сиретском междуречье и наблюдая ту же последовательность на территории Молдавской ССР, я вместе с тем не могу согласиться с предложенной ими начальной датой существования румынских памятников. Сходство между румынскими и молдавскими памятниками по керамике столь велико, что они не могут сколько-нибудь значительно отстоять друг от друга во времени. Между тем среди довольно многочисленных вещей, на основании которых датируются молдавские памятники, отсутствуют такие, которые было бы возможно отнести к X в. до н. э., т. е. к тому периоду, который, по мнению С. Моринца, А. Ласло и В. Хензеля, является началь-

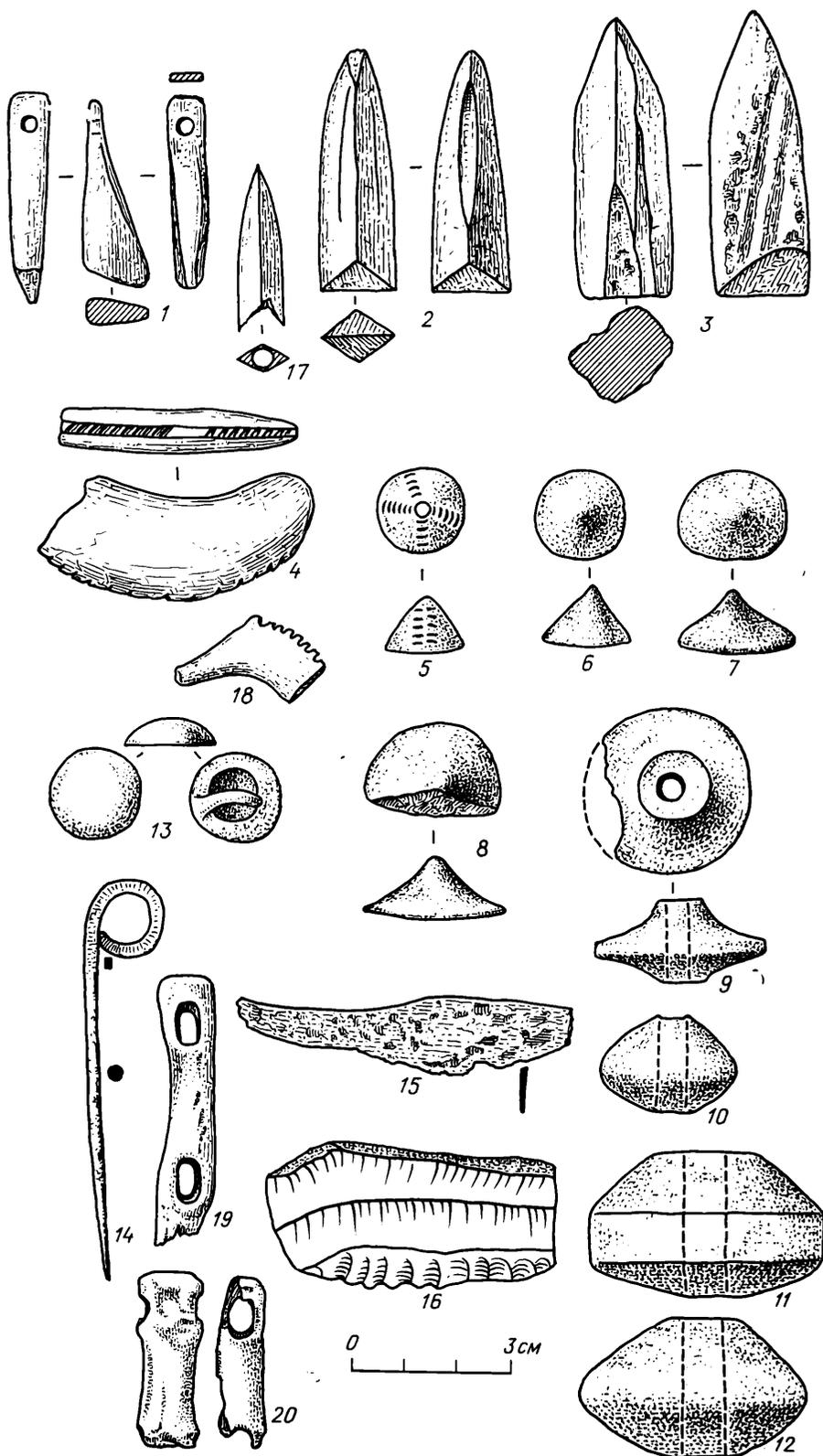

Рис. 5. Поселение у с. Цахнауцы. Вещи из металла, кости и рога (1—20)

ным для памятников типа Стойканы—Козия. На самих румынских памятниках нет таких материалов, которыми можно было бы доказать бесспорность этой начальной даты. Фибула средиземноморского типа, найденная у с. Браду вместе с керамикой, аналогичной посуде поселения в Стойканах, имеет широкую дату в пределах X—VIII вв. до н. э.²¹ Нельзя признать убедительной ссылку на датировку поселения в Бабадаге, поскольку керамика из памятников Стойканы—Козия, как и сахарнянско-солонченская, не тождественна бабадагской, как бы производна от нее и, возможно, относится к несколько более позднему времени.

В связи с этим мне представляется, что для датировки румынских памятников надежнее материалы с соответствующих памятников Молдавской ССР. Очевидно, и на них распространяется твердо установленная советскими исследователями относительная датировка сахарнянско-солонченских памятников.

Относительно абсолютных дат мнения ученых несколько расходятся. Так, А. И. Тереножкин определяет начальный период существования памятников, одновременных сахарнянско-солонченским, IX в. до н. э., а А. М. Лесков — VIII в. до н. э. Убедительных данных, на основании которых было бы можно устранить это противоречие, пока в нашей науке нет.

В свое время я уже называла археологические материалы, которые, на мой взгляд, доказывают мысль о возникновении сахарнянско-солонченских памятников не ранее конца IX в. до н. э. Они сохраняют свое значение и сейчас. Поэтому я продолжаю придерживаться датировки памятников типа Сахарна — Солончены временем в пределах конца IX — начала VII в. до н. э. Полагаю, что тем же временем следует датировать поселения типа Стойканы—Козия в Румынии. Памятники, подобные поселениям в Цахнауцах и Стойканах, должны относиться к началу указанного периода, в основном, видимо, к первой половине VIII в. до н. э., а остальные — ко второй половине VIII — началу VII в. до н. э.

¹ Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья.— МИА, 1958, 64, с. 76—90. Там же указана библиография.

² Мелюкова А. И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии.— СА, 1972, № 1, с. 57—72; Смирнова Г. И. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна—Солончены и Жаботин.— СА, 1977, № 4, с. 94—107.

³ Мельниковская О. Н. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы.— КСИИМК, 1954, 56, с. 69—75.

⁴ Материалы не изданы. В раскопках принимали участие сотрудник сектора этнографии и искусствоведения АН МССР Н. Л. Серова и сотрудник ИА Т. Б. Барцева. См.: Мелюкова А. И. Отчет о работе Западно-Скифской экспедиции в 1979 г. Архив ИА.

⁵ Hänsel W. Beiträge zur Regionalen und Chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der Unteren Donau. Bonn, 1976.

⁶ Мелюкова А. И. Памятники скифского времени..., с. 79; Она же. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии.— КСИИМК, 1954, 56, с. 64, рис. 30, 1, 2.

⁷ Morintz S. Quelques problèmes concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas-Danube à la lumière de fouilles

de Babadag.— Dacia, N. S., 1964, VIII, p. 110.

⁸ Мелюкова А. И. Памятники скифского времени..., рис. 24, 5, 14; 25, 15, 17.

⁹ Мелюкова А. И. Результаты раскопок..., рис. 29, 3; 30, 2.

¹⁰ Смирнова Г. И. Указ. соч.

¹¹ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1977, с. 155—157.

¹² Там же, с. 155.

¹³ Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, с. 150, рис. 99, 1.

¹⁴ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 198—201; Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— ПСА, с. 86, рис. 4.

¹⁵ Hänsel W. Beiträge..., S. 118—151.

¹⁶ Morintz S. Quelques problèmes...

¹⁷ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1978, с. 29, 30.

¹⁸ Morintz S. și Roman P. Un nou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României — Insula Banului.— SCIV, 1969, t. 20, 3, p. 402, fig. 9, 1, 4; 14, 11; 12, 6.

¹⁹ Petrescu-Dimbovița M. Cetățuia dela Stoicani.— MCA, 1953, 1, p. 45, fig. 5; Lásló A. O așezare hallstattiană la Cozia.— AM, 1972, VII, fig. 7—11.

²⁰ Lásló A. Über den Ursprung und die Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau.— Thraco-Dacia. București, 1976, S. 91—94.

²¹ Hänsel W. Beiträge..., S. 142, 143.

ЗЕРКАЛА С БОКОВЫМИ РУЧКАМИ ИЗ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Из зеркал, обнаруженных на лесостепных и степных памятниках Скифии VI—III вв. до н. э., самую многочисленную серию (63 экз., 46% от общего количества) составляют зеркала с боковыми ручками, изготовленными из различных материалов и прикреплявшимися к диску при помощи заклепок. По материалу, из которого изготовлены ручки, эти зеркала делятся на шесть групп, по форме ручки выделяются типы, по наличию или отсутствию бортика по краю диска — подтипы.

Группа I. Зеркала, ручки которых изготовлены из бронзы (рис. 1, а).

По форме ручки в группе I выделяется шесть типов.

Тип I. Ручка имеет узкий плоский ствол с небольшими валиками по краям, который расширяется кверху и переходит в округлый щиток. Конец ручки имеет форму, близкую к овалу. Диск круглый плоский, без бортика. Дата — V в. до н. э. 1 экз. (Берестяги, курган 4) ¹.

Тип II. Ручка имеет плоский суживающийся книзу ствол, в верхней части переходящий в фигуру, близкую к трапеции. Конец ручки оформлен в виде перевернутой буквы Т с острыми концами. Диск круглый плоский, с бортиком по краю. Дата — V в. до н. э. 1 экз. (Братышево, курган V) ².

Тип III. Ручка имеет плоский суживающийся книзу ствол с валиками по краям. В верхней части ручки — овальное расширение. Конец ручки представляет собой фигуру, напоминающую «рыбий хвост» с округлыми концами. Диск круглый плоский, с бортиком по краю. Дата — V в. до н. э. 1 экз. (Ивахновцы, курган 3) ³.

Тип IV. Ручка суживается книзу, переходя в круглую петлю. Диск круглый плоский, без бортика, имеет широкий короткий «отросток», суженный к концу, который является началом ручки. Дата — V—IV вв. до н. э. 1 экз. (Холодный Яр, курган 26, западное погребение) ⁴.

Тип V. Ручка имеет прямой ствол с круглым щитком на конце. Диск круглый плоский, без бортика. Дата — V—IV вв. до н. э. 1 экз. (Николаевка) ⁵.

Тип VI. Ствол ручки представляет собой бронзовый прямоугольный в сечении стержень. В месте соединения ручки и диска ствол ручки расклепан. Конец ручки имеет форму цилиндрической шляпки. Диск удлиненной формы, украшен пунсоным орнаментом. Дата — IV—III вв. до н. э. 1 экз. (Владимировка, курган 5) ⁶.

Группа II. Зеркала, имеющие ручки, ствол которых изготовлен из железа, а украшения — из бронзы (рис. 1, б)

По форме ручки выделяется четыре типа.

Тип I. Ручка имеет прямой плоский ствол. Накладка в месте соединения ручки с диском представляет собой рельефное изображение оленя. Конец ручки — фигурка пантеры. Диск круглый плоский, без бортика. Дата — VI—V вв. до н. э. 1 экз. (Журовка, курган 447) ⁷.

Тип II. Ручка имеет плоский ствол, расширяющийся в середине. Место соединения ручки с диском украшено фигурой в виде волют ионийской капители. Конец ручки — изображение двух обращенных друг к другу грифонных головок. Диск круглый плоский, без бортика. Дата — VI—V вв. до н. э. 1 экз. (Басовка, курган 6) ⁸.

Тип III. Ручка — с плоским стволом, слегка суживающимся к концу. Накладки в месте соединения ручки с диском и на конце украшены гравированным орнаментом в виде лепестков лотоса. Диск круглый плоский, без бортика, имеет боковой выступ для крепления ручки. Дата — VI—V вв. до н. э. 1 экз. (Гладковщина, курган 449) ⁹.

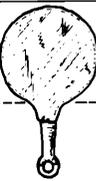
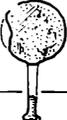
Дата	I группа						II группа				III группа					
	I mun	II mu	III mun	IV mun	V mun	VI mun	I mun	II mun	III mun	IV mun	I mun	II mun	III mun	IV mun	V mun	VI mun
VI - V вв. до н.э.																
V - IV вв. до н.э.																
IV - III вв. до н.э.																

Рис. 1. Зеркала с бронзовыми ручками (а); с железными ручками и бронзовыми украшениями на них (б); с целиком железными ручками (в)

Тип IV. Ручка имеет ствол в виде трех ребер, перевитых лентой из бронзы. Накладка в месте соединения ручки с диском украшена резьбой в виде волют, кружков и цветов. На конце ручки — изображение головки барана. Диск круглый плоский, с бортиком по краю. Дата — VI—V вв. до н. э. 1 экз. (Братышево, курган II) ¹⁰.

Группа III. Зеркала, ручки которых полностью изготовлены из железа (рис. 1, в).

По форме ручки выделяется шесть типов.

Тип I. Ручка тонкая и короткая, суживается книзу, конец острый. Диск круглый плоский, без бортика. Дата — V в. до н. э. 1 экз. (Волковцы, курган 494) ¹¹.

Тип II. Ручка имеет расширение в верхней части и суживается книзу. Конец ручки оформлен в виде «рыбьего хвоста» с округлыми концами. Диск круглый плоский. Выделяется два подтипа: с бортиком по краю (1 экз., Грудек, курган 1) ¹² и без бортика (1 экз., Севериновское городище, землянка) ¹³. Дата — V—IV вв. до н. э.

Тип III. Ручка слегка суживается книзу и представляет собой полосу металла, согнутую пополам. Диск круглый плоский, без бортика. Дата — IV—III вв. до н. э. 2 экз. (Капуловка, курган 13, погребение 1; Макеевка, курган 490, погребение 2) ¹⁴.

Тип IV. Ручка состоит из двух пластин, расширяющихся в верхней части и на конце. В одном случае между двумя пластинами вставлена третья, равная по толщине бронзовому выступу диска. Диск круглый плоский. Дата — IV—III вв. до н. э. 6 экз. (Орджоникидзе, группа БОФ, курган 13, погребение 1 и курган 12; Бобрица, курган 60; Борисполь, курган 3, погребение 2; Старицкая птицефабрика, курган 3, погребение 2 и курган 15, погребение 1) ¹⁵.

Тип V. Ручка прямая, прямоугольная в плане и овальная в сечении. Диск круглый плоский, без бортика. На диске имеется прямой выступ для крепления ручки, рядом — М-образный малый выступ. Дата — IV—III вв. до н. э. 1 экз. (курган Толстая Могила, боковое погребение) ¹⁶.

Тип VI. Ручка имеет прямой или слегка расширяющийся в средней части ствол, в месте крепления к диску — расширение, на конце — «брусок», расположенный перпендикулярно стволу. Диск круглый плоский, с бортиком по краю. На обратной стороне — две-три концентрические окружности. Дата — IV—III вв. до н. э. 2 экз. (Нагорное, курган 11, погребение 2; Буторы, курган 2, погребение 3) ¹⁷.

Группа IV. Зеркала, имеющие ручки, изготовленные из кости (рис. 2, а)

По форме ручки выделяются два типа.

Тип I. Ручка состоит из двух пластин, расширяющихся в верхней части и на конце. Выделяется два подтипа: с диском, имеющим бортик по краю (1 экз., Никопольский могильник, группа II, курган 21, погребение 1) ¹⁸, и с диском без бортика. По оформлению ручки в последнем подтипе выделяется три варианта: 1) верх ручки по форме близок прямоугольнику; диск круглый плоский. 2 экз. (Холодный Яр, курган 28; Чертомлык, северо-западное погребение) ¹⁹; 2) узкая в средней части ручка состоит из двух трехгранных пластин; диск круглый, слегка вогнутый; на оборотной стороне по краю — орнамент в виде переплетенных веревочек. 1 экз. (Кут, курган 7, погребение 9) ²⁰; 3) ручка оканчивается фигурой в виде ромба; диск круглый плоский. 1 экз. (группа Страшной Могилы, курган 4, гробница 2) ²¹. Дата типа — IV—III вв. до н. э.

Тип II. Ручка прямая, прямоугольная в сечении. Диск круглый плоский, без бортика, нижний край срезан. Дата — IV—III вв. до н. э. 1 экз. (Верхнетарасовка, курган 49, погребение 2) ²².

Дата	IV группа					V группа			VI группа	
	I тип				II тип	I тип	II тип	III тип	I тип	II тип
	I подтип	II подтип								
		1 вариант	2 вариант	3 вариант						
IV—III вв. до н. э.										
V—IV вв. до н. э.										
VI—V вв. до н. э.	<i>a</i>					<i>b</i>			<i>в</i>	

Рис. 2. Зеркала с костяными (а), деревянными (б) и комбинированными (в) ручками

Группа V. Зеркала, имеющие ручки, изготовленные из дерева (рис. 2, б)

По форме ручки выделяется три типа.

Тип I. Ручка слегка граненая, расширяется книзу. Диск круглый плоский, без бортика. Дата — IV—III вв. до н. э. 1 экз. (Тенетинка, курган 224)²³.

Тип II. Ручка прямая, круглая в сечении. В верхней части ручки — поперечный желобок и валик. Диск круглый плоский или слегка вогнутый, без бортика. Дата — IV—III вв. до н. э. 2 экз. (Аккермен I, курган 16, погребение 2; Капуловка II, курган 1, погребение 1)²⁴.

Тип III. Ручка прямая, прямоугольная в плане. Диск круглый плоский, без бортика. Дата — V в. до н. э. 1 экз. (курган у г. Днепрорудный)²⁵.

Группа VI. Зеркала, ручки которых изготовлены из различных материалов, включающих драгоценные металлы (рис. 2, в)

По форме ручки выделяются два типа.

Тип I. Ручка имеет прямой, расширяющийся в месте крепления с диском ствол, который заканчивается фигурой в виде удлиненного овала, расположенного перпендикулярно стволу. Ручка изготовлена из железа и имеет золотую двустороннюю обкладку, украшенную рельефными стилизованными изображениями животных. Диск круглый плоский, без бортика. В месте присоединения ручки есть орнамент в виде волют и пальметт, нарушенный отверстиями для заклепок. Под орнаментом — следы слома. Дата — IV—III вв. до н. э. 1 экз. (курган Куль-Оба)²⁶.

Тип II. Ручка имеет прямой ствол, заканчивающийся круглым щитком. Изготовлена из железа. На железную основу с обеих сторон наложены деревянные пластины, инкрустированные по оси во всю длину костяными накладками в виде ромбов. Место соединения ручки с диском и конец ручки украшены золотыми накладками. Диск круглый плоский,

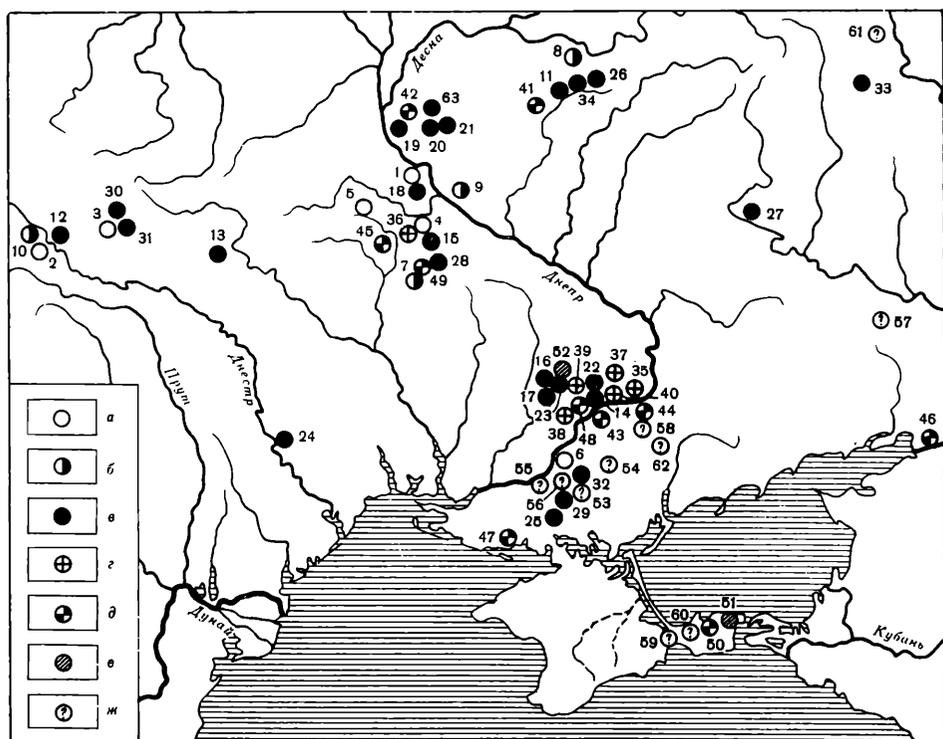

Рис. 3. Распространение зеркал с боковыми ручками из различных материалов

а — зеркала с бронзовыми ручками; б — с железными ручками и бронзовыми украшениями на них; в — с железными ручками; г — с костяными ручками; д — с деревянными ручками; е — с комбинированными ручками; ж — с утраченными ручками (материал не определен); 1 — Берестяги; 2, 10 — Братышево; 3, 31 — Ивахновцы; 4, 36 — урочище Холодный Яр; 5 — Николаевка; 6 — Владимировка; 7, 49 — Журовка; 8 — Васовка; 9 — Гладковщина; 11 — Волковцы; 12 — Грудек; 13 — Севериновское городище; 14 — Капуловка I; 15 — Макеевка; 16, 17, 52 — Орджоникидзе; 18 — Бобрица; 19 — Борисполь; 20, 21 — Старицкая птицефабрика; 22 — Толстая Могила; 23 — Нагорное; 24 — Буторы; 25 — Архангельская Слобода; 26, 34 — Будки; 27 — Островерховка; 28 — Капитановка; 29, 53 — Вильна Украина; 30 — Постоловка; 32 — Наховский р-он Херсонской обл.; 33 — Русская Тростянка; 35 — Никопольский могильник; 37 — курган Чертомлыки; 38, 48 — Кут; 39 — Страшная Могила; 40 — Верхнетарасовка; 41 — р. Тенетянка; 42 — Аккермен I; 43 — Капуловка II; 44 — Днепрорудный; 45 — Рыжановка; 46 — Елизаветовский могильник; 47 — Широкое; 50 — с. Астанино; 51 — курган Куль-Оба; 54 — Деев курган; 55, 56 — Любимовка; 57 — Горняцкое; 58 — урочище Носаки; 59 — Бранное Поле; 60 — Ильичево; 61 — Сторожевое городище; 62 — Троицкое; 63 — Сеньковка

без бортика. Дата — IV—III вв. до н. э. 1 экз. (Орджоникидзе, группа БОФ, курган 13, погребение 2)²⁷.

Известно еще 27 фрагментированных зеркал, ручки которых утрачены, но на дисках остались отверстия от заклепок. На отдельных экземплярах сохранились следы деревянных или железных ручек, форму которых установить не удалось.

Рассматривая распространение зеркал в лесостепном и степном районах Скифии (рис. 3), мы приходим к выводу, что в степи чаще встречаются зеркала с приклепанными ручками (40 экз., 62%), датирующиеся в основном V—III вв. до н. э. Зеркала из лесостепных памятников имеют, как правило, более раннюю дату. Однако этот вывод не может считаться окончательным из-за неравномерной изученности территории и наличия оgrabленных погребений.

Исследованная коллекция показывает, что отдельные зеркала (16 экз.) появляются на скифской территории уже в VI—V вв. до н. э., однако большая их часть (47 экз., 72,3%) датируется IV—III вв. до н. э. Видимо, с IV в. до н. э. в Скифии становится массовым употребление зеркал, ручка которых соединяется с диском при помощи заклепок. Зеркала с

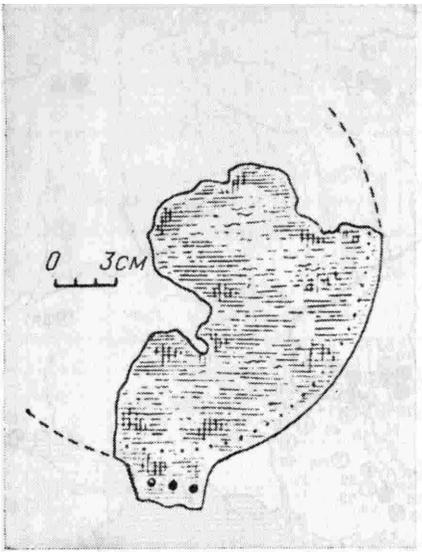

Рис. 4. Зеркало из кургана у с. Горняцкое

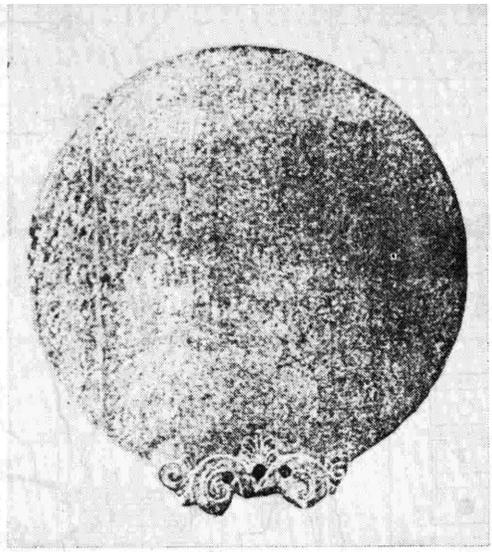

Рис. 5. Зеркало из кургана 2 у с. Вильна Украина

иным способом крепления ручки с диском встречаются реже. К IV—III вв. до н. э. относится 67 зеркал, из них 47 (70,2%) имеют приклепанную ручку, 11 (16,4%) — ручку, соединенную с диском иным способом, 9 (13,4%) — без ручки. Возможно, более ранние экземпляры употреблялись и в IV—III вв. до н. э. в новом виде, получая ручки, изготовленные из различных материалов. Именно к этому времени относятся зеркала, диск которых использовался вторично (в исследованной коллекции 15 экз.). О вторичном использовании свидетельствуют следы слома в месте перехода от диска к ручке и отверстия для заклепок над ним (рис. 4)²⁸, иногда нарушающие орнамент диска (рис. 5)²⁹.

Вторичное использование зеркал говорит об их ценности и, возможно, о нарушении поставок зеркал скифам из греческих мастерских. Может быть, в IV—III вв. до н. э. скифы перешли к собственному производству зеркал.

Ручки рассмотренных выше зеркал в большинстве случаев просты по форме и изготовлены из материалов, несложных в обработке. Возможно, там, где изготавливались зеркала, производились и починка сломанных дисков (также при помощи заклепок), и замена утраченных ручек.

Зеркала с диском во вторичном использовании известны пока только по находкам на памятниках IV—III вв. до н. э. Поэтому вторичное использование диска может служить датирующим признаком для тех скифских памятников, инвентарь которых не позволяет определить более точную дату. Этот вывод распространяется на зеркала, имевшие как в первоначальном виде, так и во вторичном использовании боковую ручку, так как вторичное использование дисков зеркал с центральной ручкой отмечено для более раннего времени.

¹ Смела, III, с. 95.

² Reichl J. *Zwierciadla podolskiej kultury Scytyjskiej*.— In: *Sulimirski T. Scytowie na Zachodniem Podolu*. Lwów, 1936, tab. IV, 2a.

³ *Ibid.*, tab. X, 11.

⁴ Покровська Є. Ф. Курганы IV ст. до н. э. біля Холодного Яру поблизу м. Смиля.— *Археологія*, 1957, X, с. 74, табл. 2, 10.

⁵ Петренко В. Г. Культура племен пра-

вобережного Среднего Приднєпровья в IV—III вв. до н. э.— *МИА*, 1965, 96, с. 95, рис. 13, 11.

⁶ Чередниченко Н. П., Болдин Я. Н. Скифские курганы у с. Владимировка.— В кн.: *Курганы юга Днепропетровщины*. Киев, 1977, с. 140, рис. 12, 1.

⁷ Бобринский А. А. Отчет о раскопках 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии.— *ИАК*, 1904, 14, с. 24, рис. 57.

- ⁸ Ханенко Б. Н. и В. И. Древности Приднепровья. Киев, 1900, III, табл. 44, 351.
- ⁹ Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья.—САИ, 1977, вып. Д1-33, табл. 21, 4.
- ¹⁰ Reichl J. Zwierniadla..., tab. V, 1; VI, VII.
- ¹¹ Галанина Л. К. Скифские древности..., табл. 24, 21.
- ¹² Reichl J. Zwierniadla..., tab. IV, 1a.
- ¹³ Смирнова Г. И. Севериновское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947—1948, 1953 гг.).—АСГЭ, 1961, 2, с. 100, рис. 11.
- ¹⁴ Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 123; Галанина Л. К. Скифские древности..., табл. 11, 9.
- ¹⁵ Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины, с. 154, 159, рис. 37, 16; 40, 8; Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.—САИ, 1967, вып. Д1-4, табл. 24, 8; Яковенко Э. В. Некрополь скифского времени возле г. Борисполь.—Археология, 1965, XVIII, с. 153, табл. II, 3; Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя.—СА, 1966, № 3, с. 155, рис. 2; с. 160, рис. 5.
- ¹⁶ Мозолевский Б. М. Товста Могила. Київ, 1979, с. 124, рис. 107.
- ¹⁷ Мозолевский Б. Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 203, рис. 17, 16; Мелюкова А. И. Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района.— В кн.: Археологические исследования 1972 г. в Молдавии. Кишинев, 1974, с. 88, рис. 8, 13.
- ¹⁸ Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле.—МИА, 1962, 115, рис. 8, 2.
- ¹⁹ Смела, I, табл. X, 2; MAP, 1872, 2, с. 118.
- ²⁰ Березовець Д. Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скифського часу у с. Кут.—АП, 1960, IX, с. 54, рис. 12, 4, 5.
- ²¹ Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины, с. 145.
- ²² Бунятян Е. П., Чередниченко Н. Н., Мурзин В. Ю. Скифский могильник у с. Верхнетарасовка.— В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977, с. 108, рис. 11.
- ²³ Смела, II, табл. V, 2.
- ²⁴ Вязьмітіна М. І., Ільїнська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкин О. І., Ковпаненко Г. Т. Кургани біля с. Ново-Пилипівки, радгоспу «Аккермень».— АП, 1960, VIII, рис. 40, 7; Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины, с. 130, рис. 15, 6.
- ²⁵ Мурзин В. Ю. Два раннескифских комплекса из Запорожской обл.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977, с. 63, рис. 5, 13.
- ²⁶ ДБК, табл. XXXI, 7.
- ²⁷ Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины, с. 165, рис. 44, 3.
- ²⁸ Філатов О. П., Черненко Е. В. Скифський курган на Ворошиловоградщині.— АИНУ, 1972, IV, с. 124, рис. 2.
- ²⁹ Лесков О. Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974, с. 75, рис. 63; Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины, с. 165, рис. 44, 3.

Е. Е. КУЗЬМИНА, В. И. САРИАНИДИ

ДВА ГОЛОВНЫХ УБОРА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ТИЛЛЯТЕПЕ И ИХ СЕМАНТИКА

Советско-Афганской экспедицией, работавшей в 1978—1979 гг. на севере Афганистана, на холме Тиллятепе открыто шесть погребений бактрийской знати¹. По римской монете — ауреусу Тиберия — и парфянским монетам Митридата II и Фраата IV захоронения датируются I в. до н. э.— I в. н. э. Представители бактрийского правящего рода были захоронены в своих парадных облачениях и в сопровождении богатых золотых украшений. Два из них — золотая модель дерева и золотая корона с изображением деревьев и птиц — представляют особый интерес в связи с их семантикой.

Модель дерева (рис. 1) найдена в погребении 4. Деревце имеет длинный четырехугольный в сечении ствол, расширяющийся книзу, где он переходит в подставку в виде четырех лепестков с отверстием в центре каждого из них для крепления. Сверху ствол заканчивается шестилепест-

ковой розеткой, на конце каждого лепестка на тонких золотых проволоках свободно свисают золотые диски. От ствола в четыре стороны отходят изогнутые ветви, заканчивающиеся свободно вращающимися на проволочках дисками. Некоторые проволочки украшены посредине нанизанными на них жемчужинами. Высота дерева 9 см, вес — 16 г.

Рассматриваемое изделие обнаружено в захоронении мужчины, голова которого покоилась в золотом сосуде. Модель дерева располагалась на бортике сосуда, свисая над серединой лба черепа. Очевидно, в древности она была прикреплена к сосуду каким-то клеящим или смолистым веществом, так как иначе модель не могла бы находиться в таком неестественном положении — «на весу», как это с документальной точностью установили раскопки.

Не исключено, что первоначально на том же бортике сосуда была прикреплена золотая миниатюрная великолепно моделированная фигурка горного козла², которая откатилась на пол могильной ямы, где и была обнаружена. Доказательством этого предположения служит то, что копытца козла заканчиваются колечками, предназначенными для крепления фигурки в составе более общей композиции. Таким образом, можно полагать, что золотая модель дерева с розетками и дисками и золотая фигурка горного козла составляли части парадного головного убора.

Второе интересующее нас изделие — золотая корона (рис. 2) — обнаружено на черепахе в женском захоронении 6³. Корона состоит из ленты-основы, некогда охватывавшей лобную часть головы, и пяти крепившихся к ней ажурных пальметок. Лента-основа вырезана из тонкого листового золота, причем оба конца ее заканчиваются припаянными петлями, которые могли соединяться при помощи пропущенной через них завязки. С лицевой стороны к ленте прикреплено 20 цветочков, вырезанных из тонкого листового золота в виде шестилепестковых розеток, — точно так же, как у диадемы из скифского царского погребения VI в. до н. э. в Келермесе⁴. Розетки украшены свисающими с них на проволочках миниатюрными дисками. В центр каждого цветочка вставлена круглая бирюзинка, оконтуренная по краю мелкой зернью.

С нижней стороны ленты-основы припаяно пять трубочек, при помощи которых к ней вертикально вверх крепилось пять пальметок, вырезанных в виде стилизованного дерева. В основании каждого дерева имеется горизонтальная полоска, изображающая землю, от которой вверх поднимается ствол с отходящими от него ветвями, заканчивающимися заостренными листочками.

На каждом таком дереве на нижних ветках сидит по паре птичек с распушенными крыльями и вытянутыми вверх шеями с маленькими головками, клювы которых упираются в верх ствола. С лицевой стороны к дереву прикреплены шестилепестковые цветочки с круглыми бирюзовыми вставками в центре, оконтуренными мелкой зернью. На каждом дереве имеется по шесть таких цветочков: два — на нижних, два — на верхних ветвях, один — в середине и один — на самом верху. К каждому лепестку на золотой проволоке прикреплен свободно вращающийся диск. С тыльной стороны в основании каждой пальметки припаяны трубочки, при помощи которых они крепились к ленте-основе.

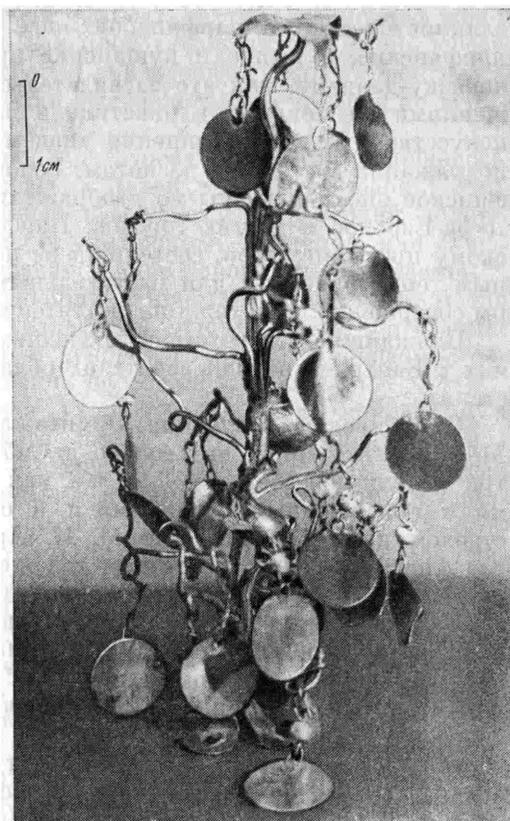
Все пальметки однотипные, за исключением центральной: в основании ее помещена горизонтальная полоска, от обоих концов которой вверх поднимаются сильно стилизованные, изгибающиеся стволы с ветвями, заканчивающимися листочками. Внизу ветви образуют сквозной вырезанный круг, в который помещена вихревая розетка; верхние ветви, соединяясь, завершаются остроконечным листиком. С лицевой стороны эта центральная пальметка украшена девятью шестилепестковыми цветочками с жемчужинами, вставленными в их центр. На концах лепестков на проволочках свисают золотые диски, на самом верху на проволоке прикреплен не цветочек, а диск. Длина ленты-основы в развернутом виде 45 см, ширина — 2,5 см. Высота пальметок 13 см, ширина — 7,5 см. Общий вес короны около 100 г.

По технике изготовления и деталям оба убора Тиллятепе близки друг другу и ряду других вещей этого памятника. Особенно показательно сходство с золотыми предметами, украшенными, как и анализируемые изделия, золотыми листьями и дисками, укрепленными на цепочках⁵. Эта деталь позволяет говорить о единстве производственных традиций мастеров, изготовивших значительную часть тиллятепинских украшений, и ставить вопрос о существовании в приамударьинской Бактрии самостоятельного центра златоделания.

Анализируемые головные уборы Тиллятепе отличаются значительным своеобразием от известных ныне уборов Бактрии, Ирана и Передней Азии

Рис. 1. Золотая модель дерева из погребения 4 Тиллятепе

Рис. 2. Золотая корона из погребения 6 Тиллятепе

эллинистической и парфянской эпох. Греко-бактрийские, селевкидские, парфянские, а позже и кушанские правители носили на голове узкую повязку-диадему, как это засвидетельствовано многочисленными изображениями на монетах, в пластике и на произведениях монументального искусства⁶. Моду на ношение диадем ввел Александр Македонский в подражание восточным деспотам. Головные уборы знатных женщин парфянской эпохи изучены по изображениям на статуях Хатры, Пальмиры, Дура-Европос и других городов. Парфянки носили восходящий к греческому прототипу убор, состоящий из покрывала и узкой тиары со скромным геометрическим или растительным орнаментом⁷. Эти головные уборы совершенно не похожи на тиллятепинские⁸.

Ближайшие соответствия последним отмечаются не на юге — в соседних с Бактрией переднеазиатских областях, а на севере — в евразийских степях.

В сибирской коллекции Эрмитажа⁹, составлявшейся, как доказано М. П. Завитухиной, не столько в Сибири, сколько в Казахстане¹⁰, есть три модели деревьев с такими же, как в Тиллятепе, ветвями-проволочками с подвешенными листьями и в одном случае — с четырехгранным стволом на подставке. Уже М. И. Артамонов правильно предположил, что фигурки оленей и птиц из той же коллекции¹¹ составляли вместе с деревьями единую композицию, имевшую культовое значение¹².

Пять подобных же миниатюрных деревьев с четырьмя ветвями и сидящими на вершинах птицами украшают головной убор погребенного в кургане Иссык в Южном Казахстане¹³. Помещенные на иссыкском колпаке золотые изображения составляют многофигурную композицию¹⁴: спереди — стрелы, перья, пары коней и козлов; верхний фриз образуют деревья с птицами на вершинах, растущие на восьми горах, и фигурка архара, венчающая шапку; нижний фриз состоит из отдельных фигур козлов и кошачьих хищников, взаиморасположение которых, на наш взгляд, позволяет рассматривать эти пары как сцену терзания. Курган Иссык относится к сакской культуре и датируется IV в. до н. э.

Несколько золотых листочков, видимо от модели дерева, найдено на р. Каргала в Южном Казахстане в погребении шаманки¹⁵ в комплексе с уникальной золотой диадемой, украшенной богатым растительным декором и многофигурной композицией. А. Н. Бернштам датировал комплекс I—II вв. н. э., более обоснованной представляется дата II в. до н. э. — I в. н. э.

В эпоху сооружения тиллятепинского некрополя изображения древа жизни были популярны не только в Азии¹⁶, но и в южнорусских степях — у сарматской знати. На Кубани, в кургане 46 Устьлабинского могильника, найдена плоская золотая модель дерева с птицами на вершине и четырех боковых ветвях и козлами у основания; к той же сцене, видимо, принадлежали фигурки козла и оленя¹⁷.

Наиболее яркая и законченная композиция представлена на золотой диадеме так называемого Новочеркасского клада, найденного в погребении знатной сарматки I в. н. э. в кургане Хохлач¹⁸. По верхнему краю диадемы были размещены древо жизни с ветвями и свисающими листочками и идущие к нему с двух сторон фигурки оленей и козлов, далее — по обе стороны — еще дерево, олень и две птички. Фигурки укреплены на специальных столбиках, ко рту животных припаяны петельки, на которых раньше крепились цепочки с подвесками, в центре помещена вторично использованная античная гемма с женской головкой, а по бокам от нее — фигурки птиц (орлов)¹⁹.

Форма парадного головного убора с изображениями дерева и птиц сохранялась в евразийских степях и в последующую — гуннскую эпоху. К IV—V вв. н. э. относятся найденные на широкой территории гуннские диадемы, украшенные по верху вырезанными из металлического листа сложными пальметками или грибовидными фигурами, имитирующими дерево с птицами²⁰. Исследователи считают, что гуннские диадемы восходят к боспорским и сарматским²¹. Однако форма кроны дерева, осо-

бенно у экземпляра из Шипова, ближе пальметкам тиллятепинской короны, которая может рассматриваться как прототип гуннских. Итак, дерево с птицами на парадных головных уборах знати евразийских степей неизменно воспроизводилось на протяжении тысячелетия: от сакской до гуннской эпохи, с V в. до н. э. по V в. н. э.

Следует подчеркнуть, что изображение дерева с птицами помещалось и на парадном головном уборе скифских царей и особенно цариц. Этот убор представлял собой или подобный исыкскому островерхий колпак типа карагодеуашского, спереди снизу украшенный диадемой, или скифский калаф с плоским верхом и передом в виде кокошника с диадемой²².

В обоих типах уборов господствующий и иногда единственный мотив декора составляли листья, цветы, пальметки, часто вместе с птицами. В ряде случаев фриз с растительным декором сочетался с фризом с образами богини и других мифологических персонажей.

Пластина-диадема, датирующаяся V в. до н. э., была найдена и в Бактрии — в составе Амударьинского клада²³. На ней представлены пары птиц по сторонам пальметки — сюжет, семантически тождественный изображениям на скифских диадемах и на анализируемой тиллятепинской короне.

В Бактрии и на юге Средней Азии мода на ношение диадем появилась еще во второй половине II тысячелетия до н. э., что засвидетельствовано находками в могильниках Янгикала и Джаркутан²⁴.

В Джаркутане на черепе найдено три медных листка от головного убора, отдаленно напоминающего переднеазиатский прототип, — убор царицы Шубад из некрополя в Уре, символизирующий древо жизни²⁵. Ко II тысячелетию до н. э. относится и распространение в Бактрии образа древа жизни с птицами на его ветвях, представленного на печати из Дашлинского оазиса²⁶. Сюжет этот — переднеазиатского происхождения, но его трактовка — бактрийская. К переднеазиатским прототипам восходит также мотив древа с предстоящими животными, множество раз воспроизведенный и в монументальном, и в прикладном искусстве, особенно в глиптике²⁷. Для выяснения его семантики очень интересна урукская печать Берлинского музея, на которой рядом со знаком богини плодородия Инины представлены два козла, тянущиеся к ветвям дерева, украшенного розетками, — цветами богини²⁸, что указывает на ассоциацию композиции с богиней плодородия.

Сюжет древа жизни с предстоящими животными был особенно популярен в начале I тысячелетия до н. э. — в эпоху расселения ираноязычных племен — в искусстве Северного Ирана, оказавшего определяющее воздействие на формирование скифского изобразительного творчества. В Иране представлены дерево с плодами и птицами (Амлаш), с крылатыми быками (Марлик), оленями, козлами²⁹.

Таким образом, сюжет дерева с птицами и предстоящими копытными животными мог быть заимствован кочевниками евразийских степей как в западно-, так и в восточноиранском ареале.

Чем объясняется помещение образа дерева с птицами на парадном головном уборе знати Бактрии и евразийских степей? Каково значение этой композиции в идеологии ираноязычных народов?

Как уже отмечалось, в переднеазиатском искусстве древо жизни ассоциировалось с богиней плодородия и выражало идею возрождения жизни.

Исследователями мифологии установлено, что образ древа в изобразительном искусстве передает содержание основного космогонического мифа, согласно которому в центре мира на вершине располагается мировое древо³⁰, объединяющее четыре стороны света и три сферы мироздания (корни дерева — подземный мир, ствол — поверхность земли — мир людей и зверей, вершина — небо — мир богов). Иногда четыре стороны света маркируются четырьмя деревьями, растущими по четырем сторонам от мирового дерева, возвышающегося на вершине.

Именно эту космологическую модель и передает изображение на тиллятепинской короне: в центре — мировое дерево на вершине, по бокам — четыре дерева четырех сторон света.

Универсальный миф о мировом дереве, у которого стоят кони, олени или козлы, был хорошо известен всем индоевропейским народам, что нашло яркое отражение как в древних текстах, так и в ритуале.

Теме мирового дерева в индийской мифологии посвятили свои исследования О. Вьенно, В. Н. Топоров и В. В. Иванов³¹.

В Ригведе (I, 164, 20) говорится, что на ветвях мирового дерева сидят две птицы, одна из них ест плоды пиппала, отождествляемые с сомой, — растением, сок которого дарует бессмертие богам.

С этим древнеиндийским свидетельством перекликается иранский зороастрийский текст Меног и Храд (гл. LXII, 14, 28 сл.) о растущем на острове целебном дереве, где сидят птица Сенмурв, рассыпающая семена всех растений, и птица Хаумрош, относящая семена к коню Тиштрии, который проливает семена вместе с дождем по всей земле³².

В индийской традиции мировое дерево ассоциируется с богиней-матерью. По-видимому, тот же круг идей существовал и у иранцев, на что указывают как атрибуты богини плодородия Анахиты — птица, цветок, венок или плод³³, так и зороастрийское представление о рае³⁴. После смерти зороастрийца добрые дела его предстанут в образе прелестной девушки, которая поведет его на гору Хара Березаити, где восходит солнце, в сад Гародман, полный благоухающих деревьев, фруктов, злаков, вод. В изобразительном искусстве сасанидского Ирана этот рай изобразился в виде дерева с двумя птицами на ветвях³⁵.

Таким образом, в свете данных индоиранской традиции образ дерева на тиллятепинских головных уборах можно трактовать как изображение древа жизни — космического символа плодородия и возрождения.

Несомненно, ту же мифологему передают и изображения на скифских калафах³⁶. Важно подчеркнуть, что в Скифии в композицию наряду с побегами и птицами часто включали и образ богини, причем тело ее иногда переходит в пальметку, чем непосредственно передается слияние богини и растительности.

Атрибуты и изображения на уборах скифских цариц дают основания предполагать, что царица исполняла функции жрицы верховной богини. Видимо, такова же была социальная роль женщины, похороненной в погребении 6 в Тиллятепе. Кроме короны, она носила застегки с изображением священного брака: венчаемые Никой мужчина и женщина на грифоне получают ритон от Силена³⁷. Образ Силена позволяет интерпретировать сцену как брак Диониса и Ариадны.

Как показано Ю. А. Рапопортом³⁸, в Средней Азии был культ Ариадны — Мины — Анахиты. На весеннем празднике возрождения природы роль богини играла царица, вступая в мистический брак с богом растительности Дионисом, что гарантировало плодородие.

Судя по изображениям на скифских калафах, сходный круг религиозных представлений и ритуалов существовал и у скифов.

Характер изображений на парадном облачении и корона бактрийки Тиллятепе позволяют видеть и в ней не просто знатную женщину, а царицу правящего рода — базилину³⁹, выступавшую земной заместительницей богини плодородия, что и символизировало древо жизни на ее короне.

То же значение космического символа имеет модель дерева на головном уборе мужчины из погребения 4. При нем положен богатый набор вооружения⁴⁰, позволяющий признать похороненного военным предводителем, но изображение дерева на головном уборе свидетельствует о его сакральных функциях и позволяет считать его именно царем.

В архаических традициях царь считался носителем земного плодородия, посредником между миром людей и богов⁴¹. Поскольку связующим звеном между землей и небом служит мировое дерево, этот символ поместили на царской инсигнии.

На севере Евразии представление о мировом дереве как медиаторе вселенной сохранилось у сибирских шаманов почти до современности: дерево с птицами шаман помещал на своем ритуальном уборе и бубне⁴²: предполагалось, что по дереву он поднимается на небо узнать волю богов. Изображение древа жизни финно-угорская знать, в том числе венгры эпохи Арпадов, помещала на инсигниях власти. Согласно легенде, родственной скифской, избранники (родоначальники и герои эпоса) получали от богов свое наделенное магическими силами оружие, коней и золотые одежды цвета солнца у подножия волшебного дерева. Эти представления были заимствованы финно-уграми от ираноязычных народов⁴³, у которых сакральные функции исполнял царь.

Таким образом, круг мифологических представлений, овеществленных в изображениях древа жизни на бактрийских коронах, восходя к древнейшим общендоиранским истокам, находит ближайšie аналогии в Средней Азии и евразийских степях, что, возможно, указывает на северное происхождение правящей бактрийской династии. Это подтверждается и другими данными тиллятепинских погребенных комплексов⁴⁴.

- ¹ *Sarianidi V. И.* Работа Советско-Афганской экспедиции.— АО 1978 г. М., 1979, с. 602; *Sarianidi V.* Die Schätze der Kuschanen-Könige.— *Afghanistan Journal*, 1979, 6, 4, S. 121—132; *Idem.* The Treasure of the Golden Mound.— *Archaeology*, 1980, 33, 3, p. 31—41.
- ² *Sarianidi V.* Die Schätze..., Abb. 7; *Idem.* The Treasure..., p. 38, fig. on p. 37.
- ³ *Sarianidi V.* The Treasure..., p. 34, fig. on p. 36 (top), 40 (left).
- ⁴ *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л., 1966, табл. 27.
- ⁵ *Sarianidi V.* Die Schätze..., Abb. 3, 4; *Idem.* The Treasure..., fig. on p. 34, 36, 38 (bottom), 39 (top). Подобный прием украшения ювелирных изделий цепочками с подвесками был характерен для античного златоделая. См.: *Marshall F.* Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and Roman. London, 1911. Он получил особое развитие в Северном Причерноморье, где ювелиры боспорских мастерских в IV в. до н. э. создавали по заказу скифской знати непревзойденные шедевры. См.: *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага; Л., 1966, табл. 214; 215; 221; 296; 300; 304; 326; 327.
- ⁶ *Gardner P.* The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886; *Пугаченкова Г. А.* Искусство Афганистана. М., 1963; *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966, рис. на с. 209, 210; *Он же.* Родина парфия. М., 1977, рис. 30; 32; 33; *Пугаченкова Г. А.* Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979, рис. 103; 114; 115; *Ritter H.* Diadem und Königsherrschaft. München, 1965.
- ⁷ *Mackay D.* The Jewellery of Palmyra and its Significance.— *Iraq*, 1949, XI, 2, p. 160—185, pl. LII—LXI; *Rostovtzeff M. I.* Dura-Europos and its Art. Oxford, 1938; *Andrae W.* Natra. Leipzig, 1908—1912, v. 1, II.
- ⁸ Только Антиох — правитель маленького малоазиатского государства в Коммагене, возводивший свой род к иранским владыкам, судя по изображению в культовом комплексе в Немруд-Даге, носил высокий головной убор с зубчатым венцом с изображением лавровых ветвей, виноградной лозы и противостоящих львов.
- ⁹ *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973, с. 206, илл. 274—276.
- ¹⁰ *Завитухина М. П.* К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I.— В кн.: Культура и искусство петровского времени. Л., 1977, с. 63—69.
- ¹¹ *Артамонов М. И.* Сокровища саков, с. 195, 199, илл. 261—264 (олени), 267 (птица); *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I.— САИ, 1962, вып. ДЗ-9, с. 49, табл. XXII, 1, 2, 4, 5, 7.
- ¹² *Артамонов М. И.* Сокровища саков, с. 206. По форме листья Тиллятепе сходны с сибирскими и напоминают аканф, березу или пиппалу (*Sarianidi V.* The Treasure..., fig. on p. 36, 38).
- ¹³ *Акишев К. А.* Курган Иссык. М., 1978, с. 26, 46, илл. 23, табл. 8.
- ¹⁴ Там же, с. 43—46, илл. 62; 63; *Он же.* Идеология саков Семиречья.— КСИА, 1978, 154, с. 39—47.
- ¹⁵ *Бернштам А. Н.* Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке.— КСИИМК, 1940, V, с. 23, 31.
- ¹⁶ Короны с изображением дерева и птиц в ханьскую эпоху распространяются в Азии по шелковому пути вплоть до Южной Кореи, где они известны и в IV в. до н. э. в государстве Силла (*Hentze C.* Schamanenkronen zur Hanzeit in Korea.— *Ostasiatische Zeitschrift*, 1935, 5); *Воробьев М. В.* Древняя Корея. М., 1961, рис. 1; Центральный исторический музей Кореи. Пхеньян, 1979, табл. 36; 66). Корейская корона близко напоминает бактрийскую и по сюжету, и по стилю. Сходство это не случайно. Оно обусловлено сильным влиянием среднеазиатских народов на идеологию корейцев, что проявляется в сходстве ритуалов и заимствовании корейцами шаманской терминологии. См.: *Ионова Ю. В.* Шаманство в Корею.— В кн.: Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980, с. 4—33.
- ¹⁷ *Засецкая И. П.* Золотые украшения

- гуннской эпохи. Л., 1975, с. 16, рис. 3; *Werner I. Beiträge zur Archäologie des Attila Reiches. München, 1956, S. 61—68, Taf. 66, 3—5.* Близкую аналогию составляет деревце с птицей на вершине, двумя козлами и двумя оленями по бокам, изображенное на гуннском золотом колте IV—V вв. н. э., найденном вместе с диадемой у хут. Верхне-Яблочный. См.: *Засецкая И. П. Золотые украшения...*, с. 15, 36, табл. VI, 1; *Werner I. Beiträge...*, Taf. 66, 2; *Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников Золотой Орды. М., 1976, с. 56.*
- ¹⁸ *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890, вып. с. 132—136, рис. 152; 153. О семантике изображений новочеркасской диадемы см.: *Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе.*—СА, 1976, № 3, с. 71.
- ¹⁹ *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности..., с. 132; *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 134, 137, табл. XIV, 2. Указывая на восточные влияния в сложении характерного для сарматской эпохи полихромного декоративного стиля, в котором выполнена новочеркасская диадема, исследователи подчеркивали, что виды оленя и козла-аргали — сибирские. Однако те же виды были распространены в Средней Азии и Бактрии и многократно тиражировались в искусстве, что позволяет вновь вернуться к гипотезе об участии Бактрии в сложении полихромного стиля. Р. Барнетт назвал период расцвета полихромного стиля «бактрийской фазой» в искусстве евразийских степей. См.: *Barnett R. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus.*—*Iranica Antiqua*, 1968, 8.
- ²⁰ *Засецкая И. П.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья.—АСГЭ, 1968, 10, с. 38—43, рис. 4, 1; 5, 3; *Она же.* Золотые украшения..., с. 15, 36, табл. VI, 1; *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников Золотой Орды, с. 56; *Werner I. Beiträge...*, S. 61—68, Taf. 68, 2.
- ²¹ *Засецкая И. П.* Полихромные изделия..., с. 43; *Werner I. Beiträge...*
- ²² *Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский головной убор.—ИАН, 1917, 63, с. 69—95, табл. VI—IX; *Боровка Г. И.* Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана — ИРАИМК, 1921, 1, с. 169—192, табл. XVII; *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Київ, 1979, с. 127—130, 198—204, рис. 110—112; 133; 134; *Мирошина Т. В.* Скифские калафы.—СА, 1980, № 1, с. 30—45, табл. 5.
- ²³ *Dalton O. M.* The Treasure of the Oxus. London, 1954, p. 18, pl. XIII, № 47; *Кузьмина Е. Е.* Золотая пластина с птицами из Амударьинского клада.—КСИА, 1979, 159, с. 16—19.
- ²⁴ *Ганялин А. Ф.* Погребения эпохи бронзы у с. Янгикала.—ТЮТАКЭ, 1956, VII, с. 382; *Аскарлов А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с. 77, табл. XXXIX, 1—3.
- ²⁵ *Seton Lloyd.* The Art of the Ancient Near East. London, 1974, fig. 54.
- ²⁶ *Сарианиди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.—СА, 1976, № 1, с. 60, рис. 17.
- ²⁷ *Perrot N.* Les représentations de l'arbre sacré sur les monuments de Mesopotamie et d'Elam. Paris, 1937.
- ²⁸ *Флиггнер Н. Д.* Культура и искусство Двуречья. М.; Л., 1958, с. 76, рис. на с. 78.
- ²⁹ *Trésors de l'ancien Iran.* Genève, 1966, N 404, 517, 547, 649. Эта тема остается популярной в ахеменидском, сасанидском и средневековом искусстве Ирана (там же, № 732; *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.; Л., 1935, табл. 32; 33; 38; 39; 52; 72; *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М., 1976, с. 20, 21, табл. 4, 1; 8, 1—4).
- ³⁰ *Топоров В. Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева.—ТЗС, 1971, V; *Он же.* «Світове дерево» — универсальный образ міфопоетичної свідомості.—Всесвіт, 1977, № 6; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследование в области славянских древностей. М., 1974, с. 28, 31, 35, 143, 294; *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976, с. 213—216, 236, 249.
- ³¹ *Топоров В. Н.* О брахмане. К истокам концепции.—В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974; *Иванов В. В.* Опыт толкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *ásva*-«конь». — Там же; *Viennot O.* Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954.
- ³² *Брагинский И. С.* Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, с. 97, 98.
- ³³ Изображения богини с этими атрибутами известны не только в сасанидскую (*Лукокин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 97, 112), но и в ахеменидскую эпоху (*Кузьмина Е. Е.* О двух перстнях Амударьинского клада с изображением царя.—СА, 1979, № 1, с. 40—45).
- ³⁴ Анализ источников и библиографию см.: *Azarpay G.* The Allegory of *dēn* in Persian Art.—*Artibus Asiae*, 1976, XXXVIII, 1, p. 40, 41.
- ³⁵ *Ibid.*, pl. 3.
- ³⁶ *Кузьмина Е. Е.* Роль царицы в обществе скифов.—В кн.: VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция ВДИ. М., 1981, с. 46, 47.
- ³⁷ *Sarianidi V.* The Treasure..., p. 37, 38, fig. on p. 37 (top).
- ³⁸ *Panopopr Ю. А.* К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топраккалы.—В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978, с. 275—283.
- ³⁹ В связи с ролью дионисизма в царском культе интересно отметить, что Александр Македонский объявил себя

Дионисом и его примеру последовали эллинистические правители Египта, Малой Азии и Бактрии. На монетах Агафокла II в. до н. э. царь изображен в облике Диониса. См.: *Trepper K. B.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940, с. 131.

⁴⁰ *Sarianidi V.* The Treasure..., p. 38.

⁴¹ *Топоров В. Н.* Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам.— В кн.: *Этимология* 1972. М., 1974; *Günter H.* Der arische Welt König und Hailand. Halle, 1923; *Hocart A. M.* Kingship. Oxford, 1927; *Widengren G.* The Sacral Kingship of Iran, La Regalia Sacra. Leiden, 1959; *L'Orange H.* Studies on the Iconography

of Cosmic Kingship in the Ancient World. Oslo, 1953.

⁴² *Анучин В.* Очерк шаманства у енисейских остяков.— Сборник МАЭ, 1944, II, с. 36, 37; *Ancient Cultures of the Uralian Peoples.* Budapest, 1976, p. 100—102, 222—224.

⁴³ *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1974, с. 72—74, 84, 85.

⁴⁴ К числу степных черт относятся захоронение черепа коня над могилой, мужской костюм, предметы звериного стиля в специфической сакской трактовке, наконеч, антропологический тип части персонажей. См.: *Sarianidi V.* The Treasure...

Л. С. ХОМУТОВА

КУЗНЕЧНАЯ ОБРАБОТКА НА ПОСЕЛЕНИЯХ СМОЛЕНЩИНЫ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

Территория Смоленского Поднепровья в раннем железном веке и начале средневековья была занята восточными балтами¹. По археологическим материалам в их истории условно выделяются три периода. Первый (VIII—VII—II вв. до н. э.) и второй (I в. до н. э.— III—IV вв. н. э.) периоды характеризуются днепро-двинской культурой. В нижних слоях смоленских городищ, датируемых VIII—V вв. до н. э., железные вещи практически отсутствуют, в слоях IV—II вв. до н. э. они немногочисленны². Второй период характеризуется уже преобладанием железных орудий труда, из железа изготавливались и некоторые украшения. Находки шлаков, кусочков руды, а также кузнечных инструментов свидетельствуют об обработке железа на самих поселениях. На городище Тербухань открыта хорошо сохранившаяся домница³.

Третий период, названный тушемлинским, наступает в середине I тысячелетия н. э. и длится до конца VII в.⁴ Анализ материалов из городищ тушемлинского типа свидетельствует о прямой преемственности этих поселений и памятников днепро-двинской культуры и об этническом единстве оставившего их населения⁵. Почти на всех поселениях тушемлинского типа обнаружены следы железоделательного производства: остатки горнов, многочисленные шлаки, куски железной руды. Набор орудий труда и оружия более разнообразен⁶.

В лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР было проведено металлографическое исследование некоторых категорий железных предметов из городищ Смоленщины⁷. Такое исследование позволяет раскрыть технологические приемы, применявшиеся древними кузнецами, выяснить их последовательность и целесообразность, определить материалы, из которых отковывались изделия, оценить качество металла и самих изделий. При исследовании техники и технологии обработки черного металла значительный интерес представляют приемыковки, сварки, температура нагрева перед ковкой, методы нагрева и режимы термической обработки. Полученная информация позволяет оценить уровень железообрабатывающего производства восточных балтов в различные периоды их истории. Исследование проводилось по методике, предложенной Б. А. Колчиным⁸. Все изделия исследованы микроскопически на металломикроскопе МИМ-7. Пробы для микроскопического исследования брались преимущественно с рабочей части орудий. Твердость на всех предметах измерялась с помощью микротвердомера ПМТ-3.

Отобранная для технологического исследования коллекция состояла из 65 предметов, найденных на четырех городищах Смоленского Поднепровья: Тушемля⁹, Новые Батеки¹⁰, Близнаки¹¹ и Демидовка¹². Среди исследованных железных изделий — орудия труда (ножи, серпы, шилья, стамеска), оружие (наконечники стрел и копий), предметы украшений (булавки, пряжки, браслеты). Хронологически они относятся ко всем указанным выше этапам в истории восточнобалтского населения Верхнего Поднепровья. Результаты исследования рассмотрим по каждой категории находок отдельно.

Ножи (35 экз.). Самыми ранними являются ножи с горбатой спинкой и слегка утолщенным коротким черешком, относящиеся к первому периоду и датируемые второй половиной I тысячелетия до н. э.¹³ Исследовано четыре ножа этого времени из городищ Тушемля, Близнаки, Демидовка. Установлены две технологические схемы их изготовления:

1) из железной заготовки, сваренной из нескольких кусочков металла, загрязненного шлаковыми включениями (2 экз.; рис. 1, 970, 1011). Применение сварки связано с пакетованием сырья и не является конструктивной операцией, так как сварка однородных металлов не дает никаких технологических преимуществ. К ее помощи прибегают для соединения частей металлического лома. Сварка проведена удачно, качественно. Зерна феррита на отдельных участках имеют вытянутую форму. Микротвердость 221—322 кг/кв. мм.

2) из среднеуглеродистой стали (2 экз.; рис. 1, 982, 1006). Металл мелкозернистый, хорошо прокованный. Структура — феррито-перлитная, характерная для незакаленной стали. На отдельных участках наблюдается удлиненность структурных составляющих. Микротвердость 221—254 кг/кв. мм.

Для ножей с горбатой спинкой характерна, таким образом, простая технология, ограничивавшаяся приемами свободнойковки для придания предмету требуемой формы. Важно, что при изготовлении ножей этой группы, относящихся к раннему периоду появления железа на поселениях, применялась хорошо и специально цементированная сталь. Ковка заканчивалась ниже критических точек (720°). Этот процесс находит отражение в удлиненности, вытянутости структурных составляющих. Термическая обработка отсутствует (рис. 2, 1, 2). Твердость железа повышенная.

Позднее, на рубеже нашей эры, появляется группа ножей серповидной формы, черешок которых либо плавно переходит в лезвие, либо образует при этом уступ¹⁴. Исследовано девять ножей из городищ Тушемля, Новые Батеки, Демидовка, Близнаки. Выявлены две технологические схемы их изготовления:

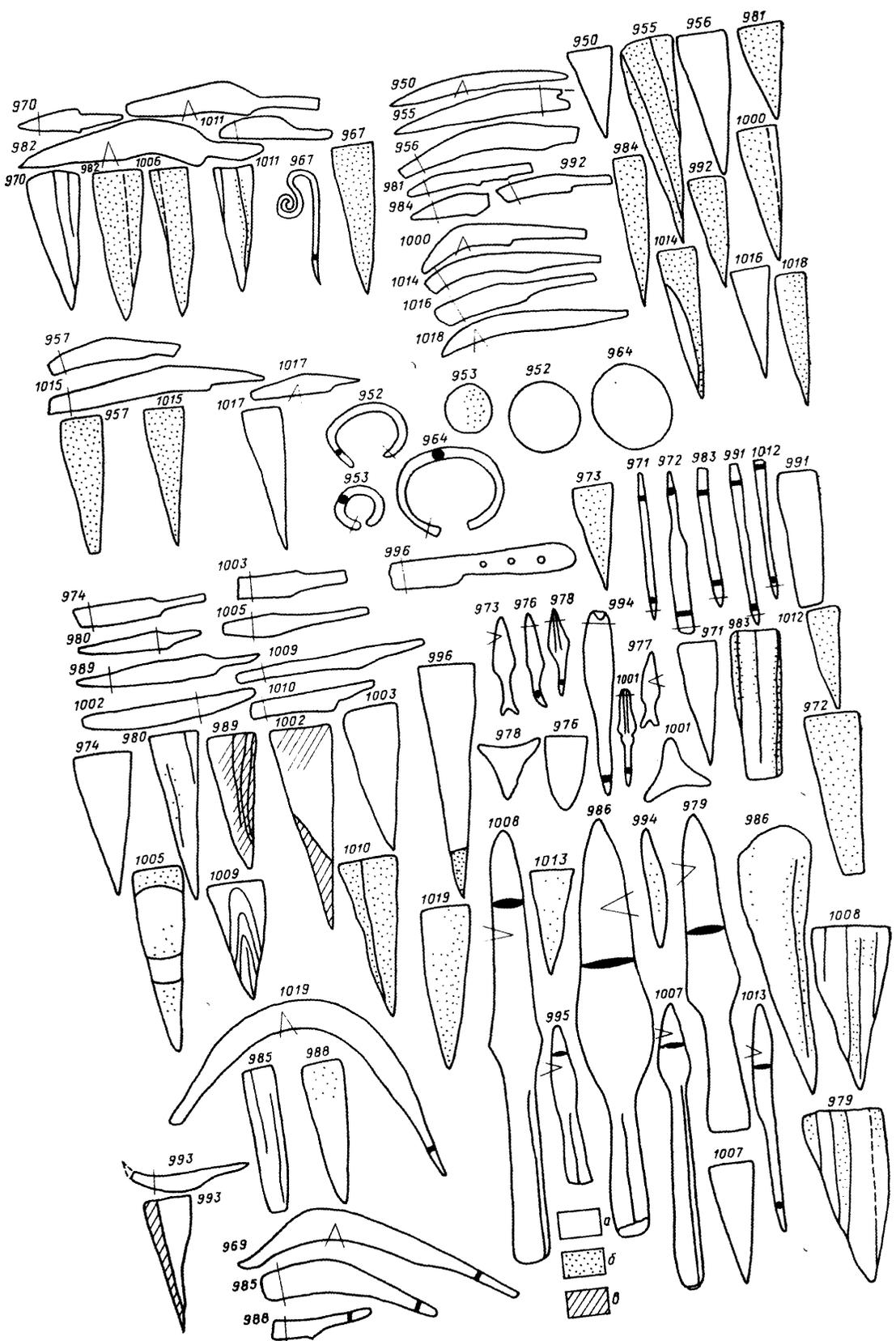
1) целиком из железа со следами естественной науглероженности (3 экз.; рис. 1, 950, 956, 1016). Большое количество шлаковых включений наблюдается в виде тонких линий. Зерна феррита мелкие, местами несколько вытянутые. Микротвердость 170—221 кг/кв. мм.

2) целиком из стали (6 экз.). Применялась специально приготовленная средне- и высокоуглеродистая сталь с равномерным содержанием и распределением углерода. Металл с мелкозернистым волокнистым строением, хорошо освобожден от шлака. Структура феррито-перлитная (рис. 2, 3). Микротвердость 236 кг/кв. мм.

Таким образом, материалом при изготовлении серповидных ножей служили железо и сталь. Сталь специально приготовлена путем сквозной цементации железной заготовки в герметически закрытых сосудах при многочасовой выдержке. Термическая обработка на ножах не обна-

Рис. 1. Технологические схемы изученных кузнечных изделий

а — железо; б — сталь; в — термически обработанная сталь; 950—968 — изделия с городища Новые Батеки; 969—997 — с городища Демидовка; 1009—1019 — с городища Близнаки (цифры соответствуют номерам анализов)

ружена. Ковка изделий заканчивалась при температурах ниже критических.

Ко второму периоду относятся и ножи третьей группы, имеющие черешок, расположенный под углом к лезвию. Исследовано 3 экз. (рис. 1, 957, 1015, 1017). Установлены две схемы изготовления: целиком из железа (1 экз.; анализ 1017) и целиком из высокоуглеродистой стали (2 экз.; анализы 957, 1015). Структура металла имеет волокнистое строение. Термообработки нет.

Со вторым периодом связаны также ножи с черешком, прикреплявшимся к рукояти при помощи заклепок (исследовано 2 экз.). Анализ такого ножа из Новых Батек показал, что он откован из трех полос среднеуглеродистой стали. Судя по расположению полос, этот прием следует рассматривать как пакетование заготовки (рис. 1, 955). Сталь — с мелкозернистой структурой, характерной для хорошо прокованного металла. Термическая обработка не прослежена. Нож того же типа из Демидовки (рис. 1, 996) имел наварное стальное лезвие. Сварочного шва не видно, но четкая граница между структурами позволяет предполагать, что здесь применили сварку, чтобы создать твердый стальной слой на рабочей части. Содержание углерода в стали 0,5—0,6%. Термическая обработка отсутствует.

Ножи с прямой спинкой, характерные для памятников тушемлинского типа (третий период), в исследованной коллекции представлены 8 экз. из городищ Демидовка и Близнаки. Установлены три технологические схемы их изготовления:

1) целиком из железа (5 экз.; рис. 1, 974, 980, 1003, 1009). Три ножа откованы из металлотома. Наблюдается некоторая вытянутость зерен феррита по линииковки. Микротвердость от 181 до 274 кг/кв. мм.

2) целиком из среднеуглеродистой стали (2 экз.; рис. 1, 989, 1010). Структура стали у образца 1010 феррито-перлитная, перлитные островки вытянуты по линииковки. Микротвердость 254—350 кг/кв. мм. Нож из Демидовки (анализ 989), откованный из нескольких остальных полос, был подвергнут термической обработке — закалке. Структура стали — мелкоиглолчатый мартенсит. Микротвердость 514 кг/кв. мм.

3) из железа с наварным стальным лезвием (1 экз. с городища Близнаки; рис. 1, 1002). Сварка проведена профессионально, сварочный шов тонкий, чистый. Заключительной операцией была закалка в холодной воде. Микротвердость стали 514 кг/кв. мм, железа — 181 кг/кв. мм.

Ножи с прямой спинкой изготавливались, следовательно, также из железа и стали. Следует отметить применение известной ранее наварки стального лезвия и появление важного технологического приема термической обработки (закалки).

Нож-бритва из Демидовки (рис. 1, 993) был откован из двух полос металла, железной и стальной, с выходом на лезвие стали, и закален в холодной воде. Структура — мартенсит твердостью 514 кг/кв. мм.

Металлографически исследовались также обломки ножей, тип которых определить не удалось (8 экз.). Выявлены три схемы их изготовления: 1) целиком из железа (4 экз.); 2) целиком из незакаленной стали (3 экз.); 3) из железа с наваркой стального лезвия (1 экз.). Сварка в данном случае не удалась кузнецу, поскольку сварочный шов прерывистый, местами наблюдается в виде цепочки включений шлака. Термической обработке нож не подвергался.

Большое количество ножей в исследуемом материале, выполненных с применением стали, свидетельствует, что процесс ее получения был хорошо освоен уже в первый период истории рассматриваемых городищ. Сталь получали путем сквозной цементации железного полуфабриката. Она отличается повышенным содержанием углерода, однородной структурой. Ковка, как правило, проводилась при невысоких для черного металла температурах и заканчивалась ниже критических точек (723°). Это нашло выражение в вытянутости структурных составляющих и в повы-

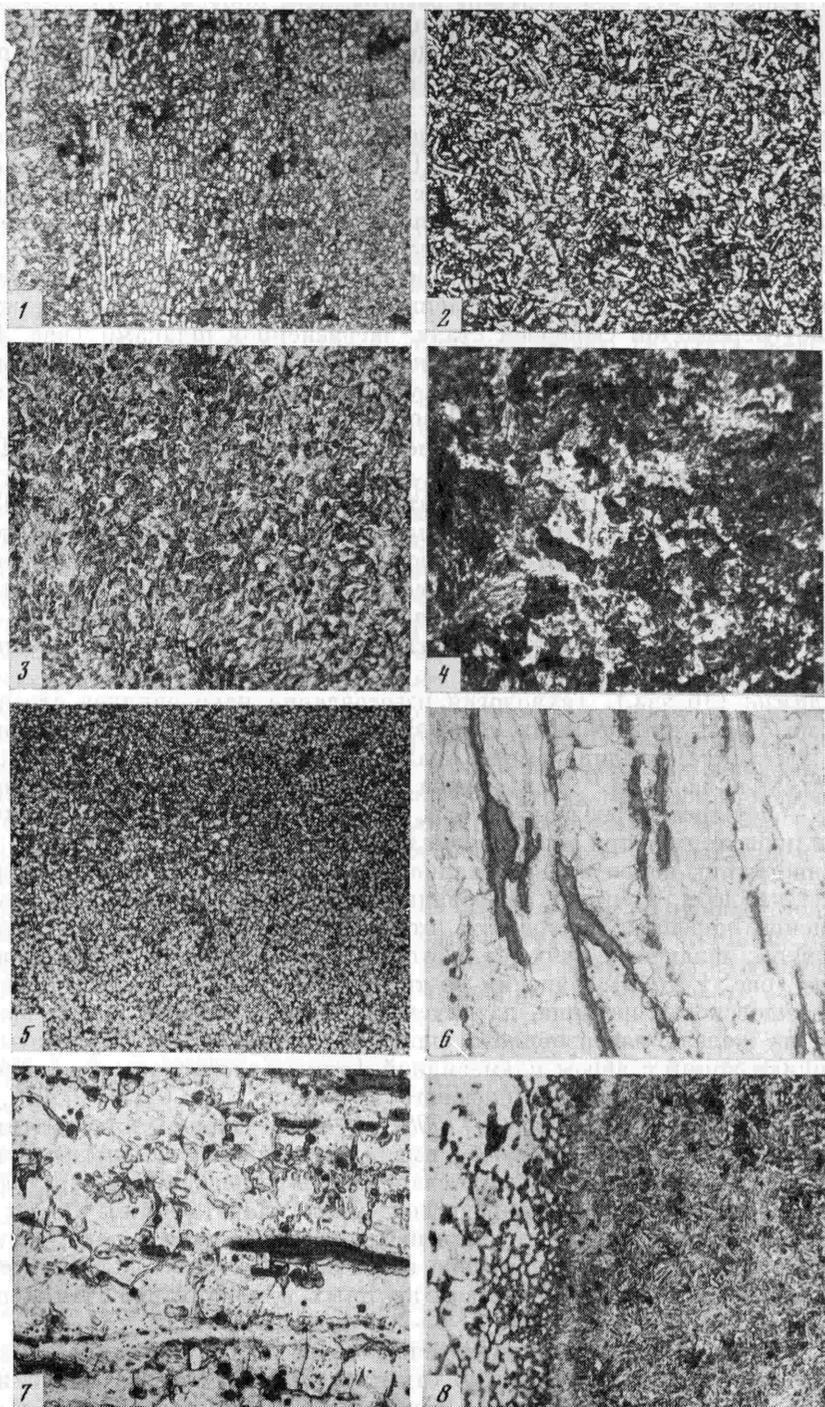

Рис. 2. Микроструктуры

1 — нож из Демидовки (анализ 982; увеличение 70), структура феррито-перлитная; 2 — нож из Близнаков (анализ 1006; увеличение 70), структура феррито-перлитная; 3 — нож из Демидовки (анализ 981; увеличение 115), структура феррито-перлитная; 4 — серп из Тушемли (анализ 1019; увеличение 70), структура — перлит; 5 — булавка из Новых Батек (анализ 967; увеличение 200), структура — перлит; 6 — копые из Близнаков (анализ 1008; увеличение 70), структура — феррит со шлаковыми включениями; 7 — копые из Демидовки (анализ 979; увеличение 70), структура — феррит со шлаками; 8 — бритва из Демидовки (анализ 993; увеличение 115), структура — железо и мартенсит, разделенные сварочным швом

пленной твердости. Сварка как технологическая схема и термическая обработка при изготовлении ножей применялись редко.

Серпы (4 экз.). Серпы из Демидовки (рис. 1, 969, 985, 988) откованы из железа. Зерна крупные и мелкие. Никаких следов операций по улучшению рабочей части орудий не обнаружено. Микротвердость 170—181 кг/кв. мм. Серп из Тушемли (рис. 1, 1019) откован из стальной заготовки с содержанием углерода от 0,4 до 0,8% с небольшим количеством шлаковых включений. Структура мелкодисперсная. Плавная вытянутость пластинок перлита на отдельных участках свидетельствует об окончанииковки при низких температурах (рис. 2, 4).

Шилья (6 экз.). Найдены на городищах Тушемля, Новые Батеки, Деписовка. Технология их изготовления простейшая — целиком из железа и малоуглеродистой сырцової стали, загрязненной шлаками (рис. 1).

Стамеска из городища Демидовка (рис. 1, 983) откована из высокоуглеродистой стали с содержанием углерода 0,7—0,9%. Шлаковые включения отсутствуют. Структура в процессековки при температурах ниже критической приобрела мелкозернистое волокнистое строение. Микротвердость 254 кг/кв. мм.

Украшения (6 экз.). Происходят с городища Новые Батеки. Технология их изготовления проста. Целиком из железа откованы пряжки и браслет (рис. 1, 952, 953, 964). Посоховидные булавки, относящиеся ко второму периоду, откованы из высокоуглеродистой стали с небольшим количеством шлака. Мелкодисперсная структура свидетельствует об окончанииковки при низких температурах (рис. 2, 5). Микротвердость 295 кг/кв. мм.

Оружие (16 экз.). Технология изготовления наконечников стрел изучена на 5 экз.: трехгранных, листовидных и с черешком в виде «ласточкина хвоста». Последние имеют аналогии в материалах скифских памятников IV в. до н. э.¹⁵ Все стрелы изготовлены по единой простейшей схеме — целиком из железа (рис. 1, 973, 976, 977, 978, 1001). Окончаниековки происходило при пониженной температуре.

Наконечник копья из Тушемлинского городища, обнаруженный в слое V—III вв. до н. э., имеет неправильную листовидную форму и круглый в сечении черешок¹⁶. Перо его отковано из железа мелкозернистой структуры, шлаковые включения отсутствуют. Строение металла волокнистое (рис. 1, 1013). Близкий по типу наконечник с плоским черешком из Демидовского городища, датируемый первыми веками нашей эры, откован из железа, загрязненного шлаками (рис. 1, 994). Втульчатые наконечники копий с пером пламевидной формы (датированы по аналогиям V—VIII вв. н. э.¹⁷ из Демидовского городища (рис. 1, 979, 986, 995) и городища Близнаки (рис. 1, 1008), а также наконечник дротика из того же памятника (рис. 1, 1007) имели одинаковую технологию изготовления. Заготовка предварительно сваривалась из нескольких чередующихся полос железа и малоуглеродистой стали (пакетование). Затем один конец этого бруска-заготовки вытягивали и превращали в перо, другой — расковывали веером, а на оправке сворачивали втулку. Металл крупнозернистый с большим количеством крупных и мелких включений шлака (рис. 2, 6, 7). Микротвердость 181—206 кг/кв. мм.

Суммируя результаты технологического исследования черного металла из городищ Смоленщины, нужно отметить, что в качестве сырья в кузнечном деле на всех указанных выше этапах служили железо и сталь. Процесс получения стали был известен уже во второй половине I тысячелетия до н. э. Сталь получали путем сквозной цементации железных заготовок многочасовой выдержкой в специальных сосудах. Все изделия изготовлялись горячей ковкой при помощи кузнечного молота. В работе с горячим металлом важным моментом является правильный нагрев, в результате которого металл приобретает высокую пластичность. Необходимо не только правильно выбрать температуру перед началомковки, но и закончить ее при строго определенной температуре. В противном случае на поверхности поковки образуется вытянутое строение кристаллов¹⁸.

В современном кузнечном производстве принято, что для обычных углеродистых сталей температура окончанияковки не должна быть ниже 700—750°. Окончаниековки при температурах ниже указанных приводит как к снижению качества изделий, так и к перегрузке молота и повышенному износу инструмента¹⁹.

Проведенное исследование свидетельствует, что кузнецы древних городищ Смоленщины заканчиваликовку при температурах ниже 700°. С этим связаны, по-видимому, повышенная твердость железа (до 350—380 кг/кв. мм) и редкое применение термической обработки, несмотря на широкое использование высокоуглеродистой стали. Как известно, сталь, нагретая до температуры ниже 723°, закалку не принимает²⁰.

Редким технологическим приемом в рассматриваемом материале оказалась и сварка железа со сталью, имевшая целью снабдить железный инструмент стальным лезвием, хотя сварка с металлом одинакового состава применялась довольно часто. Изделия, имеющие эту сложную и рациональную технологию изготовления, появляются в конце второго периода и исчисляются единицами.

Железо высоко ценилось, его берегли. Сломанный предмет нередко использовался в качестве металлолома при изготовлении нового изделия. Технологически это прослежено на ряде изделий.

Данные металлографического анализа убеждают, что для различных категорий предметов характерна простая технология изготовления, причем трем периодам в развитии материальной культуры населения древних смоленских городищ соответствуют в основном одни и те же технологические схемы изготовления предметов из черного металла. Это позволяет говорить о длительном существовании единой традиции металлообработки. Вероятно, рассмотренные выше наконечники копий пламевидной формы не принадлежат к изделиям местных мастеров. Они отличаются от остальных изделий как качеством металла иковки, так и технологией изготовления (пакетование), приближаясь по этим признакам к изделиям, часто встречающимся на территории Прибалтики и угрофинского мира Поволжья²¹.

В целом металлообработка у племен Верхнего Поднепровья, стоявшая на довольно высоком уровне уже в первом периоде их истории, носила довольно консервативный характер, оставаясь почти без изменений на протяжении более чем тысячелетнего периода.

¹ Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен.— СА, 1958, № 2, с. 9—33; Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963, с. 30; Третьяков П. Н. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура.— СА, 1960, № 1, с. 45; Седов В. В. Культура Днепро-Двинского междуречья в конце I тысячелетия до н. э.— СА, 1969, № 2, с. 116—125; Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э. Автореф. докт. дис. М., 1975.

² Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке. Автореф. канд. дис. М., 1963, с. 18.

³ Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена..., с. 8—10.

⁴ Там же, с. 21.

⁵ Третьяков П. Н. Городища-святилища левобережной Смоленщины.— СА, 1958, № 4, с. 183, 184; Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена..., с. 25.

⁶ Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена..., с. 17.

⁷ Исследование производилось автором.

Пользуюсь случаем выразить признательность Е. А. Шмидту за любезное разрешение использовать материалы коллекций из его раскопок.

⁸ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, 1953, 32.

⁹ Третьяков П. Н. Городище Тушемля.— В кн.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.

¹⁰ Шмидт Е. А. Городище у д. Новые Батеки.— В кн.: Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.

¹¹ Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена..., с. 5, 12.

¹² Шмидт Е. А. О культуре городищ-убежищ левобережья Смоленщины.— В кн.: Древние славяне и их соседи (МИА, 176). М., 1970, с. 64—66.

¹³ Шмидт Е. А. Днепро-двинские племена..., с. 10.

¹⁴ Там же, с. 11.

¹⁵ Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, табл. I.

- ¹⁶ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт полагают, что это копье. См.: Третьяков П. Н. Городище Тушемля, с. 47; Шмидт Е. А. Днепродзвинские племена..., с. 37. На наш взгляд, изделие напоминает крупный наконечник стрелы, поскольку оно крепилось к древку при помощи черешка, а не втулки.
- ¹⁷ Шмидт Е. А. О культуре городищ-убежищ..., с. 64, 66.
- ¹⁸ Камнев П. Н. Ручная и мелкая свободная ковка. Л., 1947, с. 61.
- ¹⁹ Барановский М. А. Основы кузнечного дела. Минск, 1954, с. 31.
- ²⁰ Там же, с. 44.
- ²¹ Станкус Й. Технология производства железных изделий в Литве в V—VIII вв. н. э.—Труды АН Лит. ССР, 1970, серия А, т. 2(33); Хомутова Л. С. Металлообработка на поселениях дьяковской культуры.—СА, 1978, № 2, с. 62—77.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

ЧЕТЫРЕ ДРЕВНИХ КИНЖАЛА ИЗ КАЗАХСТАНА

Мне уже приходилось рассматривать кинжалы карасукского типа из Казахстана¹, которых было известно 12 экз. Впоследствии были получены сведения еще о четырех кинжалах из Казахстана, из которых один может рассматриваться как прототип карасукских, один представляет собой типично карасукский кинжал, а два других следует считать развитием карасукских кинжалов в период раннего железа.

Первый из этих кинжалов найден близ г. Текели в Восточном Семиречье (Кировский р-н Алма-Атинской обл.) и издан К. А. и А. К. Акишевыми (рис. 1, 1)². Кинжал бронзовый, цельнолитой, имеет грибовидное навершие, овальную в сечении узкую ручку (везде одинаковой ширины), клинок в форме очень вытянутого треугольника, линзовидный в сечении, перекрестье — рикассо. Размеры его приведены в таблице.

Авторы публикации справедливо сравнивали этот кинжал по форме ручки и навершия с некоторыми иранскими (из Луристана, Талыша, с изображенными на золотой чаше из Гасанлу). Можно привести и более точные иранские параллели. Это кинжалы из Хурвина (рис. 1, 2)³ и Марлика (рис. 1, 3)⁴. Навершие у них тоже представляет собой шляпку (только не полусферическую, как у текелийского кинжала, а плоскую), ручка овальная в сечении (везде одинаковой ширины), клинок такой же формы, линзовидный в сечении, аналогичной формы перекрестье, но с менее округлыми «плечами». Главное отличие этих кинжалов от текелийского — прямоугольное углубление в ручке для инкрустации, тогда как ручка текелийского кинжала сплошная. Углубления в ручках кинжалов из Хурвина и Марлика — варианты кассетных ручек, широко распро-

Таблица

Кинжалы из Казахстана (индивидуальные измерения)

№№ п/п	Рисунок	Длина кинжала (см)	Ширина клинка максимальной (см)	Длина клинка (см)	Длина ручки с перекрестьем (см)	Указатель стройности	Указатель клинка	Указатель ручки
1	1, 1	39	3,7	29	10	9,5	12,7	39
2	2, 1	29,6 (сохр.)	3,0	18 (сохр.)	11,6	Менее 10	?	65
3	2, 3	25,1 (?)	2,5	16,2	8,9	10	15,4	60,0
4	1, 6	31,8	3,4	18,5	13,3	10,7	18,4	43

страненных на Ближнем и Среднем Востоке; далекий их пережиток — ручки со щелью на карасукских кинжалах.

Североиранские кинжалы, в частности кинжал из Хурвина, уже приводились в качестве одного из прототипов карасукских кинжалов⁵. Дата хурвинского кинжала — вероятно, IX в. до н. э. В могильнике Хурвин найден другой кинжал, тальшского типа, с перекрестьем в виде декоративного полумесяца⁶, а аналогичный ему изображен на золотой чаше из Гасанлу IV (дата Гасанлу IV по С₁₄—IX в. до н. э.)⁷. Впрочем, высказывались мнения и о более ранней дате этой чаши — конец II тысячелетия до н. э.⁸ И размеры, и пропорции североиранских кинжалов близки текелийскому: длина их от 34,5 до 64 см, указатель стройности 8,7—14,2, указатель клинка 11,7—21,7⁹.

Близки к текелийскому по пропорциям и основным элементам формы некоторые закавказские кинжалы — например, многочисленная группа кинжалов кахетинского типа, распространенная в восточной Грузии, Армении и Азербайджане. У них такое же грибовидное навершие, узкая, округлая в сечении ручка и перекрестье — рикассо (рис. 1, 4, 5)¹⁰. Навершие у этих кинжалов прорезное, а ручка обычно украшена сложным орнаментом, рельефным или прорезным. Эта ажурность и орнамент придают им своеобразие и отличают от североиранских и текелийского кинжалов. Позднейшие кахетинские кинжалы цельнолитые со сплошной ручкой, что сближает их с текелийскими, ранние имеют полую ручку с внутренней продольной перегородкой и навершие, которое отливали отдельно. По последним данным, ранние кахетинские кинжалы бытовали в конце XIII—XII вв. до н. э. цельнолитые — на рубеже II—I тысячелетий до н. э. и вплоть до VIII—VII вв. до н. э.¹¹

Таким образом, в пределах Восточного Закавказья и Северного Ирана от рубежа II—I тысячелетий до н. э. до VIII—VII вв. до н. э. бытовало несколько групп бронзовых кинжалов удлинённых пропорций с грибовидной шляпкой, округлой в сечении ручкой и перекрестьем — рикассо, которые являются ближайшими типологическими параллелями кинжалу из Текели. Вероятно, текелийский кинжал должен датироваться так же, как и хурвинский, марликий и кахетинские. Поскольку текелийский кинжал не имеет щели в ручке, как ближневосточные, некоторые иранские и древнейшие карасукские, именно этот экземпляр не может считаться ближайшим прототипом кинжалов карасукского типа, а является более развитой ветвью североиранских кинжалов. Тем не менее трудно переоценить значение этой находки как прямого свидетельства проникновения кинжалов североиранского типа, являвшихся одним из прототипов карасукских кинжалов, вплоть до Семиречья. Ранее были известны оригинальный кинжал из кишлака Рамит в Таджикистане¹², сочетавший черты закавказских и североиранских кинжалов, и типичный кинжал кахетинского типа из Китая¹³. Кинжал из Текели — еще одно свидетельство связей закавказско-североиранского региона с Казахстаном, Сибирью и

Толщина клинка в середине (мм)	Ширина перекрестья (см)	Ширина ручки максимальной (см)	Ширина ручки минимальная (см)	Разность ширины ручки максимальной и минимальной (см)	Толщина ручки (мм)	Место находки
?	3,9	1,5	1,5	0	?	Текели
8	7,6	2,0	1,8	0,2	9	Чарский р-н Семипалатинской обл.
?	5,3	2,2	2,1	0,1	12—15	Неизвестно (Семипалатинский музей)
5	5,7	2,9	2,7	0,2	6	С. Новоникольское на р. Ишим

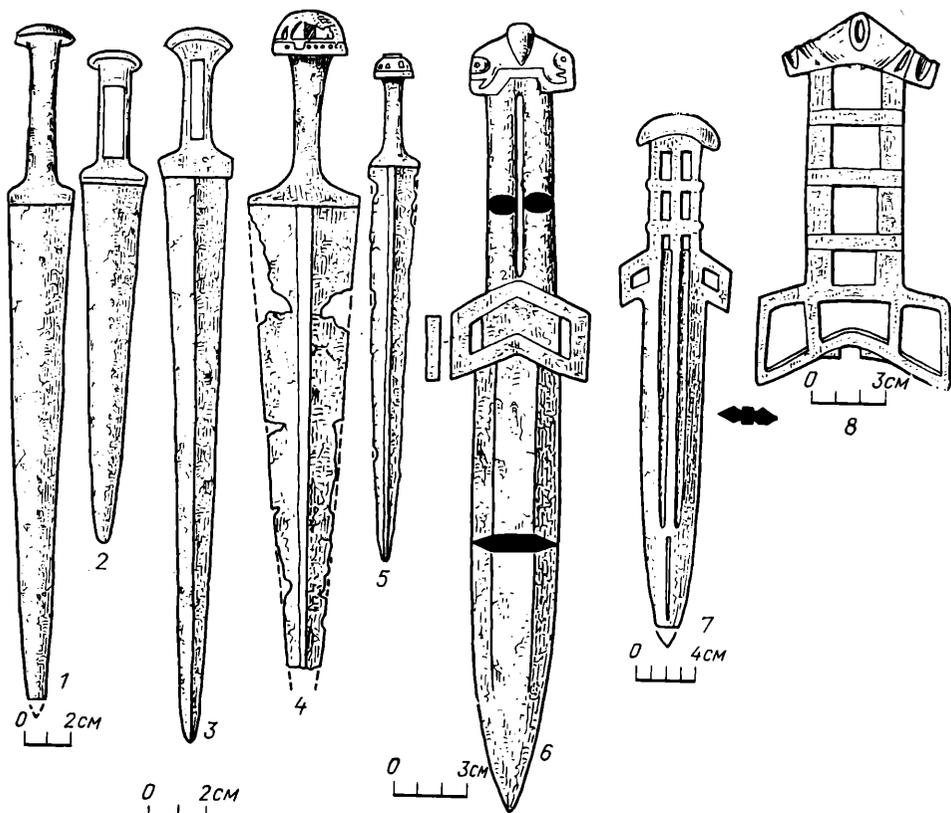

Рис. 1. Кинжалы из Казахстана (1, 6) и их аналогии (2—5, 7, 8)

1 — Текели (по К. А. и А. К. Акишевым); 2 — Иран, Хурвин (по L. Vandenberghe); 3 — Иран, Марлик (по: E. Negahban); 4 — Грузия, Самтавро, погребение 913; 5 — там же, погребение 1119 (4, 5 — по Г. А. Ломгатидзе); 6 — Новоникольское (Северо-Казахстанская обл.), музей археологии при ЧГУ (по рисунку Г. Б. Здановича); 7 — место находки неизвестно, хранится в Таганрогском музее (по Н. Л. Членовой, 1973); 8 — Тарский округ Тобольской губернии, ныне Омская обл. (по ОАК за 1900 г.); 1—8 — бронза

Восточной Азии. Начинает заполняться территориальная и хронологическая лакуна между карасукскими кинжалами Монголии, Сибири и Казахстана, с одной стороны, и их прототипами в Восточном Средиземноморье, Закавказье и Иране — с другой.

Второй из рассматриваемых кинжалов найден в Восточном Казахстане, в Чарском р-не Семипалатинской обл. (рис. 2, 1)¹⁴. У него полая грибовидная шляпка, изнутри соединенная четырьмя перемычками с довольно массивной, почти прямоугольной в сечении ручкой с закругленными краями, чуть расширенной кверху, хорошо выработанное прямое перекрестье и клинок с параллельными лезвиями (конец его обломан), ступенчатый в сечении. Это типичный позднекарасукский кинжал. Ни у одного из найденных до сих пор в Казахстане кинжалов не было столь развитого перекрестья (за исключением кинжала, казахстанское происхождение которого спорно, — он происходит из «Киргизских степей, Алтая или Джунгарии»)¹⁵. Остальные карасукские кинжалы из Казахстана не имеют перекрестья или снабжены слабовыраженными шипами¹⁶. По форме, деталям (сечение ручки и клинка, форма перекрестья), абсолютным размерам и пропорциям кинжал из Чарского р-на ближе всего карасукским кинжалам-мечам из соседнего Алтая (рис. 2, 2)¹⁷. По форме и ширине перекрестья он близок и «предтагарским» кинжалам Мину-

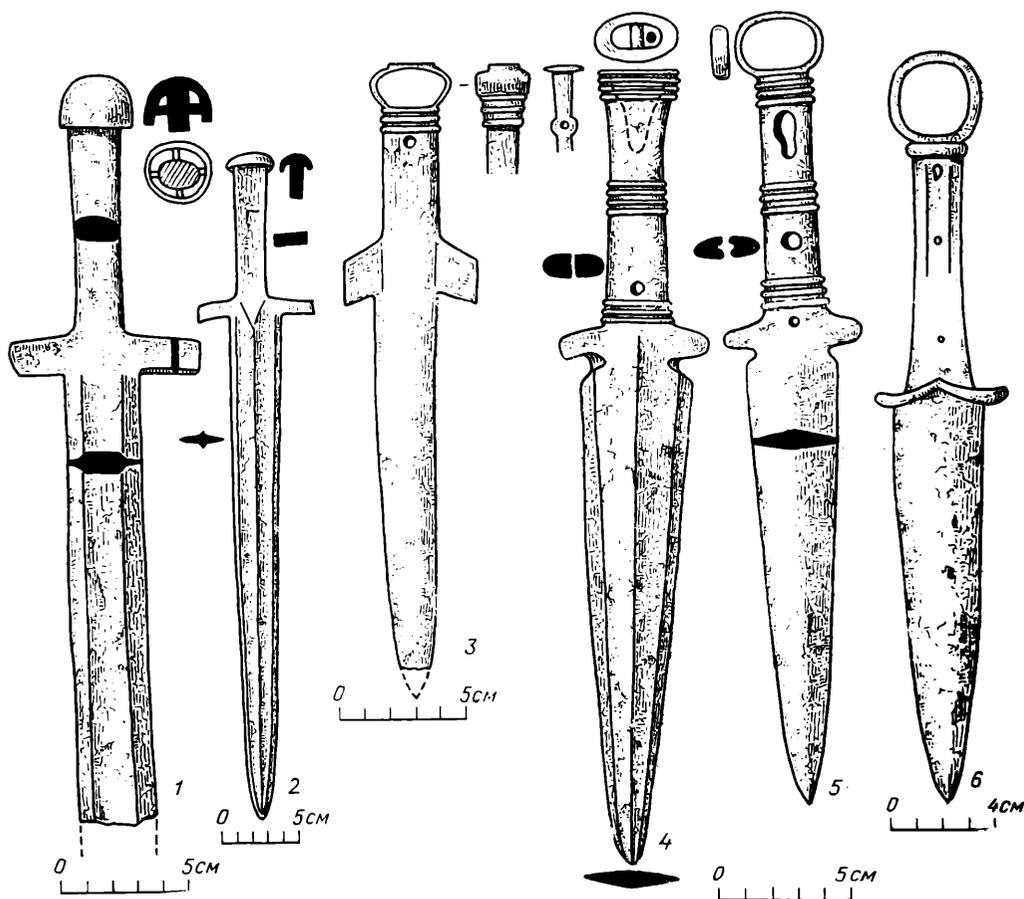

Рис. 2. Кинжалы из Казахстана (1, 3) и их аналогии (2, 4, 5, 6)

1 — Чарский р-н Семипалатинской обл. (СемМ., по рисунку А. К. Акишева); 2 — Лаптев Лог Змеиногорского уезда Томской губернии, ныне Алтайский край (МАЭ, инв. № 837—540); 3 — место находки неизвестно; хранился в СемМ (Архив ЛОИА, ф. 76, д. 47, по рисунку А. А. Иессена 1931 г.); 4 — Минусинская котловина (КМ, 213-3); 5 — Минусинская котловина, д. Кривая (ММ, 930); 6 — Минусинская котловина, могильник Улуг-Кюзюр, курган 5, могила 1 (по М. Н. Пшеницкой); 1—6 — бронза

синской котловины, но последние гораздо короче (соответственно у них выше указатель стройности), имеют клинок, слегка расширенный в середине, ручка у них менее массивна¹⁸. По форме навершия, перекрестья и клинка кинжал из Чарского р-на близок также некоторым европейским киммерийским бронзово-железным мечам, например, из Биляра на средней Волге или из Лейбница в Штирии, но у последних более широкое перекрестье¹⁹. Эти аналогии определяют дату чарского кинжала. Предтагарские кинжалы относятся к VIII—VII, скорее всего к VII в. до н. э., алтайские кинжалы-мечи — к VII—VI вв. до н. э., мечи из Биляра и Лейбница — к VII в. до н. э.²⁰ Исходя из этого, наиболее вероятная дата чарского кинжала — также VII в. до н. э.

Третий казахстанский кинжал (рис. 2, 3) известен мне по рисунку в архиве А. А. Иессена. Точное место его находки неизвестно, но судя по тому, что он хранился в Семипалатинском музее, он происходит из Восточного Казахстана²¹. Кинжал этот имеет клинок с почти параллельными лезвиями, перекрестье в виде широких лопастей, слегка опущенных книзу, и округлую в сечении полую ручку, в которую вкладывалось шило с навершием в виде овального кольца. Верхний конец полую ручки украшен двумя кольцевыми желобками. Этот кинжал относится к хорошо известному типу тагарских вкладышевых кинжалов²², однако шильца-

вкладыши с головкой в виде кольца — исключительная редкость. Мне известен только один тагарский кинжал из Улуг-Кюзюра, шило-вкладыш которого заканчивается кольцом²³. В то же время тагарские вкладышевые кинжалы не имеют такого перекрестья, как у кинжала из Семипалатинского музея: их перекрестья относятся к типу бабочковидных (как у скифских акинаков), но, как правило, они очень узкие²⁴. Перекрестье семипалатинского кинжала по форме и размерам ближе всего к лопастям двух кинжалов-мечей из Алтая (Горный Алтай и с. Катунское)²⁵ и с городища Инберень VI в Большереченском р-не Омской обл. на р. Обь, севернее Омска²⁶. Последний кинжал (сохранились клинок и перекрестье) найден в прекрасном комплексе со скифскими двулопастными шпастыми наконечниками стрел с листовидной и ромбической головками VII—VI, скорее VII в. до н. э. и литейной формой для ананьинского кельта типа I, 2B, по А. Х. Халикову, VII в. до н. э.²⁷ Перекрестье рассматриваемого кинжала из Семипалатинского музея близко и к перекрестью кинжала из Таганрогского музея (рис. 1, 7)²⁸. Отличается по форме и кольцо на шило-вкладыше кинжала из Семипалатинского музея: оно не округлой формы, как у кинжала из Улуг-Кюзюра, а овальное, по форме близко кольцевым навершиям карасукских кинжалов Минусинской котловины и Ордоса²⁹. Вообще вся верхняя часть кинжала из Восточного Казахстана обнаруживает близкие параллели среди карасукских кинжалов группы II из Минусинской котловины: у них такая же овальная в сечении ручка, украшенная кольцевыми желобками и имеющая округлые отверстия, и такое же кольцо (ср.: рис. 2, 3 и 4, 5)³⁰; в ручке некоторых кинжалов имеется полость (рис. 2, 4)³¹.

Приведенные аналогии позволяют определить дату кинжала из Семипалатинского музея: по возрасту он должен быть близок как тагарскому кинжалу из Улуг-Кюзюра, так и алтайским мечам и минусинским карасукским кинжалам группы II. Кинжал из Улуг-Кюзюра автором раскопок датирован временем, переходным от подгорновского этапа тагарской культуры (VI—V вв. до н. э., по М. П. Грязнову) к сарагашенскому (IV—III вв. до н. э.). М. П. Грязнов относит его к сарагашенскому этапу³². С этими датами нельзя согласиться. Во-первых, все вкладышевые тагарские кинжалы, как и все многочисленные тагарские вкладышевые ножи, относятся к VII—VI вв. до н. э. Позже ручки их превращаются в сплошные³³. Во-вторых, датировке V—IV или IV—III вв. до н. э. противоречит и инвентарь могил 1 и 2 в кургане 5 могильника Улуг-Кюзюр: кроме упомянутого кинжала, там найдены другой кинжал с таким же перекрестьем и валиковым навершием и проушной бронзовый топорик³⁴ — предметы, характерные для VI в. до н. э.³⁵ Кроме того, в могиле 1 обнаружены бронзовый нож без выделенной ручки класса II/2б также VI в. до н. э. и баночная желобчатая керамика, характерная для VII—VI вв. до н. э.³⁶ На основании этих находок курган 5 могильника Улуг-Кюзюр следует относить к VI в. до н. э. Такова же дата найденного там кинжала. Дата алтайских кинжалов-мечей уже приводилась выше, дата минусинских карасукских кинжалов группы II по многим аналогиям определяется как VIII—VI вв. до н. э. (некоторые экземпляры доживали до V в. до н. э.)³⁷. Кинжал из Семипалатинского музея благодаря отчетливым тагарским аналогиям хорошо подкрепляет дату карасукских кинжалов группы II. Сам он должен датироваться в пределах VII—VI вв. до н. э.

Находка этого кинжала в Восточном Казахстане представляет исключительный интерес. Дело в том, что тагарские вкладышевые кинжалы (и ножи) находили раньше исключительно в Минусинской котловине. Представлялось, что они — изобретение тагарских мастеров, относящееся к тому периоду (VI в. до н. э.), когда население тагарской культуры пребывало в относительной изоляции от западных соседей. Карасукская основа многих бронзовых тагарских предметов этого периода, в том числе и кинжалов, угадывалась, судя по минусинским находкам, уже с некоторым трудом. Находка в Восточном Казахстане вкладышевого кинжала,

сохранившего столь отчетливые карасукские черты, заставляет несколько изменить это представление. Этот кинжал не может быть импортным из Минусинской котловины, поскольку вкладышевые кинжалы и ножи, которых в Минусинской котловине найдено достаточно много (75 экз.), не имеют столь отчетливых карасукских черт, так как они подверглись уже значительной тагарской обработке. Скорее всего этот кинжал и изготовлен в Восточном Казахстане. Это означает, что Восточный Казахстан и в VII—VI вв. до н. э., как и в более раннюю, до тагарскую, эпоху, и в конце VI—V вв. до н. э., был достаточно тесно связан с Минусинской котловиной, о чем приходилось неоднократно писать, и его влияние сильно сказывалось на формировании бронзовых тагарских изделий. В этой связи нельзя не вспомнить, что вкладышевые ножи известны и в Китае в эпоху Западного Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.)³⁸. Видимо, формирование вкладышевых ножей и кинжалов в предтагарскую эпоху происходило на широкой территории от Восточного Казахстана до бассейна Хуанхэ.

Последний из рассматриваемых кинжалов найден на р. Ишим у с. Новоникольское Северо-Казахстанской обл. (рис. 1, 6)³⁹. Он имеет шестигранный в сечении клинок с параллельными лезвиями, ручку с длинной узкой продольной прорезью в середине, навершие в виде двух стилизованных кабаньих морд, обращенных в разные стороны, с одним общим ухом. Перекрестье его крышевидное прорезное, оно толще клинка и представляет собой как бы развитие перекрестья предыдущего кинжала (опущенные вниз лопасти). Кинжал, несомненно, относится к скифской эпохе, лишь перекрестье его восходит к карасукским. Оно напоминает также прорезные лопасти упоминавшегося кинжала из Таганрогского музея (рис. 1, 7). Точную дату новоникольского кинжала определить трудно. Он может относиться ко времени около VI в. до н. э. Схема «две головки кабанов мордами в разные стороны, с одним общим ухом» известна в тагарской культуре (навершие шила-вкладыша, перекрестья кинжалов) с VI по IV—III вв. до н. э.⁴⁰, но стиль их отличается от новоникольских.

Интересной параллелью новоникольскому кинжалу служит бронзовая ручка кинжала из бывш. Тарского округа Тобольской губернии, ныне Омская обл. (рис. 1, 8)⁴¹. У этого кинжала не только перекрестье, но и ручка прорезные. Навершие также представляет собой две головки кабанов с одним общим ухом. Стиль головок в данном случае лучше определим: он западносибирский, распространенный на древних предметах из бассейна Оби. Подобные головки украшают перекрестье кинжала из кладки у с. Бурбино Томской обл., датированного V в. до н. э. Такой же кинжал известен в Минусинской котловине⁴². Вероятно, и ручка из Тарского округа относится ко времени около V в. до н. э. или немного более позднему. Ее сходство с ручкой новоникольского кинжала объясняется постоянными связями по рекам системы Оби, существовавшими и в бронзовом, и в железном веке.

Все четыре рассмотренных в статье кинжала значительно расширяют наши представления о древнем Казахстане как территории, связывающей североиранско-закавказский регион с Западной Сибирью. На рубеже бронзового и железного века здесь происходило формирование некоторых важных черт раннего железного века Западной Сибири.

¹ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976.

² Акишев К. А., Акишев А. К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры.— В кн.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 59—62, рис. 9.

³ Vandenberghe L. Le nécropole de Khürvin. Istanbul, 1964, pl. XXXIV, 226.

⁴ Negahban E. A Preliminary Report on Marlik Excavation. Teheran, 1964, fig. 51.

⁵ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы, с. 31—33, табл. 5, 18.

⁶ Vandenberghe L. Le nécropole..., pl. XXXIV, 227. Автор датирует могильник Хурвин 1300—900 гг. до н. э.

⁷ Dyson R. Notes on Weapons and Chronology in Northern Iran around 1000 b. c.— In: Dark Ages and Nomads c. 1000 b. c. Istanbul, 1964, p. 36, 39, 43, pl. X; Porada E. The Hasanlu Bowl-Expeditions. Philadelphia, 1959, 1/3, p. 18—22.

- ⁸ Обзор мнений о датировке чаши из Гасанлу см.: *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 47.
- ⁹ *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы, с. 31.
- ¹⁰ О кинжалах кахетинского типа см.: *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, 1935, 120, рис. 24, 2; *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л., 1945, табл. 7; *Пицхелаури К. Н.* Кинжалы кахетинского типа.— В кн.: Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1959, II, с. 111, 115, 117, 123, 124; *Он же.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979, с. 115—120, табл. XXIX, 9; XXX; *Ломтагидзе Г. А.* Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974, с. 165—167.
- ¹¹ *Пицхелаури К. Н.* Восточная Грузия..., с. 115, 119, 120.
- ¹² *Лигвинский Б. А.* Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов).— В кн.: Индия в древности. М., 1964.
- ¹³ *Погребова М. Н., Членова Н. Л.* Кавказский кинжал, пайденный в Китае.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- ¹⁴ *Акишев К. А., Акишев А. К.* Проблема хронологии..., с. 60, 62, рис. 11. Кинжал хранится в Семипалатинском музее. Благодарю А. К. Акишева за предоставленный мне рисунок этого кинжала в натуральную величину.
- ¹⁵ *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы, с. 49, 50, табл. 8, 18.
- ¹⁶ Там же, табл. 8, 1, 2, 4—6, 13—16, 19, 21.
- ¹⁷ Там же, табл. 6, 10, 11; с. 78, табл. Б, 5, 8—11.
- ¹⁸ Там же, с. 76, табл. 2, 10—12.
- ¹⁹ *Членова Н. Л.* О связях Северо-Западного Причерноморья и нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху.— *Studia Thracica*, 1975, 1, с. 76, рис. 1, 13, 14.
- ²⁰ Там же, с. 70, 76.
- ²¹ Архив ЛОИА, ф. 76, д. 47 (Казахстан), рис. А. А. Иессена, 1931 г.
- ²² *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 3, 22, 23.
- ²³ *Пшеницына М. Н.* Раскопки могильника Улуг-Кюзюр на Енисее.— АО 1966 г. М., 1967, с. 144; см. также: История Сибири. М.: Л., 1968, I, с. 193.
- ²⁴ *Членова Н. Л.* Происхождение..., табл. 2, наверху 10, перекрестья 10—12.
- ²⁵ *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы, табл. 6, 5, 9; с. 78, табл. Б, 9, 12.
- ²⁶ Раскопки В. И. Стефанова. Доклад В. И. Стефанова на VI Уральском археологическом совещании в г. Нижний Тагил 29 марта 1977 г.
- ²⁷ *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М., 1977, с. 110, рис. 41, с. 115, 116.
- ²⁸ *Членова Н. Л.* Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе.— СА, 1973, № 2, с. 194, рис. 1, 6.
- ²⁹ *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы, табл. 1, 8, 9, 11, 25; 2, 1, 10, 22—24.
- ³⁰ Там же, табл. 1, 11, 19.
- ³¹ Там же, табл. 1, 21.
- ³² *Пшеницына М. Н.* Раскопки..., с. 145; История Сибири, т. I, с. 192, 193.
- ³³ *Членова Н. Л.* Происхождение..., табл. 1, 2, с. 15, 16; табл. 37, 13, 14, 16—18, с. 167, 168, 184.
- ³⁴ Отчет М. Н. Пшеницыной за 1966 г. Архив ИА, р-1, № 3328, л. 30, рис. 61.
- ³⁵ *Членова Н. Л.* Происхождение..., табл. 1, с. 15, 16, 30, 31.
- ³⁶ Там же, табл. 40, 1, 3, 4, 9, с. 194—200.
- ³⁷ *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы, с. 18—30.
- ³⁸ *Киселев С. В.* Неолит и бронзовый век Китая.— СА, 1960, № 4, с. 265, рис. 8, 30.
- ³⁹ Хранится в Археологическом музее ЧГУ. Благодарю Г. Б. Здановича за предоставленный мне рисунок этого кинжала.
- ⁴⁰ *Членова Н. Л.* Происхождение..., табл. 23, 14, 14а, 29а, 30а, с. 154—155.
- ⁴¹ ОАК за 1900 г., с. 121, рис. 270. Хранится в ГИМ (инв. № 39952, хр. 85/33а).
- ⁴² *Членова Н. Л.* Происхождение..., с. 155, табл. 3, 29.

Х. И. КРИС

ГРУЗИКИ ДЪЯКОВА ТИПА ИЗ БОРШЕВЫ

Городище Боршева близ г. Бронницы Московской обл. представляет собой многослойный памятник, на котором, помимо дьяковского слоя, имеются напластования домонгольского времени и грунтовой могильник XIV—XV вв., которые частично нарушили городищенский слой. Однако нарушения коснулись в основном слоя позднедьяковского времени (серый слой I-3). Раннедьяковский слой (коричневый слой II) был нарушен могилами лишь в самой верхней части не более чем на 0,10—0,15 м. Это привело к выносу некоторых находок из раннедьяковского слоя вверх, но обратного явления не наблюдалось. Своеобразие раннедьяковского

слоя Боршевы состоит в том, что благодаря сохранившимся остаткам сооружений он почти на всей раскопанной площади четко стратифицирован. Остатки сооружений представлены несколькими ярусами земляных платформ с очагами. Между ярусами сохранились сплошные прослойки древесного тлена, угля и золы¹. Ярусы оказались, таким образом, своеобразными закрытыми комплексами, что позволяет рассмотреть находки из них в порядке относительной хронологии. Дата раннего слоя Боршевы (слой II) устанавливается на основании находок синих стеклянных глазчатых бус², умбеновидной бронзовой серги скифского типа³, железного топора и железных серповидных ножей⁴, а также костяных наконечников стрел⁵, которые датируются временем в пределах V—III вв. до н. э. Синхронность датирующих находок, подтверждая надежность даты, говорит о сравнительно коротком периоде накопления слоя II, толщина которого в среднем равна 0,70—0,80 м. Слой II расчленялся на две основные прослойки — II-1 и II-2, разделенные слоем щепы. Датирующие находки происходят из верхней прослойки, следовательно, начало отложения слоя относится ко времени не позднее нижней даты, определяемой этими вещами.

Коллекция грузиков дьякова типа из Боршевского городища сравнительно невелика (70 экз.) и не отражает всего многообразия форм этой категории вещей, найденных на других дьяковских городищах. Тем не менее она представляет интерес, так как происходит из хорошо стратифицированного и надежно датированного памятника.

Вопрос о назначении грузиков дьякова типа до сих пор остается дискуссионным⁶. Наиболее вероятной нам представляется точка зрения И. Л. Черная, что грузики служили для натяжения нити в горизонтальном ткацком станке или другом аналогичном приспособлении⁷. Это позволяет рассматривать некоторые изменения формы грузиков в связи с применением их в производстве. Почти все грузики из Боршевы глиняные, шесть из них изготовлены из рога. Все они укладываются в классификационную схему, в которой тип выделен по форме втулки⁸: тип 1 — с цилиндрической втулкой; тип 2 — с конической; тип 3 — с усеченно-конической. Типы содержат по два варианта: с выделенным и невыделенным диском основания. Существуют различия и в пропорциях.

Грузики типа 1 (10 экз., в том числе один — из рога; рис. 1) имеют цилиндрическую втулку, различны по размерам, отличаются небрежностью формы и отдельными деталями: слабо выражен диск (рис. 1, 8), слабо намечены зубчатые надрезы, неравномерно расположенные по диску (рис. 1, 1, 3, 4), небрежно обработана поверхность, на боковой поверхности — невыразительные и бессистемные насечки. Внутри канала имеются следы от нитей, не оставляющие сомнения в том, что эти предметы принадлежат к категории грузиков дьякова типа (рис. 1, 8). Грузики с цилиндрической втулкой происходят из слоев I-3 и II-1 (табл. 1); в последнем находился экземпляр из рога с едва намеченной цилиндрической втулкой (рис. 1, 7), который, вероятно, послужил прототипом для глиняных образцов.

Среди случайных находок на городище обнаружен глиняный цилиндрический предмет с запилами от нитей внутри канала (рис. 1, 2). Подобные находки не характерны для дьяковских городищ, но известны в материалах лесостепных памятников скифского времени, в частности городища Марица в Посеймье (VI—V вв. до н. э.). И. Л. Черная пришел к выводу, что эти предметы выполняли в ткацком производстве такую же роль, как грузики дьякова типа⁹. Керамические предметы такой формы встречены и на окских городищах. Направления культурных контактов и заимствований, которые прослеживаются и по другим находкам, может быть, указывают пути проникновения идеи горизонтального ткацкого станка у племен лесной полосы.

Грузики типа 2 (27 экз., в том числе четыре — из рога; рис. 2) характеризуются конической втулкой, в большинстве случаев имеют невыделенный или слабовыделенный диск основания. Среди них сравнительно

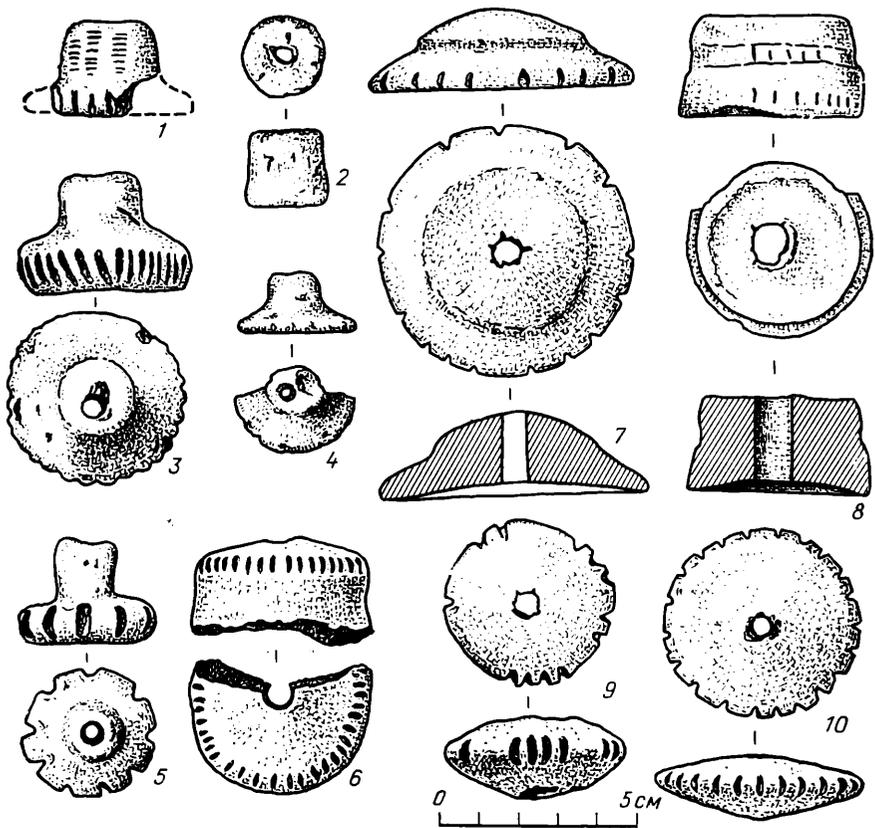

Рис. 1. Боршева. Грузики типа 1 (1, 3—8), цилиндрический грузик (2), диски-грузики (9, 10)

1, 3, 4, 6, 9, 10 — слой I-3; 5, 7, 8 — слой II-1; 2 — случайная находка

много роговых. Один из них найден в древнейшем горизонте (II-26), что позволяет считать грузики из рога наиболее древними (рис. 2, 11). Три роговых грузика с конической втулкой не имели выделенного диска основания, а роговой грузик с едва намеченным диском (рис. 2, 14) найден в верхней части раннедяковского слоя. Это разрешает рассматривать выделенный диск основания у грузиков как поздний признак. На роговых грузиках, которые послужили прототипами для всех керамических предметов данной категории из Боршевского городища, удастся проследить еще одну хронологическую деталь — групповое распределение зубчатых надрезов, свойственное всем роговым грузикам и некоторым глиняным из слоя II-1 (в основном типа 2; рис. 2, 3—5, 7, 9, 11, 12, 14). Как правило, группы зубчатых надрезов распределяются равномерно по контуру диска, их бывает не менее четырех. На каждом грузике количество зубцов в группе устойчиво: три, пять или семь. Для грузиков с конической втулкой характерно плоское или слегка вогнутое основание. На одном из роговых грузиков имеются следы сильной заполированности по контуру основания, по-видимому, указывающие, что рабочей поверхностью был край диска.

Наиболее уплотненные образцы грузиков характерны для раннего этапа. К ним относятся и роговые экземпляры. Для грузиков с конической втулкой малохарактерна орнаментация в виде зигзагообразных линий, параллельных черточек, геометрических фигур, выполненных в точечной технике. Размещение этих элементов на боковой поверхности часто соответствует групповому расположению зубчатых надрезов (рис. 2, 3), на что обратил внимание еще А. В. Арциховский, описывая грузики

Таблица 1
Распределение грузиков по слоям городища Боршева

Слой	Тип 1		Тип 2		Тип 3		Всего по слоям
	глиняные	роговые	глиняные	роговые	глиняные	роговые	
I-3	4	—	12	—	21	—	37
II-1	5	1	10	3	11	1	31
II-2а	—	—	1	—	—	—	1
II-2б	—	—	—	1	—	—	1
Всего по типам:	10		27		33		70

Бородинского городища¹⁰. По мнению И. Л. Черная, изображения на боковой поверхности грузиков служили отметинами или опознавательными знаками в процессе плетения ткани.

Грузики типа 2 наиболее характерны для раннедьяковского слоя (учитывая возможность перемещения их в слой I-3 при нарушениях слоя II-1). Их находки в древнейшем горизонте городища дают возможность выделить грузики с конической втулкой как наиболее ранний тип, по крайней мере для рассматриваемого памятника (табл. 1).

Грузики типа 3 (33 экз., в том числе один — из рога; рис. 3) характеризуются усеченно-конической втулкой. Верхняя часть грузика образует малый диск, появление которого, вероятно, было вызвано требованиями технологического порядка. По контуру малого диска одного из грузиков имеется пять равномерно расположенных зубчатых надрезов, которые соответствуют пяти группам зубчатых надрезов по контуру большого диска (рис. 3, 4). Для многих грузиков типа 3 характерно равномерное, а не групповое распределение зубчатых надрезов по контуру диска. От грузиков первых двух типов их отличает более или менее выпуклая форма основания (рис. 3, 2, 5, 7, 8, 13, 15—18). Может быть, и эта деталь отвечала запросам технологии. Она чаще встречается на грузиках из слоя I-3 (рис. 3, 9). Грузики с выпуклым основанием имеются среди находок на Троицком городище. Иногда они биконической формы¹¹.

Грузики этого типа, в отличие от прочих, тщательно заглажены, а иногда залощены, в большинстве случаев на них имеются геометрические фигуры и другие схематические изображения, выполненные в точечной технике. Лощение и многие изображения, находящие аналогии на керамике дьяковских городищ, возможно, позволят синхронизировать некоторые из грузиков с комплексами лощеной и орнаментированной гладкостенной керамики. Геометрические фигуры на грузиках с усеченно-конической втулкой (треугольники, ромбы, парные точки или двойные ряды ямок) расположены группами на боковой поверхности, как и схематически изображенные фигурки людей. А. Ф. Дубынин видит в этих фигурках женское божество в окружении мужских фигур¹². Радиально расположенные резные линии, перекрещивающиеся линии и треугольники, выполненные в точечной технике, имеются также на нижнем диске основания некоторых грузиков.

Как видно из табл. 1, грузики типа 3 наибольшим количеством экземпляров представлены в слое I-3, отложившемся после IV—III вв. до н. э. Однако значительное число таких грузиков в слое II-1 и особенно находка здесь их прототипа из рога (рис. 3, 14) говорят о появлении грузиков типа 3 уже в раннедьяковский период.

На Боршевском городище найдены также три глиняных предмета в виде двояковыпуклой линзы с центральным вертикальным каналом, имеющим следы запилов от нитей, и зубчатыми нарезками по контуру диска (рис. 1, 9, 10). В них можно видеть предметы, идентичные грузикам по функциональному назначению в ткацком производстве. Они про-

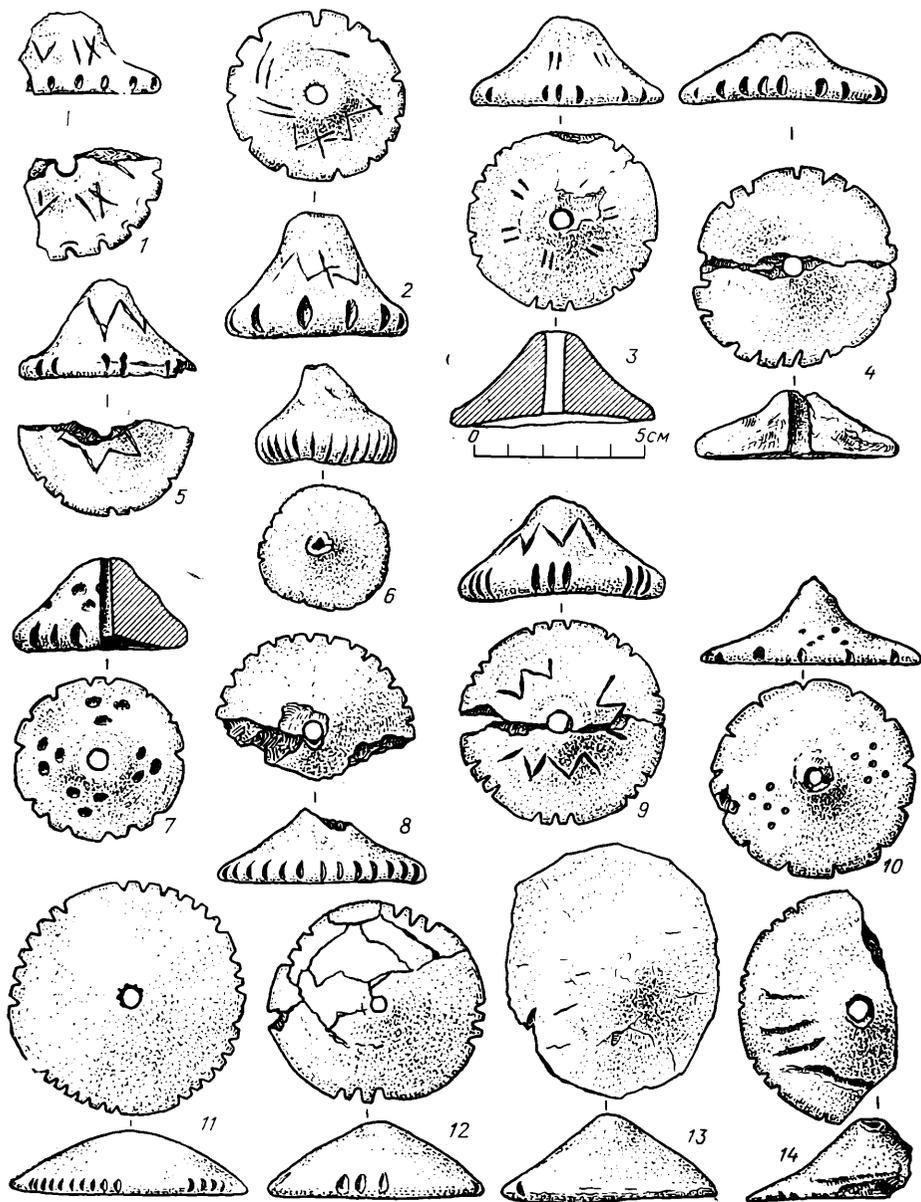

Рис. 2. Боршева. Грузики типа 2

1, 2, 5, 7 — слой I-3; 3, 4, 6, 8-10, 13, 14 — слой II-1; 11 — слой II-26; 12 — случайная находка

исходят из позднедьяковского слоя и, видимо, представляют собой деградирующую форму грузиков.

Исследование серии грузиков дьякова типа из Боршевы позволяет сделать определенные выводы о времени их распространения, а также проследить развитие форм и некоторых морфологических признаков во времени. Появление грузиков на Боршеве, во всяком случае экземпляров из рога, можно относить к V в. до н. э. Костяные грузики послужили прототипами для всех прочих, представленных на Боршевском городище, включая варианты с выделенным и невыделенным диском основания. Такая линия развития предопределила изменение пропорций во времени от уплощенных к более вытянутым, сообразно с материалом. Ранними признаками у грузиков представляются плоское или вогнутое основание диска и групповое расположение зубчатых надрезов, отсутствие изобра-

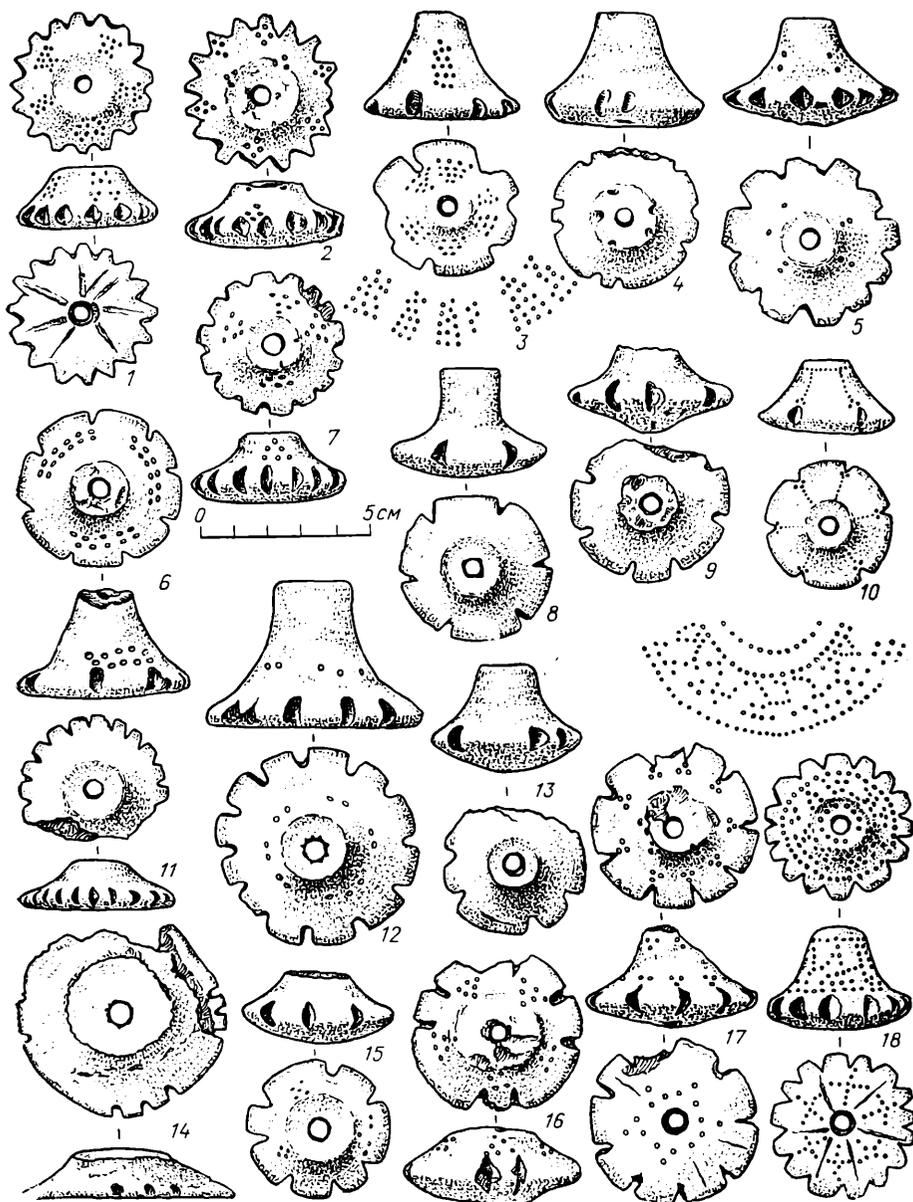

Рис. 3. Боршева. Грузики типа 3

1—5, 8—11, 13, 15, 17 — слой I-3; 6, 7, 12, 14, 16, 18 — слой II-1

жений. Наиболее ранними следует считать грузики с цилиндрической и конической втулкой (типы 1 и 2). Грузики с усеченно-конической втулкой (тип 3) и выпуклым основанием диска появляются позднее и получают широкое распространение после IV—III вв. до н. э. Грузики появляются уже в начальный период отложения слоя на Боршеве, широко применяются в IV—III вв. до н. э. Максимум их распространения приходится, вероятно, на последующий период (слой I-3), который из-за нарушенной стратиграфии не может быть пока точно датирован.

Грузики дякова типа как одна из наиболее массовых категорий находок на городищах Волго-Окского междуречья заслуживают самого пристального внимания. Именно в этом регионе они получили наибольшее распространение, встречаются на большинстве памятников, именно отсюда происходят наиболее значительные серии находок. Распределение грузиков на памятниках бассейна Москвы-реки оказывается крайне не-

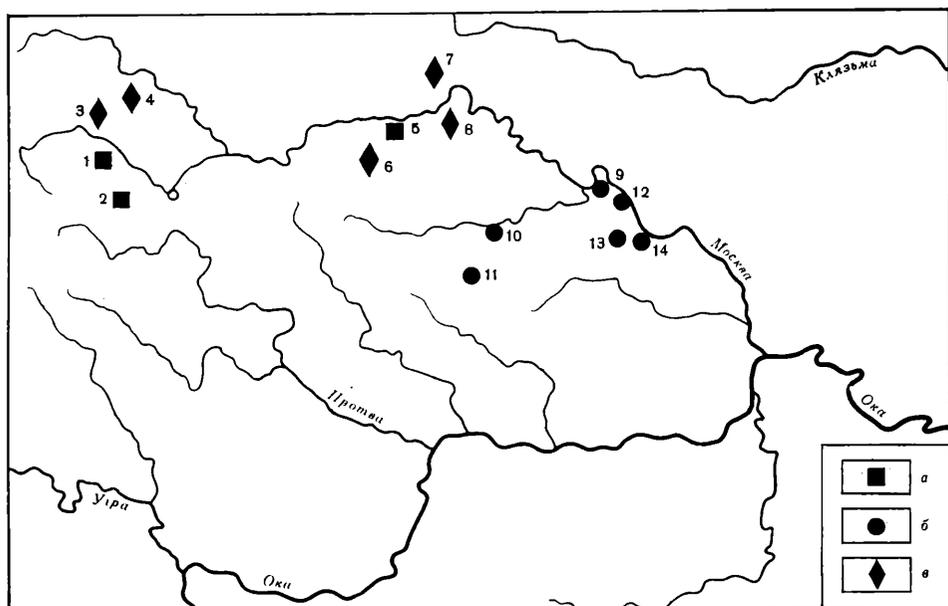

Рис. 4. Расположение городищ бассейна Москвы-реки с различной концентрацией грузиков дьякова типа

а — один грузик на 5—6 кв. м исследованной площади; б — один грузик на 10—20 кв. м; в — один грузик на 20 и более кв. м

равномерным. Могут быть выделены три группы памятников: 1) городища, где один грузик приходится на 5—6 кв. м вскрытой площади; 2) городища, где один грузик приходится на 10—20 кв. м вскрытой площади; 3) городища, где один грузик приходится на 20 и более кв. м вскрытой площади (табл. 2)¹³.

Картографирование городищ по этому признаку позволяет проследить некоторую закономерность: городища первой и третьей групп локализируются в верхнем течении Москвы-реки, где на правом берегу находятся

Таблица 2
Концентрация грузиков дьякова типа
на городищах бассейна Москвы-реки

№ по карте (рис. 4)	Городище	Вскрытая площадь (кв. м)	Количество грузиков	Площадь, на которую приходится один грузик
1	Троицкое	3200	595	5
2	Бородинское	140	33	4
3	Неждинское	280	8	35
4	Михайловское	640	29	22
5	Успенское	80	13	6
6	Барвихинское	115	3	38
7	Кунцевское	1200	19	63
8	Мамоново	400	6	66
9	Боровский курган	80	10	8
10	Щербинское	1584	157	10
11	Кузнечики	1200	107	11
12	Круглица	220	14	16
13	Селецкое	480	24	20
14	Боршева	800	70	11

городища с наибольшей концентрацией грузиков, а на левом — с наименьшей. На городищах с максимальной концентрацией (Троицкое, Успенское, Бородинское) отсутствуют наиболее ранние образцы, в том числе грузики из рога. Городища со средней концентрацией грузиков локализируются в среднем течении Москвы-реки (рис. 4). На них представлены и наиболее ранние формы, в том числе роговые грузики. Эти наблюдения позволяют, на наш взгляд, проследить путь проникновения грузиков дьякова типа к верховьям Москвы-реки, где находятся городища с наибольшей их концентрацией, а также говорить о том, что наибольшее распространение грузики получают не в начальный период существования московских городищ, что было отмечено в свое время А. Ф. Дубыным¹⁴.

Как же можно объяснять различную концентрацию такой массовой категории находок, которая длительное время служила одним из основных признаков для выделения дьяковской культуры? Малое количество грузиков наблюдается, с одной стороны, на некоторых городищах, имеющих ранние слои (например, Кунцевское и Мамоново), а с другой — на таких памятниках, где ранние слои не зафиксированы (Михайловское, Неждино). Видимо, грузики дьякова типа имели более ограниченный период бытования, чем это представлялось прежде, поэтому их почти нет на поздних городищах. Но как в таком случае объяснить низкую их концентрацию на ряде городищ, где есть ранние слои? Вероятно, это обстоятельство указывает на перерывы в функционировании некоторых городищ, приходящиеся на время наибольшего распространения грузиков*.

Изучение городищ дьякова типа, отдельных этапов в их развитии связано с разработкой вопросов относительной и абсолютной хронологии этих памятников. До настоящего времени не удается дифференцировать значительный хронологический этап в их существовании — с III в. до н. э. до III в. н. э., который совпадает со временем максимального распространения грузиков дьякова типа. Поэтому особое значение приобретают тщательное исследование этой категории вещей из городищ Волго-Окского междуречья, их классификация и разработка хронологии для уточнения дат отдельных слоев и выявления синхронных памятников.

¹ Крис Х. И., Чернай И. Л. Работы второго отряда Московской экспедиции. — АО 1977 г. М., 1978, с. 68, 69.

² Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, 1975, вып. Г1-12, с. 65.

³ Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. — САИ, 1978, вып. Д4-5, с. 27, табл. 17, 15—20.

⁴ Ализова А. Е. Городища Курского Посеймья. — МИА, 1962, 113, с. 124, рис. 20, 15, 17.

⁵ Крис Х. И. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища. — МИА, 1970, 156, с. 145 сл.

⁶ Смирнов К. А. К вопросу о назначении грузиков «дьякова типа». — СА, 1961, № 3.

⁷ Это мнение И. Л. Чернай высказал в докладе, прочитанном на заседании Ученого совета ИА 13 апреля 1979 г.

⁸ Значительная часть грузиков дьякова

типа имеет четко выделенный диск основания, что крайне затрудняет описание их формы. Типы выделяются нами по форме втулки.

⁹ Чернай И. Л. Глиняные грузики городища Марица. — В кн.: Лузиков А. И. Марицкое городище в Посеймье. М., 1981.

¹⁰ Арциховский А. В. Бородинское городище. — ТСА РАНИОН, 1928, II, с. 84.

¹¹ Дубынин А. Ф. Троицкое городище. — МИА, 1970, 156, табл. 24, 8, 14.

¹² Там же, с. 39.

¹³ Табл. 2 составлена по данным К. А. Смирнова. См.: Смирнов К. А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища. — МИА, 1971, 184, с. 89, 90. Нами сделаны некоторые дополнения.

¹⁴ Дубынин А. Ф. Троицкое городище, с. 37.

* Соображения автора о различной концентрации грузиков дьякова типа на городищах Волго-Окского междуречья и причинах этого явления нуждаются в более прочной аргументации на широкой фактологической основе. В частности, не представляется достаточно надежным сравнение количества находок грузиков на единицу исследованной площади без учета мощности культурного слоя (Ред.).

О КОНСТРУКЦИИ ЛУКА И СТРЕЛ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АЛАНОВ

В 1976 г. Е. А. Милованов и А. А. Иерусалимская опубликовали материал о луке из известного могильника Мощевая балка, который давал представление о конструкции этого вида оружия у северокавказских аланов¹. Новые находки в Мощевой балке позволяют существенным образом уточнить и дополнить эти данные.

В 1978 г. мне сообщили о разграблении одного из погребений могильника. Выезд на место показал, что погребение находилось под скальным навесом, у основания которого расположен могильник, в его центральной части. При зачистке погребения выяснилось, что костяк и инвентарь в основном остались нетронутому. Костяк был вытянут на спине, ориентировка юго-западная. В погребении найдены сероглиняный кувшин-чайник, деревянные ножны с ножом, пенал, рукояти секиры, тесла и плети, сложенный вдвое кожаный горит и находившиеся у левого бока умершего деревянные колчан со стрелами и лук в кожаном налучье². Найденный в этом погребении лук и многочисленные фрагменты из сборов предыдущих лет, хранящиеся в различных собраниях, дают возможность судить о конструкции сложносоставных аланских луков.

Как известно, в типологическом плане луки из могильника Мощевая балка делятся на два типа: 1) с цельной деревянной основой и 2) сложносоставные, с деревянной основой из двух отдельных частей, соединенных в области рукояти. Луки первого типа хорошо освещены в литературе³.

Луки второго типа изготовлялись из кизила, реже — из клена⁴, усиливались сухожилиями, роговыми и костяными обкладками. Вырезанные отдельно две половины деревянной основы соединялись в области рукояти двумя способами. В некоторых случаях на одной половине деревянной основы вырезали прямоугольный шип, на другой — паз. После их соединения в боковой поверхности пробивали отверстие, в которое для прочности соединения вставляли деревянный штифт (рис., 4)⁵. В других случаях концы плечей суживались до 10—12 мм и утончались. После этого их наклеивали друг на друга, а сверху добавляли упорную планку (рис., 5). В обоих случаях прочность соединения достигалась склеиванием деталей. Использовали клей темно-коричневого цвета, очевидно, приготовленный из рогов и копыт молодняка крупного рогатого скота. Из-за отсутствия точных хронологических данных пока нельзя сказать, одновременно или в разное время существовали эти два способа.

Плечи луков в сечении были сегментовидными. Для придания луку большей упругости и в связи с тем, что наибольшее напряжение при стрельбе возникает на спинке, ее укрепляли продольно расположенными сухожилиями от середины одного до середины другого рога. Сухожилия проклеивались по всей длине. В области рогов концы их заклеивались сверху полоской кожи, у основания рога кольцеобразно наносили второй кожаный слой (рис., 6). Полоска кожи проклеивалась поверх сухожилий и там, где они проходили через рукоять. Кожаное покрытие иногда окрашивали охрой. С внутренней стороны плечи усиливали роговыми обкладками, выполнявшими функцию пружины.

В центральной части луков находилась рукоять-перехват. Деревянная основа в области рукояти имеет прямоугольное сечение. С внешней стороны через рукоять проходили сухожилия, с внутренней — находилось соединение роговых обкладок, усиливавших плечи. С боковых сторон перехват усиливали костяными обкладками (рис., 8), после чего всю рукоять обклеивали берестой. Рога аланских луков для жесткости и большей массивности, которая гасила вибрацию, что очень важно для рефлексирующих луков⁶, имели треугольное сечение (рис., 6). С трех

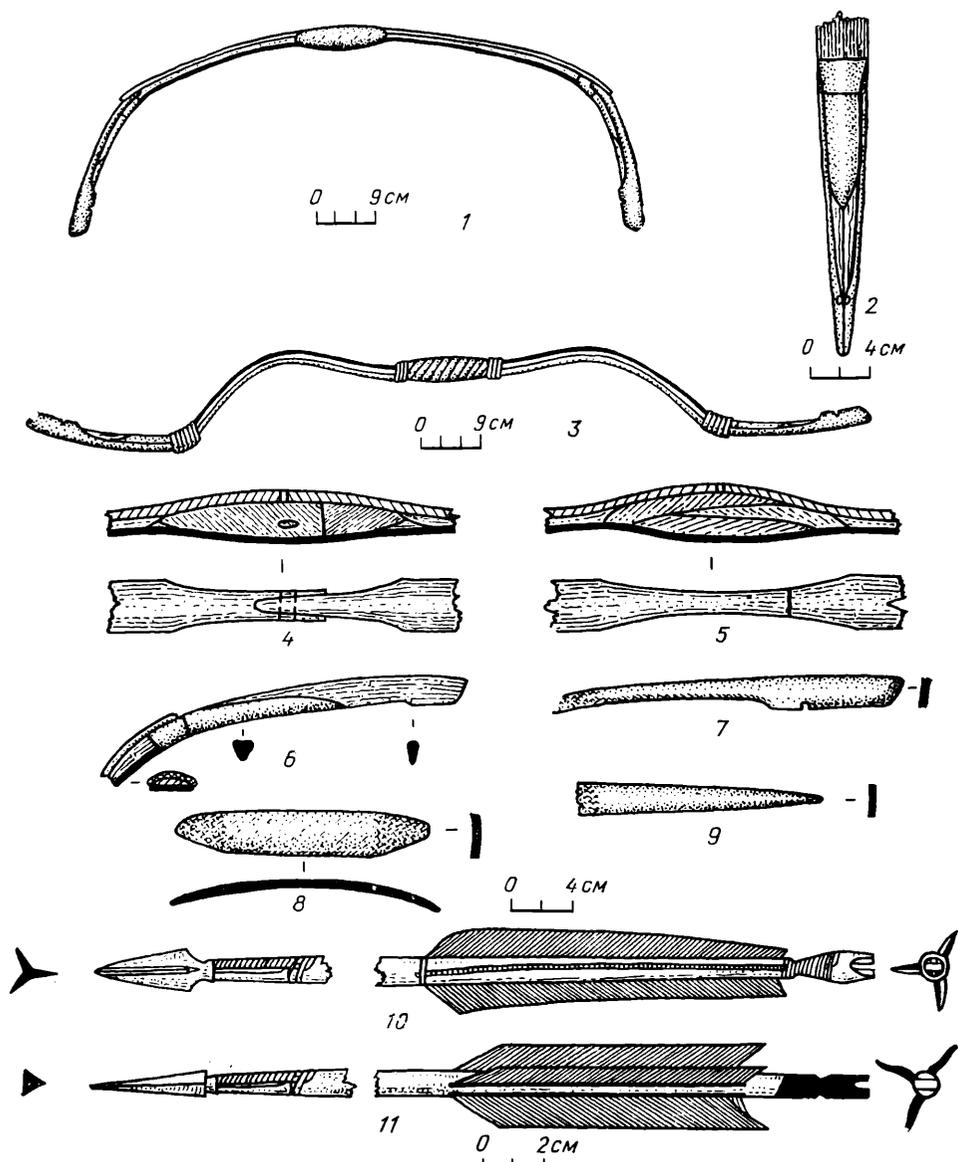

Рис. Лук и стрелы из могильника Мощевая балка

1 — лук в походном положении; 2 — рог лука; 3 — лук в боевом положении (тетива не изображена); 4, 5 — способы скрепления деталей сложносоставного лука; 6 — деревянная основа рога лука; 7—9 — костяные и роговая обкладка рога лука; 10, 11 — стрелы (реконструкция)

сторон их усиливали костяными обкладками (рис., 7, 9). На двух боковых сторонах делали вырезы для тетивы (рис., 7). Такие луки имели четыре работавших на излом узла, где возникало критическое напряжение при стрельбе. Поэтому их усиливали обмоткой из сухожилия⁷.

При установке на лук тетивы он выгибался в обратную сторону и принимал фигурные очертания с четко выраженной рукоятью, круто изогнутыми плечами и расходящимися в стороны, слегка закругленными рогами (рис., 3). Такие очертания приобретают луки с пятичленным делением. Эта черта, а также некоторые детали конструкции роднят аланские луки с сасанидскими⁸. Вероятно, они имели общее происхождение, а затем их развитие шло разными путями. Длина луков колебалась от 1,2 до 1,5 м. Обычно размеры лука определялись ростом и физической силой владельца. Важная особенность аланских луков заключается в том,

что угол между рогом и плечом на одном конце на $10-15^\circ$ больше угла на другом (рис., 1). Луки с разными углами между плечом и рогом найдены в Майкопском округе на Кубани⁹ и в Мощевой балке. Это дает основание рассматривать такую особенность не как следствие деформации. Разность углов связана с тем, что при подготовке к стрельбе стрела устанавливалась в верхней части перехвата и, таким образом, смещалась от центра лука вверх. В результате пятка стрелы делила тетиву на два рычага, один из которых был длиннее другого. Большой рычаг сообщал большую силу, которая и смещала стрелу во время полета от оси прицеливания. Чтобы уравнять эти рычаги, верхний угол между плечом и рогом увеличивался.

Интересен вопрос о том, в каком положении носили аланские воины сложносоставные луки. Судя по изображениям в позднеасанидских памятниках, сложносоставные луки носили со спущенной тетивой в узких изогнутых кожаных налучьях¹⁰.

Один из луков Мощевой балки, в уже упоминавшемся разграбленном погребении, найден со спущенной тетивой (рис., 1) именно в таком налучье. Здесь же находился сложенный вдвое колчан-горит. Эта находка подтверждает предположение, что в повседневной жизни луки носили со спущенной тетивой. Поэтому можно говорить о двух положениях ношения лука: походном, или повседневном, и боевом. В боевом положении луки носили в горитах. Гориты крепились ремнями за две кожаные или железные петли, одна из которых находилась в верхнем углу, другая — на месте изгиба горита по форме лука. С тыльной стороны горит имел клапан для хранения запасной тетивы. Гориты такого типа найдены в Мощевой балке¹¹ и катакомбах Рим-горы¹². Спуск тетивы в обычных условиях объясняется стремлением сохранить упругость лука, которая определяла боевые качества этого оружия.

Аланские стрелы наиболее полно представлены в материалах Змейского могильника¹³ и Мощевой балки. В упоминавшемся погребении из Мощевой балки найден деревянный колчан с пятью прекрасно сохранившимися стрелами, изготовленными из березы и ясеня. Они имеют длину от 0,60 до 0,80 м и толщину от 0,8 до 1 см. Длина их зависела, вероятно, не столько от размеров луков, сколько от назначения стрел. Толстые короткие стрелы имели бронебойные наконечники и предназначались для стрельбы на близкие расстояния. Тонкие и длинные стрелы служили для поражения целей на больших дистанциях. Большинство стрел имело трехперое оперение, которое изготовлялось следующим образом. Перо расщеплялось так, чтобы $\frac{1}{4}$ стержня оставалась вместе с опахалом. После этого опахало с таким стрежнем приклеивалось к древку. Концы стержней оперения дополнительно обматывали жилами или конским волосом. Иногда оперение спускалось до выреза для пальцев на пятке стрелы и слегка загибалось дугой влево. Это придавало стреле вращательное движение. Такое оперение характерно для коротких толстых стрел (рис., 10). В других случаях оперение было прямым и высоко поднятым над пяткой (рис., 11). Длина его колебалась от 10 до 15 см. Как показывают материалы по этнографии казахов, длина оперения зависела от размеров и веса наконечника стрелы¹⁴.

Вырезы для пальцев на пятке стрелы и концы древка возле наконечника обматывались сухожилиями. Такая обмотка предохраняла пальцы от соскальзывания при стрельбе, а конец древка — от раскола при ударе в цель. Диаметр древка стрел возле наконечника определялся диаметром упора на наконечнике. Это уменьшало сопротивление воздуха и увеличивало скорость полета стрелы. На некоторых стрелах пятка окрашена в темно-синий цвет. А. Ф. Медведев и В. П. Курьлев считают это своеобразной маркировкой, облегчавшей выбор нужной стрелы в колчане¹⁵. Однако некоторые находки в Змейском могильнике и Мощевой балке показывают, что стрелы в колчанах хранились наконечниками вверх¹⁶, что противоречит такому выводу. На одном фрагменте стрелы из Мощевой балки имеется вырезанный тамгообразный знак \times ¹⁷. По-видимому,

в VII—X вв. на стрелах, как на личном оружии, начинают ставить клеймо.

Новые наблюдения над стрелковым оружием аланов позволяют полнее проследить технологию изготовления сложносоставных луков, их конструктивные особенности, подчеркивают продуманность конструкции каждой детали, где все подчинялось одной цели — сделать лук и стрелы надежными, точными, удобными. Как уже отмечалось, луки изготовляли из кизила и клена, древки стрел — из березы и ясеня. Кизил — одна из самых твердых пород дерева; к твердым породам относятся береза, ясень и клен. Выбор материала также был подчинен достижению прочности и надежности оружия. Все это позволяет сделать вывод, что стрелковое оружие северокавказских аланов не уступало по своим боевым качествам однотипному оружию других народов в тот же исторический период.

¹ Милованов Е. А., *Иерусалимская А. А.* Лук из Мощевой балки. — СГЭ, 1976, ХLI.

² Материал хранится в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике, инв. № 5241.

³ Милованов Е. А., *Иерусалимская А. А.* Лук из Мощевой балки.

⁴ Определения пород дерева проведены сотрудником Государственного Эрмитажа А. И. Семеновым, за что выражаю ему глубокую благодарность.

⁵ Все рисунки деталей даны для «походного» положения луков.

⁶ Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. — СА, 1966, № 4, с. 66.

⁷ Милованов Е. А., *Иерусалимская А. А.* Лук из Мощевой балки, с. 41; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. — САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 12.

⁸ Литвинский Б. А. Сложносоставной лук..., с. 61, 69.

⁹ Zakharov A., *Arendt V.* *Studia Zevedi-*

ca. *Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn in IX Jh.* — *Archaeologia Hungarica*, 1934, p. 61, fig. 25.

¹⁰ Орбели И. А., *Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.; Л., 1935, табл. 3, 20.

¹¹ Милованов Е. А., *Иерусалимская А. А.* Лук из Мощевой балки, с. 43.

¹² Рунич А. П. Катакомбы Рим-горы. — СА, 1970, № 2, с. 206.

¹³ Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1975 г.). — МАДИСО, 1961, I, с. 86, 87.

¹⁴ Курьлев В. П. Оружие казахов. — Сборник МАЭ, 1978, XXXIV, с. 19.

¹⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие, с. 20; Курьлев В. П. Оружие казахов, с. 19.

¹⁶ Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник..., с. 86, 87. Соответствующие материалы могильника в Мощевой балке не опубликованы.

¹⁷ Фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника, инв. № 4978.

Ю. А. КРАСНОВ

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЗВОДНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В женской одежде традиционных обществ ярко выражаются племенные и локальные различия, поэтому ее реконструкция по археологическим материалам представляет значительный интерес. Успешности и объективности реконструкций способствуют тщательный анализ взаимного расположения найденных в погребениях деталей костюма и украшений, массовость использованного материала, широкое и всестороннее привлечение сравнительных этнографических данных.

Безводнинский могильник, исследованный одним из отрядов Чебоксарской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством автора, расположен в 3 км к юго-востоку от с. Безводное Кстовского р-на Горьковской обл., недалеко от впадения в Волгу ее правого притока — р. Кудьма. В истории могильника выделяются четыре стадии, датированные следующим образом: стадия 1 — конец V — начало VI в.; стадия 2—VI в.; стадия 3—VII в.; стадия 4—конец VII—первая половина VIII в. Судя по обряду погребения и вещевому материалу, могиль-

ник был оставлен одной из групп финно-угорского населения, родственного, с одной стороны, муроме и мере, с другой — мордве-эрзе. Материалы этого памятника, исследованного практически полностью, опубликованы¹. Для реконструкции женского наряда населения, оставившего Безводнинский могильник, мы располагаем материалами 44 погребений.

Остатки тканей от одежды (более 20 образцов) обнаружены в восьми погребениях². В двух случаях это была льняная ткань простого полотняного переплетения, довольно тонкая и плотная (20×18 и 20×20 нитей на кв. см), неокрашенная, сохранившая естественный суровый цвет. В погребении 34 фрагменты такой ткани найдены на игле небольшой скульгамы, обнаруженной в верхней части груди, и под остатками пояса, в погребении 77 — под остатками пояса. Очевидно, эти фрагменты происходили от рубах, которые у всех народов Поволжья, судя по этнографическим данным, шились из льняных и конопляных тканей и выполняли роль нательной одежды и одновременно платья³. Отпечатки тканей такой же плотности, толщины и характера ткань обнаружены на обратной стороне нескольких нагрудных блях и скульгам. Последние были найдены в верхней части груди и служили, по-видимому, для застегивания разреза ворота рубах.

В пяти погребениях обнаружены фрагменты шерстяных тканей различного качества, саржевого (раппорт 2/2) или простого полотняного переплетения (плотность 12×14, 12×10 и 12×12 нитей на кв. см). В погребении 14 найдено несколько фрагментов полушерстяной ткани, окрашенной в красный цвет, у которой нити основы были шерстяными, а утка — льняными. Она имела простое полотняное переплетение и плотность около 25×20 нитей на кв. см. В черный цвет была окрашена шерстяная ткань из погребения 130. Все эти фрагменты, в отличие от остатков тканей из льна, были обнаружены на остатках поясов, на нагрудных бляхах, браслетах и других украшениях. В некоторых случаях такая ткань оказалась приставшей сверху или снизу к лубу, в который обычно заворачивали погребенных. Все это позволяет относить ее к остаткам верхней одежды, которую носили поверх подпоясанной рубахи. Обнаруженные в погребении 31 образцы шерстяной ткани с несшитой кромкой говорят о том, что такая одежда была распашной. В погребении 130, кроме остатков шерстяной ткани, найдены два фрагмента безузорной тесьмы из шерстяных нитей черного цвета, а в погребении 94 — фрагменты ткани от головного убора. Она была простого полотняного переплетения, имела плотность 12×12 нитей на кв. см, окрашена в красный цвет.

О двух видах одежды — рубахи из растительного волокна и верхней распашной одежды из шерстяной или полушерстяной ткани — свидетельствует также расположение в погребениях скульгам и других застежек. Некоторые из них всегда оказываются в верхней части груди. Это небольшие скульгамы диаметром 1,5—3 см, в одном случае — крестовидная фибула. Ими скалывали, очевидно, ворот рубахи. Другая группа застежек — крупные бронзовые или железные скульгамы, скульгамообразные бляхи с ложножгутовым орнаментом и др. — располагается обычно в нижней части груди или в области живота, часто попарно, одна над другой (встречены в 26 погребениях). По-видимому, ими скрепляли полы распашной верхней одежды.

О некоторых чертах покроя рубах и способе их ношения можно получить представление по следующим данным. Следует допустить, что рубахи относились к типу туникообразных, которые, судя по этнографическим материалам, с глубокой древности были характерны для всех народов Поволжья⁴. Обращает на себя внимание, что небольшие скульгамы, которыми скалывали разрез ворота, в 15 женских погребениях были найдены в верхней части груди справа, в двух — слева, в трех — в середине. В остальных случаях их положение не было точно определено. В мужских погребениях наблюдалась иная картина: там большинство таких скульгам найдено в верхней части груди слева. Эти данные позволяют предположить, что разрез ворота рубахи находился в большинстве слу-

чаев не прямо спереди, а сбоку: у мужских рубах — слева, у женских — справа. Такое его расположение по этнографическим данным встречается на рубахах ряда финно-угорских народов: некоторых групп марийцев⁵, удмуртов⁶, ижоры⁷ и др., но не характерно для рубах мордвы. Рубахи с таким разрезом ворота могли относиться только ко второму подтипу туникообразных рубах по классификации Б. А. Куфтина, которые изготавливались из одного основного полотнища, перекинутого со спины на грудь. К нему пришивались рукава с ластовицами и боковые точки холста⁸. Рубахи первого подтипа, изготовлявшиеся из двух точек холста, перекинутых через плечи и сшитых спереди и сзади, имевшие разрез ворота только прямо спереди, аналогичные рубахам мордвы-эрзи⁹, употреблялись, по-видимому, значительно реже.

Разрез ворота рубах иногда обшивали бусами. Рукава в некоторых случаях могли быть укороченными, как у рубах мордвы-эрзи¹⁰, о чем свидетельствует широко распространенный обычай ношения браслетов, в частности спиральных, иногда по два на каждой руке (встречены в 14 погребениях). Рубахи шились, вероятно, длинными, значительно ниже колен, что характерно для одежды этого вида из этнографических материалов о финно-уграх Поволжья¹¹. Косвенно об этом может свидетельствовать расположение обувных украшений (найжены в десяти погребениях) только на носке и в области подъема ноги, там, где их не закрывал подол рубахи.

Рубахи обычно подпоясывались. Остатки поясов, иногда с бронзовыми или серебряными накладками, встречены более чем в 30 женских погребениях. По-видимому, пояса не носили лишь девочки до определенного возраста и очень пожилые женщины. О том, что в большинстве случаев подпоясывались именно рубахи, а не верхняя распашная одежда, свидетельствуют неоднократные находки шерстяных тканей от этой последней поверх остатков поясов, а также два случая находок на поясных пряжках крупных сюльгам, предназначавшихся для скрепления пол верхней одежды. Обычай украшения поясов накладками (найжены в десяти женских погребениях) может указывать, что рубахи, по крайней мере в некоторых случаях, носили без напуска, без образования характерной «пазухи», закрывавшей пояс.

О покрое распашной верхней одежды можно судить почти исключительно на основании сравнительных этнографических материалов. По мнению Н. Гаген-Торн, древнейшим типом верхней одежды всех народов Поволжья следует считать «прямоспинную одежду туникообразного покроя с прямыми длинными рукавами с ластовицами и воротником в виде маленькой стойки или без воротника»¹². Таковы «шортдэрем» удмуртов¹³, «руця» мордвы-эрзи¹⁴, «мушкас» мордвы-мокши¹⁵, старинные чувашские свадебные кафтаны¹⁶ и др. Рукава такой одежды в нашем материале были удлиненными и доходили до кистей рук, о чем свидетельствуют находки остатков шерстяных тканей на браслетах, а также расположение обшивки края рукавов бронзовыми пронизками-обоймочками, зафиксированное в погребениях 4 и 94. Можно предполагать, что распашная верхняя одежда в нашем материале не имела специального ворота, а ее грудной разрез был достаточно широким. Об этом можно судить по материалам мужского погребения 141, где такой разрез до схождения пол немного выше пояса был обшит серебряными полусферными бляшками. Так как покрой верхней мужской и женской одежды у народов Поволжья по этнографическим данным был практически одинаковым¹⁷, эти данные можно использовать и для реконструкции верхней женской одежды. Верхняя распашная одежда, по этнографическим материалам, обычно доходила примерно до колен, так что из-под нее был виден подол рубахи, часто украшенный вышивкой¹⁸. В погребении 134 зафиксирована обшивка рукавов верхней одежды от плеч до локтя бронзовыми привесками с обоймочками. Такие же привески располагались в два ряда на спине. Расположение застежек показывает, что верхняя одежда обычно запахивалась на левую сторону. Иногда она подпоя-

сывалась, о чем свидетельствуют материалы погребения 41, в котором обнаружены остатки двух поясов: фрагменты кожаного пояса с бронзовыми накладками и бронзовой пряжкой и крупная железная пряжка от второго пояса, которая лежала поверх остатков первого пояса. Очевидно, поясом с бронзовыми пряжкой и накладками была подпоясана рубаха, поясом с крупной железной пряжкой — верхняя распашная одежда.

В четырех погребениях под костями таза или под бедренными костями были обнаружены в количестве от одной до трех крупные бронзовые скульгамы диаметром 9—12 см. Очевидно, они скалывали какую-то деталь одежды сзади, ниже пояса. Реконструировать такую одежду на основании этнографических данных можно двояко. Возможно, это была поясная одежда типа южнорусской поневы, края которой сходились не спереди или сбоку, а сзади. Не менее вероятно, что эти скульгамы служили для прикрепления назадников типа «пулая» мордвы-эрзи¹⁹ или поясных подвесок (полотенец) «каттиртет» ижорцев²⁰.

Ни в одном погребении Безводнинского могильника не найдено никаких остатков меховой одежды, хотя никак нельзя думать, что ее не было вообще. Это обстоятельство следует объяснять, по-видимому, погребальным ритуалом.

В десяти погребениях обнаружены остатки украшений обуви, в двух — пряжки и наконечники от обувных ремней. Под ними неоднократно встречались мелкие кусочки неокрашенной, довольно тонкой кожи, очевидно от обуви. Обувные украшения обычно представляли собой тонкие ремешки, сплошь унизанные бронзовыми пронизками, иногда — с нашитыми на них бронзовыми бляшками различной формы. Такие ремешки прикреплялись в один или несколько рядов в области подъема ноги. В тех случаях, когда ремешки нашивались в несколько рядов, обувь должна была иметь, очевидно, закрытую головку и голенища. На последнее обстоятельство прямо указывает расположение ремешков с пронизками в погребении 20 вдоль костей голени на протяжении более 20 см. Обувные пряжки также найдены в области подъема ноги. Они относились к ремешкам, стягивающим обувь от пятки к подъему. Обувь с такими ремешками могла иметь голенища, но могла быть и без них, представляя собой род более или менее закрытых поршней. Так же может реконструироваться обувь, у которой украшения в виде ремешка с пронизками располагались на подъеме ноги в один горизонтальный ряд. Обувь из кожи, чаще всего сыромятной, в виде поршней или невысоких мягких полусапожек, зафиксирована этнографическими данными наряду с лыковой у ряда финно-угорских народов Восточной Европы²¹.

Разнообразны головные уборы. В 14 погребениях найдены металлические детали головных венчиков, обычных для синхронных памятников Среднего Поволжья. Венчики изготовлялись из полоски ткани или кожи, на которые в два—четыре ряда нашивались тонкие ремешки, сплошь унизанные бронзовыми пронизками, а также различной формы бронзовые бляшки. На затылке венчики застегивались маленькой пряжкой, скульгамой или просто завязывались. Малепькие пряжки и скульгамы были обнаружены под черепами и в тех погребениях, где не найдены металлические украшения венчиков. Это наводит на мысль, что венчики иногда украшались лишь вышивкой и не имели металлических деталей. Если это предположение правильно, головные венчики следует считать наиболее распространенной формой головного убора. Их носили и девочки, и девушки, и женщины всех возрастов. Прямые этнографические параллели головным венчикам из материалов Безводнинского могильника указать трудно. В общем плане они могут быть сопоставлены с широко распространенными у финно-угорских народов венцами-повязками, служившими прежде всего девичьими головными уборами²². Нередко головные повязки входили в качестве составной части в более сложные головные уборы²³.

Весьма своеобразны головные уборы из погребений 130, 140, 142 и 148. Оригинальной их деталью являлась сшитая в виде полой трубки

двойная полоска кожи, внутри которой сохранились остатки деревянного прута. На эту трубку плотно, один к одному, надевались незамкнутые бронзовые колечки (головные жгуты типа I). Диаметр таких жгутов составлял 2—3,5 см (рис. 1). Они были замкнутыми. Во всех случаях они найдены на остатках черепов, причем так, что охватывали голову от лба к затылку. В погребении 142 выше такого жгута на черепе найдено плоское бронзовое кольцо диаметром 14 см и шириной 1,7 см, украшенное орнаментом. Края кольца скошены. Это позволяет предполагать, что оно надевалось на какую-то коническую поверхность. Под ним сохранилась узкая, по ширине кольца, полоска кожи. На остатках черепа, под ним и вокруг него найдены фрагменты бересты с мелкими отверстиями, сделанными иглой при шивании. Все эти данные позволяют считать, что рассматриваемый головной убор был изготовлен из бересты, возможно, обтянут кожей, имел коническую или усеченно-коническую форму. Его нижнюю часть составлял головной жгут, выше располагалось описанное бронзовое кольцо. О том, как крепился жгут к берестяному остову головного убора, судить трудно. Не исключена возможность, что он просто надевался поверх берестяной шапки. Этнография знает примеры сложных головных уборов, состоявших из нескольких частей, которые надевались отдельно (в частности, у финно-угорских народов) ²⁴.

Близким был головной убор из погребения 134. Он также изготовлен из бересты, кусочки которой со следами прошивки найдены на черепе и вокруг него. Нижняя часть головного убора, пришитая к берестяной основе, была изготовлена из двойной полосы прошитой кожи шириной около 4 см и украшена бронзовыми накладками ромбической формы, к которым крепились бронзовые шумящие привески (рис. 2). На берестяном остове этой шапки был нашит головной венчик обычного типа, использовавшийся в данном случае не по прямому назначению, а также раковины-каури. Форма хорошо сохранившейся нижней части убора, а также значительно меньший, чем у нее, диаметр нашитого на шапку головного венчика свидетельствуют, что головной убор также имел коническую или усеченно-коническую форму. Мелкие кусочки бересты были найдены со жгутами типа I и в других погребениях.

Описанные головные уборы, по-видимому, должны быть включены в группу широко распространенных у финно-угорских народов твердых башнеобразных головных уборов, часто имевших коническую или усеченно-коническую форму и изготовлявшихся из луба или бересты. Наиболее близкими этнографическими параллелями им можно считать «айшон» удмуртов ²⁵ и «шурка» луговых мари ²⁶, несколько более отдаленными — «панго» мордвы-эрзи бывш. Кочкуровского уезда ²⁷. По наблюдениям этнографов, береста у марийцев и некоторых других финно-угорских народов считалась священным предметом и нередко выполняла роль оберега ²⁸. Поэтому употребление бересты для изготовления головных уборов может быть и не случайным, особенно в свете древних представлений о магии женских волос, которые прикрывали головными уборами ²⁹.

В восьми погребениях обнаружены остатки сложных головных уборов, в состав которых входили головные жгуты иной конструкции: из пучков шерстяных нитей, плотно обмотанных тонкими сыромятными ремешками, сплошь унизанными бронзовыми пронизками (тип II) или только из пучков шерстяных нитей, без обмотки (тип III). Устройство головного убора с такими жгутами четко прослежено в погребении 94 (рис. 3). Здесь головной жгут, крепко связанный у концов и надетый поверх волос, от уха до уха, через темя, составлял своего рода твердую основу головного убора, его внутренний каркас. Поверх жгута была надета шапочка из окрашенной в красный цвет шерстяной материи в форме мешкообразного чепца с лопастью, спускавшейся на спину. На лицевой стороне чепца к материи были прикреплены полукругом пять серебряных крестовидных фибул и пять раковин-каури. Нижняя кромка чепца с лицевой стороны была обшита тонким ремешком, на который были нанизаны бронзовые спиральки с небольшими обоймочками, а к ним

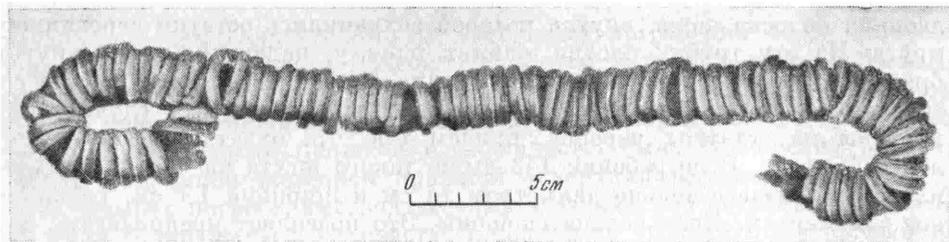

Рис. 1. Безводнинский могильник. Головной жгут типа I (погребение 130)

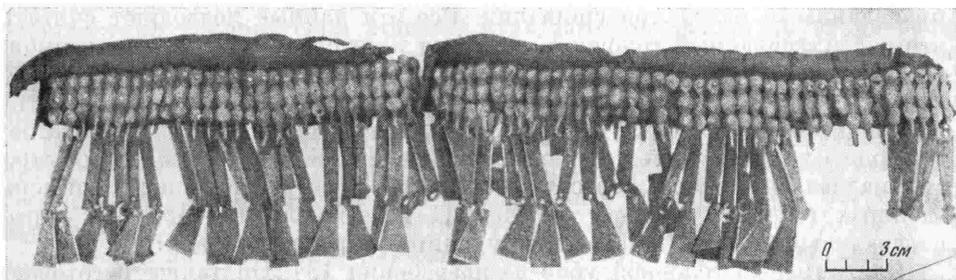

Рис. 2. Безводнинский могильник. Нижняя часть головного убора (погребение 134)

прикреплялись девять уплощенных серебряных колечек. В состав головного убора входил также венчик, к которому шерстяными нитками были привязаны браслетообразные височные кольца. Аналогичные головные уборы с фибулами могли носить и без головных жгутов (погребение 155). Свисающая на спину лопасть иногда украшалась крупными двупластинчатыми фибулами или бусами.

Головные уборы со жгутами типов II и III следует, по-видимому, сближать по принципу устройства с широко распространенными в Восточной Европе в самых различных вариантах головными уборами из твердого или полутвердого остова, покрытого куском ткани. Под названием «сорока» они известны не только у русского населения, но и у финно-угорских народностей — марийцев, некоторых групп мордвы-эрзи, мордвы-мокши, тверских карел, ижорцев и др.³⁰ Покрой чепца с лопастью и разнообразно украшенной лицевой частью сохранился до недавнего времени в головных уборах мордовских (эряянских и мокшанских) женщин («панга», «шлыган», «платок-пуло» и др.³¹ Считается, что такие головные уборы возникли из твердых башнеобразных за счет упрощения твердого остова и соединения его с покрывалом, украшенным вышивкой³². Нелишне отметить, что в материалах Безводнинского могильника головные уборы со жгутами типов II и III оказываются более поздними, чем башнеобразные берестяные шапки со жгутами типа I.

Головные жгуты всех типов найдены только в погребениях женщин зрелого возраста. Очевидно, твердые башнеобразные головные уборы и головные уборы со жгутами типов II и III носили только замужние женщины, в наряд девушек они не входили.

Женщины и девушки носили разнообразные бронзовые и серебряные украшения, общее количество которых было, однако, невелико. Описание их типов и археологических параллелей уже дано в упоминавшейся монографии о Безводнинском могильнике. Напомним лишь, что в число таких украшений входили крупные браслетообразные височные кольца, височные подвески и серьги, наконечники, застежки-сюльгамы, шейные гривны. Нагрудные украшения представлены разнообразными нагрудными бляхами, часть из которых была только украшениями, часть выполняла, кроме того, функции застежек. В одном погребении обнаружен нагрудник, расшитый бусами, с бронзовыми прямоугольными пластинками

по краям. На шее носили ожерелья из бус или металлических привесок. Украшениями рук служили браслеты, перстни и колечки, изготовлявшиеся из бронзы и серебра. Все эти виды украшений известны у финно-угорского населения Восточной Европы и по этнографическим данным. Особенно характерны застежки-сюльгамы, украшения, конечно, сильно изменившиеся и лишь в принципе сходные с обнаруженными в археологическом материале³³.

Следует кратко остановиться на изменениях, которые можно проследить в женском наряде за время использования Безводнинского могильника. Покрой нательной и верхней

одежды за этот период, по-видимому, не изменился. Браслетообразные височные кольца, головные венчики, нашейные украшения, различные виды нагрудных украшений, браслетов и перстней употребляются на протяжении всех четырех стадий, хотя типы их претерпевают определенные изменения. Шейные гривны найдены только в погребениях стадий 1 и 2, а сюльгамы наиболее часто встречаются на стадиях 2, 3 и 4. Твердые башнеобразные головные уборы из бересты характерны для стадии 1 и отчасти 2 (погребение 134). Полумягкие головные уборы с внутренним каркасом из жгутов типов II и III появляются на стадии 2, где они весьма часты, но позднее выходят из употребления. На стадии 4 известно лишь одно женское погребение с головным жгутом типа III. Однако нет данных для того, чтобы отрицать существование и в это время полумягких или мягких головных уборов типа чепца с лопастью, употреблявшихся без жгута и металлических украшений на лицевой части. Накосники появляются на стадии 2, когда они особенно богаты и разнообразны. То же следует сказать о поясной одежде или поясных полотенцах. Пояса в женских погребениях известны на всех стадиях, но украшения их накладками характерно только для стадий 2 и 3. На стадии 4 пояса из женских погребений становятся узкими и украшаются иногда кистями из шерстяных нитей, что не наблюдалось в более раннее время. Кожаная обувь с пряжками употреблялась только на стадии 1, с металлическими обувными украшениями — только на стадиях 2 и 3. В могилах поздней стадии нет ни обувных украшений, ни обувных пряжек, ни остатков кожаной обуви. Последнее обстоятельство, впрочем, не может говорить о ее отсутствии. В целом женский наряд ранних стадий оказывается более богатым металлическими деталями одежды и украшениями. Позднее наблюдается его постепенное упрощение и обеднение.

Сопоставление остатков женской одежды и украшений из Безводнинского могильника с этнографическими материалами XVIII—XIX вв., с одной стороны, еще раз свидетельствует, что население Горьковского Поволжья в V—VIII вв. входило в круг финно-угорских народов Поволжья. Наибольшая близость прослеживается с костюмом и комплексом украшений различных групп марийцев и мордвы, особенно мордвы-эрзи. С другой стороны, такое сопоставление указывает на глубокие исторические корни некоторых элементов народного костюма населения Поволжья недавнего прошлого. Более детальное сопоставление реконструированного по материалам погребений женского наряда с этнографическими данными, сравнение его со специфическими чертами женского наряда отдель-

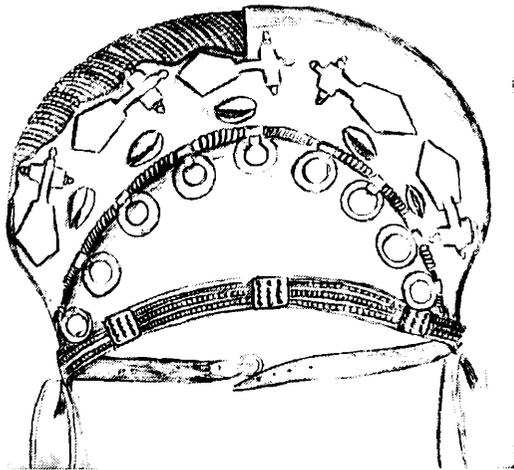

Рис. 3. Безводнинский могильник. Реконструкция головного убора (погребение 94)

ных племенных групп недавнего прошлого вряд ли возможно. Действительно, реконструкцию женского костюма по археологическим данным в силу специфики материала можно провести лишь в самых общих чертах, но не в деталях. В то же время женский наряд различных финно-угорских народов Поволжья имеет много черт сходства именно в этих общих чертах, различаясь в деталях, обычно недоступных для археологии. Наконец, древний костюм финно-угорских женщин и костюм XVIII—XIX вв. отделены друг от друга слишком большим промежутком времени, за который детали его сильно изменились, и сходство часто может быть прослежено лишь в принципе³⁴.

- ¹ *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник. М., 1980.
- ² Определения остатков тканей проведены автором.
- ³ *Гаген-Торн Н.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960, с. 7.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же, с. 23.
- ⁶ *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу.— Труды ИЭ, 1951, н. с., т. X, с. 34; *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., рис. 8; 9.
- ⁷ *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., черт. № 13.
- ⁸ *Куфтин Б. А.* Материальная культура русской мещеры.— Труды Государственного музея ЦПО. М., 1926, 3.
- ⁹ *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., рис. 1.
- ¹⁰ Там же, рис. 1, 3.
- ¹¹ Крестьянская одежда населения Европейской России. М., 1971, илл. 149, 151, 160, 162, 168, 175 и др.
- ¹² *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., с. 135.
- ¹³ *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов, с. 47—49.
- ¹⁴ *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., черт. № 11.
- ¹⁵ Крестьянская одежда..., илл. 166.
- ¹⁶ *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., рис. 59.
- ¹⁷ Там же, с. 126.
- ¹⁸ Там же, с. 132, 134.
- ¹⁹ Там же, с. 102, 103.
- ²⁰ *Прыткова Н. Ф.* Одежда ижор и води. Л., 1929, с. 318.
- ²¹ Крестьянская одежда..., с. 266, 267, 277, 278, 287, 298.
- ²² *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., с. 151, 152; *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов, с. 58, 59; Крестьянская одежда..., с. 294.
- ²³ *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., с. 166—168, 173; Крестьянская одежда..., с. 31.
- ²⁴ См., например: *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., с. 172, 173, 180, 181 и др.
- ²⁵ *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1783, ч. III, с. 31; *Смирнов И. Н.* Вотяки. Казань, 1890, с. 100.
- ²⁶ *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов, с. 63, 64; *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., с. 182, 183.
- ²⁷ *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., с. 184, 185.
- ²⁸ Там же, с. 190.
- ²⁹ Там же, с. 139—150.
- ³⁰ Там же, с. 191—195.
- ³¹ *Степанов П. Д.* Головные уборы мордовских замужних женщин в Саратовской губернии. Саратов, 1928; Крестьянская одежда..., илл. 176; 177.
- ³² *Гаген-Торн Н.* Женская одежда..., с. 195—199.
- ³³ Там же, с. 76 сл.
- ³⁴ В этом плане представляется методически неправомерным сопоставление П. Д. Степановым реконструированного по археологическим данным женского наряда раннесредневекового населения рязанского и муромского течения Оки только с эрзянским комплексом одежды, известным по этнографическим данным, откуда делается вывод о тождестве древнего населения бассейна Оки с мордвой-эрзей. См.: *Степанов П. Д.* Древняя история мордвы-эрзи. Очерк второй. Археологические и этнографические данные.— Труды МордНИИ, 1970, 39, с. 31—33, 35, 43—52. Все приведенные П. Д. Степановым параллели настолько общи, что могут быть применены не только к мордво-эрзе, но и к ряду других поволжских финно-угорских народов.

ПУБЛИКАЦИИ

В. В. ДВОРНИЧЕНКО

ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ

До недавнего времени погребение близ хут. Жирноклеевского, несмотря на относительную скромность сопровождающего инвентаря, считалось едва ли не самым ярким среди памятников правобережья нижней Волги, хронологически соответствующих предскифскому периоду в Причерноморье. Исследования, проведенные здесь в последние годы, дали новые важные материалы для характеристики памятников рассматриваемого времени¹. Значительный материал получен при работах Поволжской экспедиции Института археологии АН СССР и МГУ в зоне строительства Калмыцко-Астраханской оросительной системы в Астраханской обл., где вдоль сухого русла балки Кривая Лука, протянувшейся в открытой степи по правому берегу Волги, к настоящему времени исследовано более 250 курганов.

Погребения, практически аналогичные по обряду и материалу предскифским Причерноморья и Дона, здесь редки. К ним мы относим погребение 7 кургана 1 в группе КЛ-II² (рис. 1, 2)³, погребение 12 кургана 2 группы КЛ-VIII (рис. 1, 3), погребение 16 кургана 2 в группе КЛ-IX (рис. 1, 4)⁴. Для них характерны относительно небольшие могильные ямы неправильно овальной формы, впущенные в центр курганных насыпей на глубину около 2 м (от 0,7 до 1 м в материке), в которых погребенные лежат на левом боку, головой на восток с отклонением к северу, руки вместе протянуты вперед под углом к корпусу, ноги несильно согнуты в тазобедренных суставах, в коленях угол острый. В погребении 12 кургана 2 группы КЛ-VIII под погребенным отмечена обильная меловая подсыпка, над ней — слабый бурый тлен. В погребении 16 кургана 2 группы КЛ-IX под погребенным отмечены коричневый тлен от подстилки, меловая подсыпка и пятна охры под грудью. Во всех погребениях в области рук были положены кости ног и таза барана. В погребении 7 кургана 1 группы КЛ-II и погребении 16 кургана 2 группы КЛ-IX в юго-восточном углу могильных ям стояли лощеные узкогорлые сосуды без орнамента (рис. 2, 2, 3; у первого под горлом шесть небольших сосцевидных налепов). В погребении 12 кургана 2 группы КЛ-VIII найдены остатки деревянной чаши с бронзовыми накладками. Из других находок отметим хорошо отшлифованный плоский каменный оселок с отверстием (погребение 12 кургана 2 группы КЛ-VIII; рис. 2, 1), небольшую (2×1 см) бронзовую бляшку под черепом в погребении кургана группы КЛ-II, бронзовый однолезвийный короткий нож с горбатой спинкой (погребение 16 кургана 2 группы КЛ-IX; рис. 2, 4), обломки бронзовой иглы и две бронзовые накладки без отверстий, свернутые вдвое (в том же погребении).

Погребальный обряд и весь набор инвентаря позволяют уверенно относить эти захоронения к кругу памятников, близких предскифским погребениям со скорченными костяками. Такие погребения с восточной ори-

ентировкой, датируемые VIII—VII вв. до н. э., продолжающие, видимо, традицию срубной культуры Поволжья и Причерноморья, полностью господствуют от левобережья Днепра до Волги. Характерны относительно слабо согнутые ноги, положение на левом боку, вытянутая одна и согнутая другая рука или (для междуречья Волги и Дона) вытянутые вперед перед корпусом обе руки⁵. Распространены в предскифских погребениях и такие элементы обряда, как меловая подсыпка. Известно около 15 случаев применения в виде подсыпки небольшого количества охры. Обычны в предскифских захоронениях со скорченными костяками части туши барана. В нескольких погребениях найдены деревянные сосуды с бронзовыми накладками, каменные, хорошо отполированные плоские оселки, бронзовые однолезвийные ножи, иглы⁶. Часты находки бронзовых однолезвийных ножей, причем в районах нижнего Дона, Волго-Донского междуречья и нижней Волги они встречаются чаще, чем в Причерноморье. Не характерные для предшествующей срубной культуры однолезвийные ножи всех типов, на наш взгляд, явно не местного происхождения, и их распространение в предскифской среде можно связать с влиянием Закавказья и Центральной Европы, а для ножей с кольцом на рукояти — Сибири.

Лощеные сосуды, найденные в двух погребениях Кривой Луки, не имеют видимой связи с посудой срубной культуры Поволжья. Появление таких сосудов в Волго-Донском междуречье и в небольшом количестве — в Заволжье К. Ф. Смирнов связывал с воздействием северокавказского, кобяковского и в меньшей степени причерноморского керамических центров⁷, что представляется вполне правомерным.

Среди безы Inventарных погребений в курганах Кривой Луки встречены такие, которые объединяются с рассмотренными полным единством обряда. Таковы погребение 3 кургана 1 в группе КЛ-I (рис. 1, 1)⁸, погребение 11 кургана 2 группы КЛ-IX⁹. Близки ориентировка, поза погребенных, положение рук, наличие остатков заупокойной пищи и их место в могиле, а во втором погребении — меловая подсыпка. Предскифское время подобных захоронений нельзя считать точно определенным, но вероятность этого весьма велика.

В период становления нового погребального обряда часты случаи отклонений от принятого положения (скорченного на боку, вытянутого на спине). Процент таких отклонений неизвестен (малочисленность погребений с бесспорно предскифским инвентарем, безы Inventарные погребения).

Выделение нескольких хронологических пластов позднего периода срубной культуры и раннего железного века в Нижнем Поволжье на основании формальных признаков положения погребенных (большая или меньшая степень скорченности, положение на боку с элементами скорченности или без них, вытянутое на спине и т. п.) было предпринято В. И. Мамонтовым¹⁰. К сожалению, избранный им подход к этой проблеме страдает серьезным изъяном: инвентарь погребений не играет существенной роли в его хронологических определениях. Сама выборка погребений производит впечатление случайной. Так, из 50 рассмотренных В. И. Мамонтовым погребений разных типов из районов Заволжья и Волго-Донского междуречья лишь 18 имеют вещевые комплексы, причем в большинстве невыразительные. Подобный подход может резко исказить картину развития погребального обряда. Следуя такому принципу, только в курганах Кривой Луки можно отнести к различным хронологическим пластам, выделенным В. И. Мамонтовым, гораздо более 50 погребений. Однако, например, погребения с костяками, лежавшими на боку, с элементами скорченности и без них, с инвентарем и безы Inventарные, с типичными для переходного периода погребальными сооружениями и без них известны вплоть до средневековья.

С определенной вероятностью к интересующему нас времени можно отнести погребения 5 и 6 кургана 1 в группе КЛ-II (рис. 1, 5, 6), расположенные на одной глубине недалеко друг от друга в том же кургане,

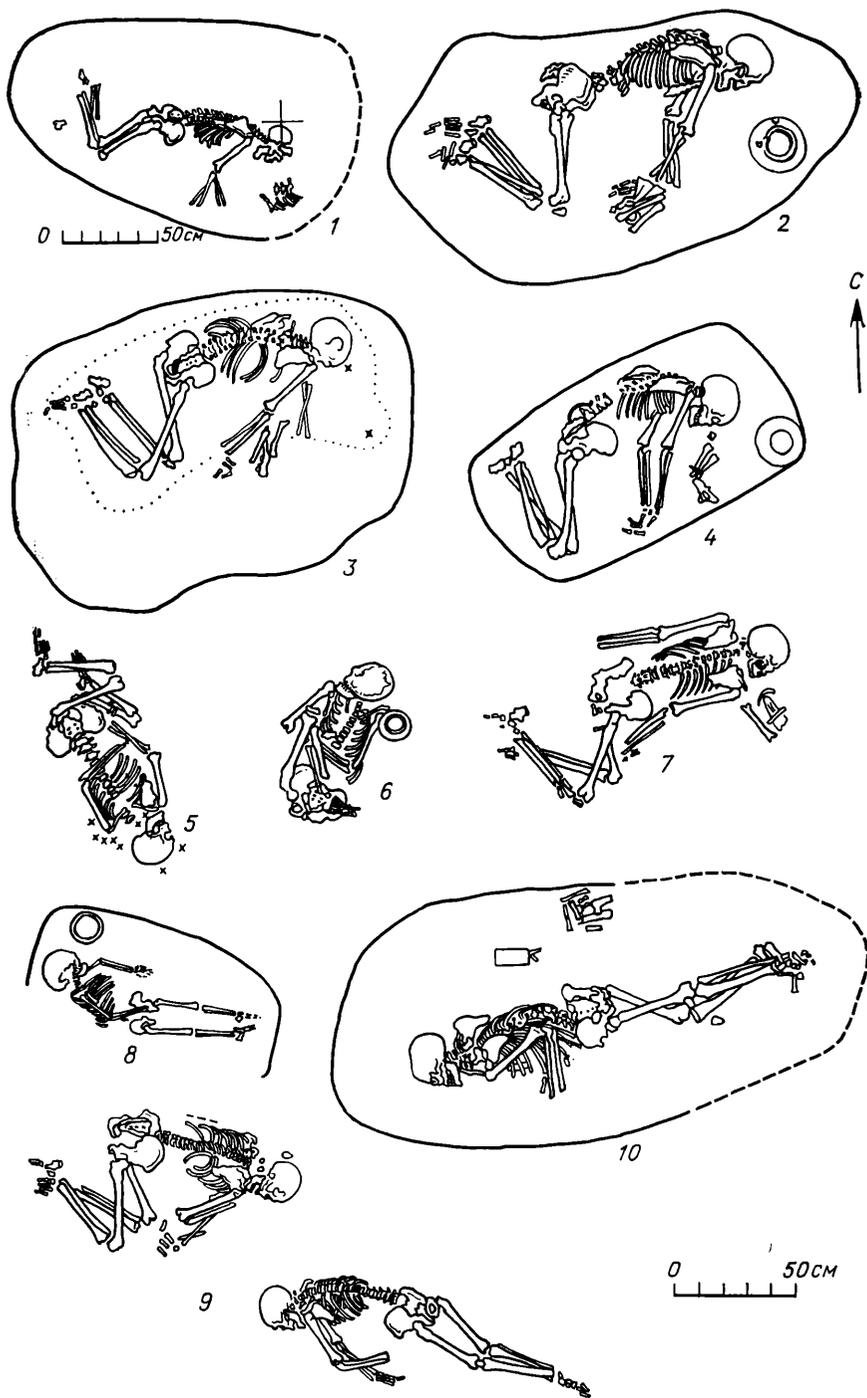

Рис. 1. Кривая Лука. Планы погребений в курганах

1 — погребение 3 кургана 1 группы I; 2 — погребение 7 кургана 1 группы II; 3 — погребение 12 кургана 2 группы VIII; 4 — погребение 16 кургана 2 группы IX; 5 — погребение 5 кургана 1 группы II; 6 — погребение 6 кургана 1 группы II; 7 — погребение 9 кургана 5 группы V; 8 — погребение 13 кургана 2 группы IX; 9 — погребения 3 и 4 кургана 2 группы II; 10 — погребение 22 кургана 1 группы XXVIII

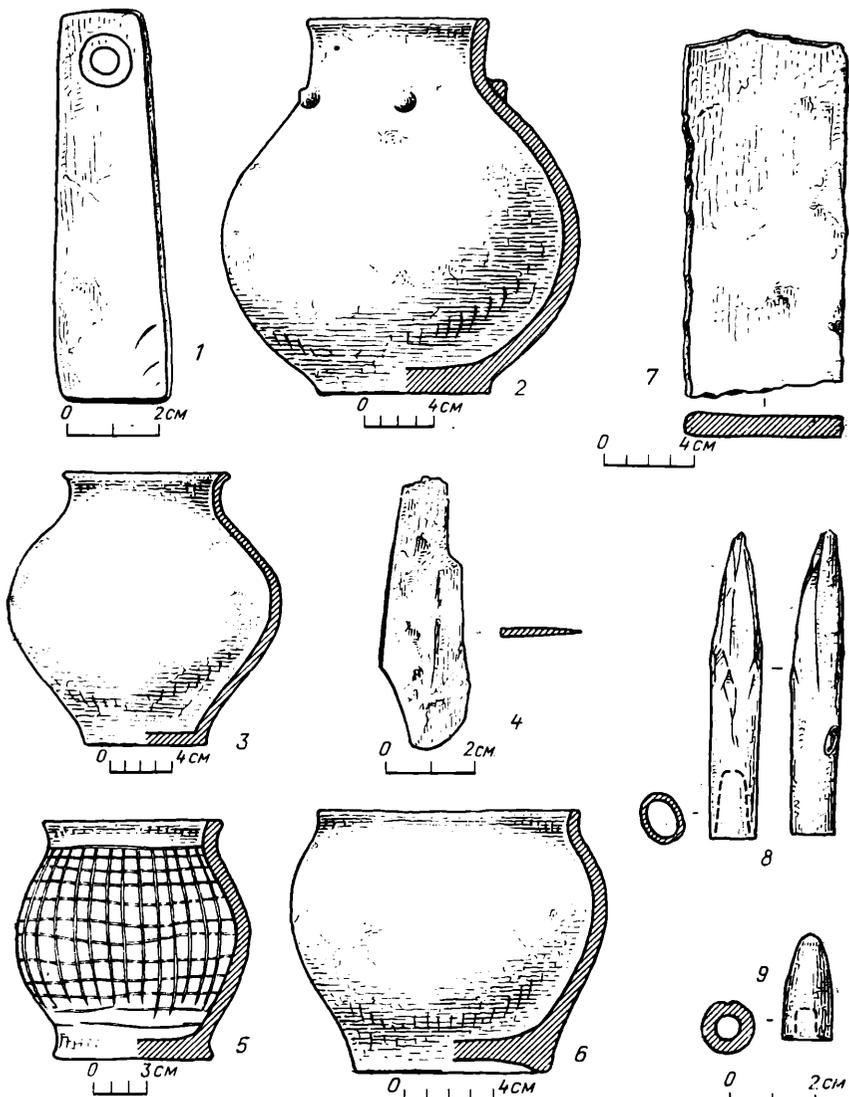

Рис. 2. Кривая Лука. Инвентарь предскифского времени из погребений

1 — оселок; 2, 3, 5, 6 — керамика; 4 — нож; 7 — абразивная плита; 8, 9 — костяные предметы; 1, 7 — камень; 4 — бронза

где находилось упоминавшееся выше погребение 7¹¹. Погребенные лежат на спине, одна рука у них согнута в локтевом суставе, другая вытянута, ноги были сильно согнуты и поставлены коленями вверх. Костяки ориентированы черепами на юго-восток и северо-восток. Положение костяков не характерно для срубных погребений. В погребении 6 найден округлобокий сосуд с выделенной шейкой и поддоном, орнаментированный резной сеткой¹², близкий сосудам переходного и раннесавроматского времени (рис. 2, 5). В погребении 5 обнаружены пастовые цилиндрические и шаровидные бусы. Предскифским можно считать и погребение 9 кургана 5 группы КЛ-V (рис. 1, 7). Костяк женщины здесь был ориентирован черепом на восток, лежал лицом, грудью и тазом вниз, ноги были слабо согнуты и повернуты влево, руки положены локтями вверх по сторонам туловища¹³. На черепе найдено плохо сохранившееся бронзовое проволочное височное кольцо, в районе шеи — остатки бронзовой цепочки, у правого плеча — кости барана. Помимо необычной для срубных погребений позы, о времени, близком к VIII—VII вв. до н. э.,

может говорить находка бронзовой цепочки, подобные которой часто встречаются в погребениях того же времени на Северном Кавказе.

Нет уверенности в датировке предскифским временем погребений 3 и 4 кургана 2 в группе КЛ-II (рис. 1, 9), которые В. И. Мамонтов уверенно отнес к VIII—VII вв. до н. э., как и близкие погребения 9 кургана 1 группы КЛ-II и 7 кургана 1 группы КЛ-III¹⁴. Вещевой материал (остатки бронзового проволочного браслета, подвеска в полтора оборота, пастовые и бронзовые бусы)¹⁵ не дает оснований для этого, хотя и не противоречит такой датировке. Для отнесения этих погребений к предскифскому времени, кроме позы костяков, нет достаточных оснований, в том числе и стратиграфических.

Из погребений Кривой Луки с костяками, вытянутыми на боку, с определенной вероятностью относим к предскифскому времени погребение 13 кургана 2 в группе КЛ-IX (рис. 1, 8)¹⁶, погребение 22 кургана 1 в группе КЛ-XXVIII (рис. 1, 10)¹⁷. В первом умерший был ориентирован головой на запад. Здесь найден небольшой сосуд с округлыми выпуклыми боками и коротким прямым венчиком (рис. 2, 6), который можно связать в генетическом плане со срубными сосудами баночной формы. Он наиболее близок посуде отдела III по классификации К. Ф. Смирнова, но архаичнее по форме. В погребении 22 найдены абразивная плитка прямоугольной формы, костяное втульчатое, небрежно сделанное острие (возможно, крупная стрела) и короткий костяной предмет с закрытой втулкой (рис. 2, 7—9). Аналогичная абразивная плитка вместе с бронзовым однолезвийным ножом встречена в одном из курганов предскифского времени, исследованных В. И. Мамонтовым¹⁸. Сочетание определенного обряда с вещами, не характерными ни для срубной, ни для савроматской культур, позволяет предполагать предскифское время этого захоронения.

Приведенные материалы показывают, что развитие культуры в Нижнем Поволжье в предскифское время шло в том же направлении, что и в Причерноморье. Обряд погребений в конце периода поздней бронзы претерпевает, видимо, изменения. К ним относится прежде всего меньшая скорченность погребенных в предскифское время. Как и в Северо-Восточном Причерноморье, продолжается традиция хоронить скорченных погребенных головой на восток, северо-восток, редко — на север. Руки погребенных часто вытянуты к коленям. Так же, как в Прикубанье и Причерноморье, покойника хоронят на спине коленями вверх или ничком с подогнутыми ногами. Новым, как и в Причерноморье, был обряд захоронения вытянутых на боку погребенных со слегка поджатыми или перекрещенными ногами, головой на запад. Пока что таких погребений с материалом, близким предскифскому, в Нижнем Поволжье немного, но они есть и отражают одинаковый путь развития погребального обряда в конце периода поздней бронзы и начале раннего железа на огромной территории степей Восточной Европы. Если в более раннее время поволжский ареал срубной культуры отличался от причерноморского отсутствием лощеной посуды, то не позднее VIII в. до н. э. такая посуда появляется, причем на ней наиболее ярко сказывается воздействие керамического производства северокавказских центров. Одинаковы с причерноморскими и северокавказскими появившиеся на Волге бронзовые однолезвийные ножи, плоские, хорошо отполированные оселки, деревянная посуда с бронзовыми накладками. Памятники нижней Волги в целом беднее инвентарем, чем, например, донские, но они практически неотличимы по обряду погребения и ведущим категориям вещей как от нижнедонских, так и от нижнеднепровских. Одновременны причерноморским и появившиеся на нижней Волге подбойные погребальные сооружения.

Относительное единство культуры предскифского времени в степях от Волги до Дуная объясняется, видимо, единой срубной подосновой и особой активностью населения, занимавшего территории Волго-Донского междуречья и степного Предкавказья. В предскифское время этот регион входил в обширный ареал одной из групп ранних кочевников, которые

служили передаточным звеном на пути распространения культурных достижений к Нижнему Прикамью, степному Северному Причерноморью, лесостепному Поднепровью, Северному Кавказу и Центральной Европе.

- ¹ *Мамонтов В. И.* Раскопки Ильевского могильника.— АО 1970 г. М., 1971, с. 158; *Он же.* О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье.— СА, 1980, № 1; *Игнатов В. Н., Колесников В. П., Мамонтов В. И.* Раскопки курганов в Волго-Донском междуречье.— АО 1978 г. М., 1979, с. 175.
- ² При обозначении курганных групп в урочище Кривая Лука приняты сокращения КЛ и римские цифры, указывающие номер группы.
- ³ *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г.— В кн.: Древности Астраханского края. М., 1977, с. 15, рис. 11.
- ⁴ *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 1-й очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы в 1974 г. Архив ИА, р-1, № 5315.
- ⁵ *Дворниченко В. В.* Некоторые вопросы развития культуры предскифского времени.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978, с. 96.
- ⁶ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, с. 146, 161—163.
- ⁷ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 110. Правда, в раннесрубное время в Среднем Поволжье встречается слабое лощение, но затем оно исчезает практически полностью. См.: *Ализова А. Е.* Памятники срубной культуры Самарской Луки.— МИА, 1960, 80, с. 106; *Качалова Н. К.* Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры.— АСТЭ, 1974, 16, с. 11—13. Об отсутствии близости форм говорить не приходится, оно очевидно.
- ⁸ *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г., с. 67, рис. 3.
- ⁹ *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Отчет...
- ¹⁰ *Мамонтов В. И.* О погребениях позднего этапа..., табл. на с. 188—192.
- ¹¹ *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г., с. 14, 15, рис. 9; 10.
- ¹² Там же, рис. 62, 1.
- ¹³ Там же, с. 54, рис. 37.
- ¹⁴ *Мамонтов В. И.* О погребениях позднего этапа..., с. 181.
- ¹⁵ *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г., с. 20, 21, рис. 15.
- ¹⁶ *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Отчет...
- ¹⁷ Раскопки Поволжской экспедиции 1979 г.
- ¹⁸ *Мамонтов В. И.* О погребениях позднего этапа..., рис. 5, 3.

В. А. КОРЕНЯКО

ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ВОСТОЧНОМ МАНЫЧЕ

Долина Восточного Маныча со второй половины 60-х годов стала районом оживленных раскопок. В 1965—1967 гг. здесь работала экспедиция Калмыцкого НИИЯЛИ и Саратовского университета, исследовавшая более 300 курганов в Ики-Бурульском р-не Калмыцкой АССР и Арзгирском р-не Ставропольского края¹. В 1976 г. сотрудники Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР исследовали два кургана в Туркменском р-не Ставропольского края². Большое количество курганов в зоне строительства Арзгирской оросительной системы было изучено Арзгирским отрядом Ставропольской экспедиции в 1977—1979 гг.³ Ниже публикуются материалы четырех погребений из раскопок Арзгирского отряда в 1978 г. Погребения датированы позднейшим предскифским временем. Памятники этой поры археологи обнаруживают редко, и они представляют значительный интерес для специалистов.

Курганные группы, изучавшиеся в 1978 г., располагались на севере Арзгирского р-на Ставропольского края, между речкой Чограй и южным берегом Чограйского водохранилища.

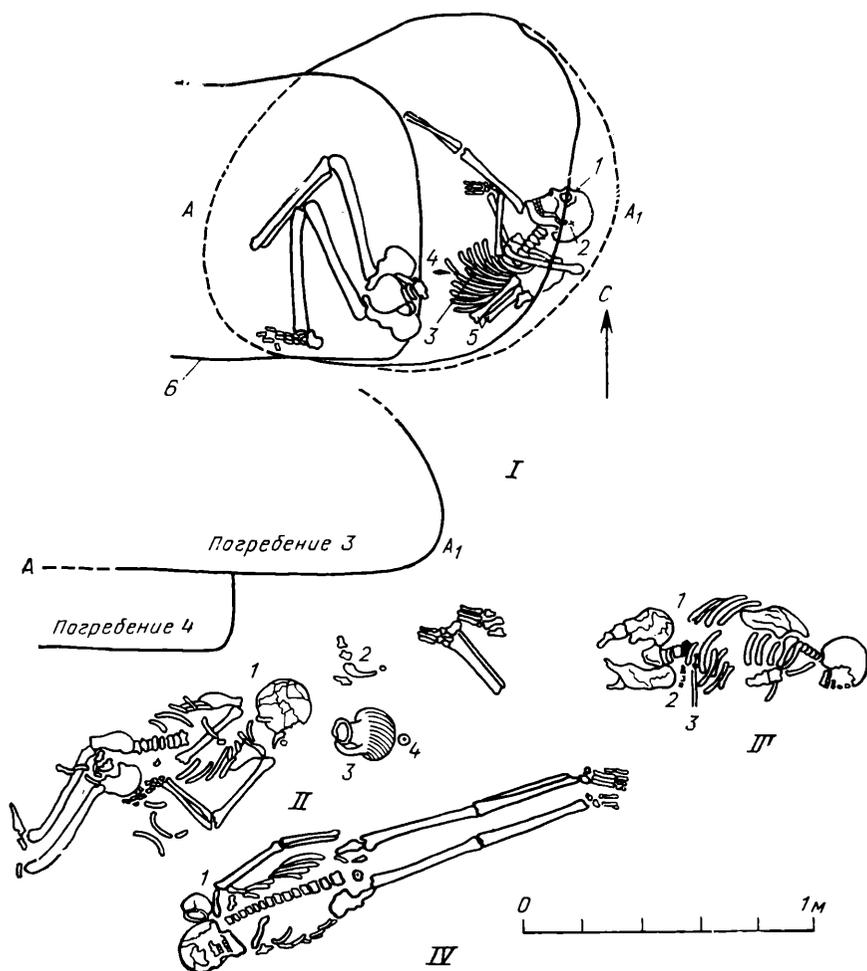

Рис. 1. Погребения предскифского времени из раскопок Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции

I — план и разрез погребения 3 кургана 8 группы Чограй III (1, 2 — украшения, 3 — кремь, 4 — нож, 5 — кости животного, 6 — границы ямы погребения 4); *II* — погребение 12 кургана 9 группы Чограй III (1 — уголь, 2 — кости животного, 3 — сосуд, 4 — пряслице); *III* — погребение 5 кургана 10 группы Чограй III (1 — кремь, 2 — нож, 3 — желтое вещество); *IV* — погребение 4 кургана 4 группы Чограй IV (1 — сосуд)

В кургане 8 (диаметр 30 м, высота 0,30 м) группы Чограй III, сооруженном в период ранней бронзы и содержавшем несколько захоронений, обнаружено погребение 3, впущенное в центральную часть кургана на глубину 1,25 м от его центра. Оно находилось над более древним погребением 4 (ранний бронзовый век) и имело, видимо, подбойно-катакомбную конструкцию (с колодцем северо-западнее камеры, который находился в насыпи и не был прослежен). Западная часть камеры была устроена в заполнении могилы 4 и не фиксировалась. Остатки могильной конструкции представляли собой восточную часть камеры с обрушившимся в древности и прослеженным поэтому лишь частично сводом. Камера имела в плане форму, близкую к эллипсу, и была ориентирована длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. Ширина камеры 1,16 м, длина сохранившейся части 1,30 м, длина вместе с условно реконструируемой частью составляла около 1,50 м. На дне камеры, в южной ее части, лежал скелет взрослого мужчины⁴. Погребенный был положен на правый бок в скорченной позе, головой на восток — северо-восток, лицом на север. Скорченность скелета значительна: в тазобедренных суставах 105° (правая нога) и 107° (левая нога), в коленях соответственно

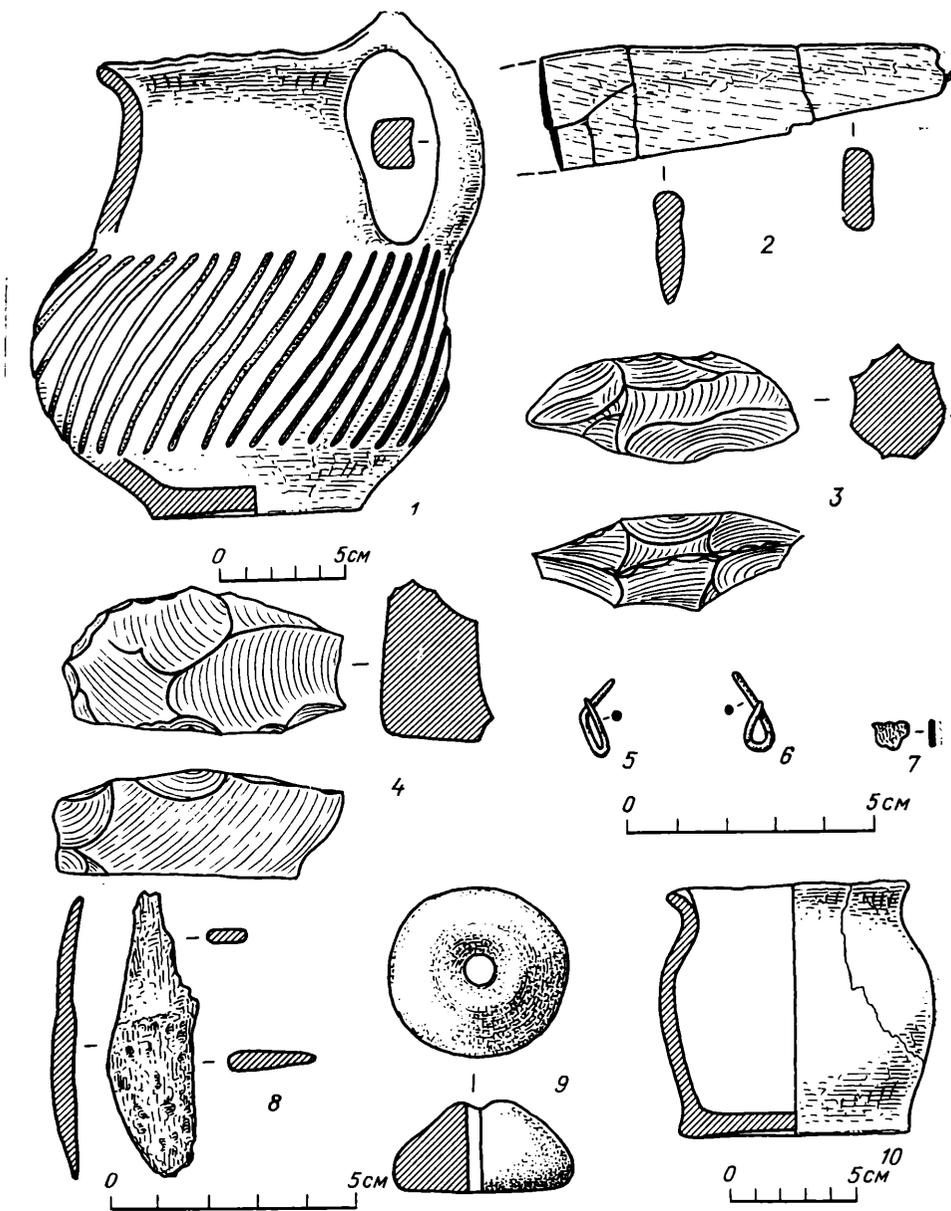

Рис. 2. Вещевой материал из погребений предскифского времени

1, 10 — сосуды; 2, 8 — бронзовые ножи; 3, 4 — кремни; 5—7 — бронзовые украшения; 9 — пряслице; 1, 9 — из погребения 12 кургана 9 группы Чограй III; 2, 4 — из погребения 5 кургана 10 группы Чограй III; 3, 5—8 — из погребения 3 кургана 8 группы Чограй III; 10 — из погребения 4 кургана 4 группы Чограй IV

57° и 29°. Правая рука вытянута перед туловищем, левая согнута в локте так, что кости левой кисти касались правой плечевой кости (рис. 1, I).

На лобной части черепа найдено бронзовое украшение из согнутой бронзовой проволоки (рис. 2, 5). Длина предмета 1,6 см, ширина — 0,4 см. Проволока в сечении круглая, диаметр сечения 0,1 см. Близкий бронзовый предмет обнаружен у левого виска (рис. 2, 6). Там же находился маленький обломок бронзовой пластинки (рис. 2, 7). У ребер слева лежал отщеп коричневатого-черного непрозрачного кремня плохого качества. Явных следов обработки на нем нет (рис. 2, 3). Между ребрами и пра-

вой подвздошной костью найден небольшой бронзовый однолезвийный нож, лежавший острием к ногам. Нож сильно корродирован. Лезвие прямое, спинка заметно выпуклая. Черенок отделен от клинка и согнут. Длина ножа 5,7 см, длина черенка 2,7 см, наибольшее сечение клинка $1,75 \times 0,35$ см, толщина черенка 0,2 см (рис. 2, 8). Рядом с ножом находился кусок твердого желто-серого вещества (возможно, серы или какой-либо минеральной краски), имевший неправильную округлую форму и размеры $9 \times 7 \times 6 \times$ см. За спиной скелета, вплотную к нему, обнаружены две кости ноги овцы или барана.

По обряду и набору инвентаря близко к описанному погребение 5 в кургане 10 группы Чограй III. Курган был насыпан в начале эпохи бронзы и имел диаметр 36 м при высоте 1,0 м. Погребение 5 было впущено в центральную часть кургана на глубину 1,10 м от вершины и находилось в слое предматерикового суглинка. Конструкцию могилы зафиксировать не удалось. Скелет пожилого мужчины сохранился плохо (рис. 1, III). Он лежал на левом боку в скорченной позе, черепом на восток. Череп был повернут лицевой частью к югу. Скорченность костяка значительна. Наиболее интересной находкой в этом погребении был обломок бронзового однолезвийного ножа. Черенок отделен от клинка уступом. Длина обломка 8,1 см, длина черенка 3,2 см, наибольшее поперечное сечение клинка $2,25 \times 0,5$ см, наибольшее поперечное сечение черенка $1,7 \times 0,5$ см (рис. 2, 2). Рядом с ножом найден крупный отщеп непрозрачного кремня низкого качества, пестрой окраски, без явных следов обработки (рис. 2, 4). Он лежал на куске желтого вещества, возможно серы. Отдельные частицы этого вещества встречены перед костями грудной клетки погребенного. У черепа прослеживались кусочки древесного тлена и тонкий слой серого вещества, похожего на органический тлен.

Погребения, близкие к описанным по обряду и сопровождающим вещам, хорошо известны в степях Северного Причерноморья, нижнего Дона и нижней Волги. Они относятся к так называемому камышевахско-черногородовскому типу погребений предскифского времени, для которых характерны значительная скорченность скелетов, нередко ориентированных черепом на восток, небольшие бронзовые однолезвийные ножи, а иногда и помещение в могилу кремневых отщепов или грубо обработанных орудий⁵. Бронзовые однолезвийные ножи до недавнего времени были известны только в Северном Причерноморье. Это давало основание локализовать могилы камышевахско-черногородовского типа исключительно в западной части причерноморских степей⁶. Раскопки последних лет открыли значительное количество таких комплексов на нижнем Дону и нижней Волге⁷. Могилы камерной конструкции в период перехода от бронзового века к железному были распространены в Северном Причерноморье, на нижней Волге и в низовьях Дона⁸.

По обряду от описанных выше отличается погребение 4 в кургане 4 группы Чограй IV. Курган высотой 1,04 м и диаметром 40 м был насыпан в период средней бронзы. Погребение 4 было впущено в центральную часть кургана на глубину 1,40 м от его вершины, находилось в верхнем слое материковой глины. Заполнение его не отличалось от окружающего грунта, поэтому конструкция могилы не была прослежена. Восточная часть погребения размещалась в заполнении входного колодца погребения 5 (основное, относится к предкавказской катакомбной культуре). Скелет взрослого мужчины сильно истлел. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад — юго-запад, лицом на юг. Руки были вытянуты вдоль тела, правая плотно прижата к туловищу (кости ее находились под ребрами), а левая — свободнее, кисть ее, видимо, заходила на левую сторону таза (рис. 1, IV). Севернее черепа, устьем вплотную к нему лежал небольшой глиняный лепной неорнаментированный сосуд (рис. 2, 10). Сосуд имел слегка вогнутое дно, слабопрофилированное тулово и расширяющееся кверху невысокое широкое горло со сливом. Внешняя поверхность серовато-желтая с темно-серыми пятнами, заглаженная; внутренняя — темно-серая, местами черная, с на-

гаром желтого цвета и следами красной краски. Пятно красной краски было в одном месте и на внешней поверхности сосуда. Тесто в изломе черное, слоющееся.

Сосуды сходных форм встречались в памятниках конца эпохи бронзы — начала железного века степной полосы. Среди керамики начала железного века в Поволжье упомянутому сосуду аналогичны горшки отделов I и III по классификации К. Ф. Смирнова. Он считал их характерными главным образом для переходного периода⁹. Похожие сосуды найдены и в погребениях переходного времени, исследованных в низовьях Дона¹⁰. Сосуды этого круга не столь выразительны, как, например, формы лощеной керамики. Вероятно, дата их несколько выходит за рамки переходного периода. В связи с этим погребение 4 в кургане 4 можно датировать периодом перехода от бронзового века к железному лишь условно. Однако такая датировка представляется мне наиболее обоснованной.

По возможной культурной атрибуции особняком стоит захоронение 12 кургана 9 группы Чограй III (рис. 1, II). Курганная насыпь была сооружена в начале эпохи бронзы. Наибольший диаметр ее 46 м, высота — 1,94 м. Погребение 12 впущено в центральную часть насыпи на глубину 0,83 м от вершины. Конструкцию могилы в насыпи проследить не удалось. В могиле похоронен взрослый человек. Кости ног сильно разрушены. Погребенный лежал на левом боку (с наклоном на живот) в скорченной позе, головой на северо-восток. Первоначально тело умершего, по-видимому, было положено на левый бок, но затем переместилось в положение «на животе», в котором зафиксированы кости таза, грудной клетки, позвоночника. Обе руки согнуты в локтях примерно под прямым углом. Положение левой руки, видимо, соответствовало первоначальному. Кисть ее помещалась перед грудью. Первоначальное положение правой руки, вероятно, было таким же, но при смещении туловища правая рука вывернулась так, что кисть оказалась перед животом у таза. Правая нога была согнута в тазобедренном суставе под углом 140°, левая — под углом 138°. Под скелетом и вокруг него фиксировались пятна черного тлена, сочетавшиеся под черепом с пятнами рыжего цвета. У затылочной части черепа был найден кусочек черного смолистого вещества, а в заполнении могилы над западной частью костяка собрано несколько мелких невыразительных обломков керамики. У черепа обнаружено несколько костей ног овцы или барана.

В погребении найден лепной орнаментированный сосуд с петлевидной ручкой (рис. 2, I). Дно его плоское, слегка вогнутое, тулово шаровидное, горло высокое, суживающееся кверху, венчик отогнут наружу. Ручка массивная, в поперечном сечении квадратная. Верхний конец ручки выступает над устьем сосуда. Венчик местами оббит. Внешняя поверхность серая лощеная. Качество лощения не очень хорошее — на поверхности заметны неровности, поры от примесей. Внутренняя поверхность желтовато-серая, заглаженная, с обильно выступающей примесью (крупный песок). Тесто в изломе темно-серое. Тулово, кроме придонной части, открыто узкими (3 мм) и неглубокими каннелюрами, направленными наискось справа налево. Рядом с сосудом лежало керамическое пряслице неправильной полусферической формы с серой заглаженной поверхностью (рис. 2, 9).

Сосуд представляет значительный интерес. Форма его, характер обработки поверхности и орнаментация не типичны для степных памятников конца эпохи бронзы — начала железного века. Самые близкие территориально аналогии имеются в керамике кобанской культуры. Сходные керамические формы в значительном количестве обнаружены при раскопках Змейского поселения, где они выделены в тип III. Змейское поселение датируется X—VIII вв. до н. э.¹¹ Аналогичные сосуды из более поздних памятников неизвестны, что позволяет датировать погребение 12 позднейшим предскифским временем. Точную дату погребения определить трудно. Сопоставление датировки кобанских памятников типа Змейского поселения и степных киммерийских комплексов позволяет оп-

ределить время захоронения как самый конец эпохи бронзы или начало переходного периода¹².

Среди погребений, раскопанных И. В. Синицыным и У. Э. Эрдниевым, также были такие, которые можно более или менее уверенно датировать временем перехода от бронзового века к железному. По опубликованным материалам выделяется четыре таких погребения. К ним относятся погребение 1 в кургане 34 группы I из раскопок 1965 г. (скорченный и ориентированный на восток скелет в насыпи, при нем сосуд баночной формы со сливом; погребение отнесено к катакомбной культуре)¹³; погребение 1 в кургане 56 группы I из раскопок 1965 г. (слабоскорченный костяк, ориентированный на восток, при нем — глиняный сосуд; погребение датировано савроматским временем)¹⁴; погребение 1 кургана 14 группы III на правом берегу Восточного Маныча (скелет вытянут на спину, черепом на запад, при скелете — сосуд, кусок мела и рог барана; погребение отнесено к савроматскому времени)¹⁵; подбойно-катакомбное погребение 1 кургана 23 группы I из раскопок 1966 г. (скорченный и ориентированный черепом на юг скелет с сосудом; погребение названо типичным для катакомбной культуры)¹⁶.

Сосуды из указанных погребений относятся к весьма архаичным формам савроматской керамики, которые датируются преимущественно самым началом железного века (или периодом перехода от бронзового века к железному). Особенности обряда (скорченность скелетов, катакомбная конструкция могилы), сближающие погребения с могилами предкавказской катакомбной культуры, характерны для переходного времени, когда элементы похоронной обрядности были разнообразны и сосуществовали различные типы захоронений¹⁷.

¹ Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маныча. Саратов, 1978, ч. I; II Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча. — В кн.: Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979, с. 25—54.

² Коренько В. А. Раскопки курганов на Восточном Маныче. — АО 1976 г. М., 1977.

³ См. отчеты В. А. Коренько о раскопках 1977—1978 гг. и М. В. Андреевой о раскопках 1979 г. в Архиве ИА.

⁴ Определения пола и возраста погребенных сделаны в поле автором.

⁵ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 93—95.

⁶ Там же, с. 23, 161, 162; Лесков А. М. Предскифский период на юге Украины. Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 37 сл.

⁷ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 68, 161, 162; Коренько В. А. Степное население юго-востока Европы в эпоху перехода от бронзы к железу (по обрядам погребений). Автореф. канд. дис. М., 1979, с. 16, 23; Мамонтов В. И. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье. — СА, 1980, № 1, с. 177—180, 184, 187—192.

⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 27; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 93; Коренько В. А., Максименко В. Е. Погребения раннего железного века в бассейне нижнего Дона. — СА, 1978, № 3, с. 169, 172, 179, 180; Сини-

цын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). — МИА, 1959, 60, с. 55, 62, 64—66, рис. 9, 4; 13, 1; Мамонтов В. И. Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского областного отделения ВООПИК и археологического отряда Волгоградского пед. ин-та в 1978 г. Архив ИА, р-1, № 7014, с. 10—12, рис. 15, 26, 28, 29.

⁹ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 112, 353, 354, рис. 61; 62. В качестве прототипа, относящегося к периоду поздней бронзы, К. Ф. Смирнов называет сосуд из погребения 5 кургана 19 группы Аккермень I. Однако скелет в этом погребении был вытянут на спине, поэтому датировка погребения периодом поздней бронзы маловероятна. См. также: Вяльмигина М. I., Ілліньська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкин О. I., Ковпаненко Г. Т. Курганы біля с. Новоопилипівка і радгоспу «Аккермень». — АП, 1960, VIII, с. 126, рис. 81, I.

¹⁰ О нижнедонских находках таких сосудов см.: Шарафутдинова Э. С. Отчет о работе 2-го Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 г. Архив ИА, р-1, № 4879, с. 55, табл. 36; Казакова Л. М. Отчет об исследованиях разрушаемых археологических памятников в зонах строительства рисовых совхозов Большевицкий и Дубенцовский (Цимлянский р-н Ростовской обл.) в 1972 г. Архив ИА, р-1, № 4980, с. 92, рис. 73; 74.

- ¹¹ *Деолик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры.— В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 20, 23, 24, рис. 6; 7; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 226—228, рис. 32, табл. XVIII; XXIV; XLIII. Отдельные признаки сосуда имеют соответствия в керамике предскифского времени Северо-Западного Причерноморья, испытавшей влияние культуры фракийского гальштата. См.: *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979, с. 50, 51, 57—59, 64—66; *Лапушнян В. Л.* Ранние фракци X — начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979, с. 64, 70—73, 82—85. Однако эти соответствия единичны и западные аналогии гораздо менее убедительны, чем аналогии в керамике кобанской культуры, хотя и среди последних не имеется тождественных экземпляров. Благодарю любезно проконсультировавших меня А. И. Мелюкову, В. И. Козенкову и В. Л. Лапушняна.
- ¹² Орнамента сосудов из поселения у ст. Змейская исследовалась статистически, но результаты анализа не дают оснований для датировки подобных сосудов более узким периодом, чем X—VIII вв. до н. э.
- ¹³ *Синицын И. В.* Древние памятники..., ч. I, с. 40, 41; ч. II, с. 46, 48, табл. 39, I; 41, 8.
- ¹⁴ Там же, ч. I, с. 58, 59; ч. II, с. 111, 112, табл. 104, 3; 105, 4.
- ¹⁵ Там же, ч. I, с. 114, 116; ч. II, с. 112, табл. 105, 10.
- ¹⁶ *Синицын И. В., Эрдниева У. Э.* Древности Восточного Маныча, с. 52, 53, рис. 9, I, 2.
- ¹⁷ *Коренько В. А.* Степное население...

В. Г. ПЕТРЕНКО

КОМПЛЕКС VIII—VII ВВ. ДО Н. Э. ИЗ СТАВРОПОЛЬЯ

В 1971 г. в Ставропольский краевой музей поступили вещи, найденные на дороге между Плодосовхозом и с. Дубовая Роща Александровского р-на Ставропольского края. В 200—250 м от места находки на поле имеется курган. В промоине, пересекающей дорогу, житель с. Александровское В. А. Паховский нашел биметаллический кинжал, оселок, бронзовые удила и бронзовый псалий. По словам находчика, тут же было несколько отдельных человеческих костей, среди них — челюсть взрослого человека с полным набором целых зубов. Никаких следов могилы он не заметил. Условия находки и ее состав позволяют предполагать здесь разрушенный погребальный комплекс. Как было совершено погребение — в грунтовом мегильнике или под курганом, в настоящее время установить невозможно. Захоронение, очевидно труположение, принадлежало, по видимому, взрослому, не очень старому мужчине.

Обратимся к детальной характеристике найденных вещей. Биметаллический кинжал (рис., 4) состоит из железного клинка и бронзовой рукояти. Овальный в сечении клинок длиной 16,5 см, шириной 3,1 см имеет параллельные лезвия, плавно суживающиеся к острию в последней трети своей длины. Клинок сильно корродирован, железо во многих частях расслаивается, на обеих сторонах клинка имеются приставшие тонкие слои дерева, вероятно от ножен. Рукоять кинжала бронзовая, круглая в сечении, суживающаяся книзу, общая длина ее 10,7 см. Навершие имеет форму шляпки гриба и надето на рукоять так, что между рукоятью и навершием образуется зазор в 2—2,5 мм, и только в одном месте имеется припай шириной 0,5 и толщиной 0,4 см. Основная же слайка осуществлялась, вероятно, в месте соединения навершия с концом рукояти. Перекрестье отлито вместе с рукоятью и имеет вид прямоугольной пластины размерами 4×2,6—2,7 см с дугообразным вырезом внизу, который образует лопасти, охватывающие клинок. Рукоять как бы проходит через перекрестье до вершины дуги. В верхнем углу перекрестья имеется круглое отверстие диаметром 0,4 см.

Бронзовые удила (рис., 1) состоят из двух подвижно соединенных звеньев длиной 10,5 см с двукольчатыми окончаниями стержней.

Сечение стержней прямоугольное, на одной из узких сторон — литые насечки в виде двух рядов квадратиков. В большие наружные кольца удила пропущены дополнительные звенья для повода в виде овального в сечении стержня, оканчивающегося с одной стороны круглой петлей, подвижно соединенной с удилами, а с другой — круглой, слабовыпуклой шляпкой, завершающей загнутый под прямым углом конец стержня. Общая длина звена 7,5 см, диаметр шляпки 2,7 см.

Псалий имел вид сильно изогнутого по дуге стержня овального сечения, оканчивающегося с обеих сторон грибовидными расширениями (рис., 2). В стержне сделаны три отверстия: два — непосредственно под «шляпками» и одно — в центре. В местах расположения отверстий стержень утолщен. Отверстия несколько отличаются друг от друга формой и размерами: верхнее имеет овальную форму и размеры 1,1×0,8 см снаружи и 1×0,8 см внутри; среднее — снаружи овальное размерами 1,2×0,9 см, а внутри — круглое диаметром 0,9 см; нижнее — овальное, снаружи имеет размеры 1×0,8 см, внутри — 1,1×0,8 см.

Оселок (рис., 3) сделан из мягкого светло-коричневого песчаника, верхний конец его закруглен, в нем просверлено коническое отверстие диаметром с одной стороны 1,3 см, с другой — 0,6 см. Нижний конец оселка широкий, но утоньшен и углы его скруглены. Длина оселка 15,3 см, ширина верхней части 2 см, нижней — 2,3 см, сечение прямоугольное со сторонами 3×2 см, на широких плоскостях — следы заточки.

Предметы, составляющие описанный комплекс, находят ближайšie аналогии в материалах VIII—VII вв. до н. э., главным образом — среди инвентарей воинских погребений в могильниках кобанской культуры Предкавказья.

Прежде всего следует обратить внимание на биметаллический кинжал. Все известные находки кинжалов этого типа сосредоточены на территории Кабарды и Пятигорья. Александровская находка — самая северная, она удалена примерно на 100—150 км от основной области их распространения. Принадлежность кинжала к кобанской культуре пока не может быть окончательно доказана. Впервые кинжалы, характеризующиеся «сочетанием бронзовых рукоятей и железных клинков», близкие к рассматриваемому, были выделены Е. И. Крупновым. Он назвал их кабардино-пятигорскими и отнес время появления на Северном Кавказе к предскифскому периоду¹. Разработка типологии мечей и кинжалов кабардино-пятигорского (по Е. И. Крупнову, или северокавказского, по Н. В. Анфимову²) типа была предпринята также А. И. Тереножкиным³. Кинжалы, подобные Александровскому, относятся по его классификации к четвертому, наиболее типичному для Центрального Предкавказья, варианту киммерийских мечей и кинжалов с крестовидной рукоятью. В пред-

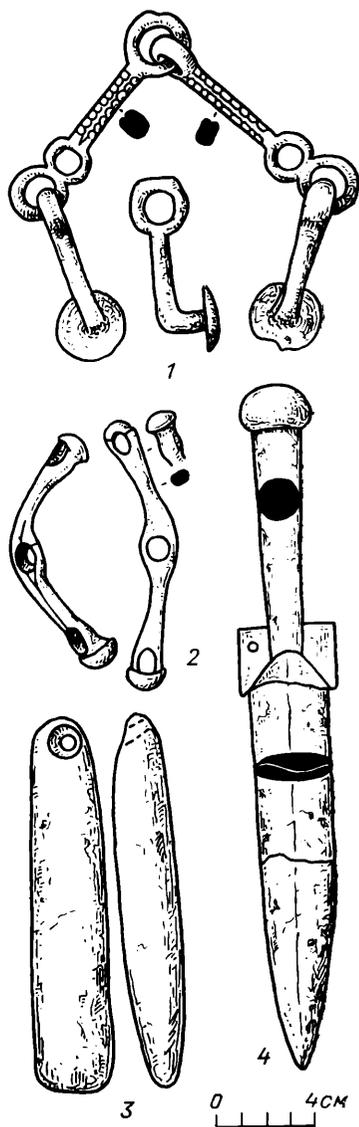

Рис. Вещи из разрушенного погребения вблизи с. Александровское
1 — бронзовые удила; 2 — бронзовый псалий; 3 — оселок; 4 — железный кинжал с бронзовой рукоятью

ложенной им схеме эволюции мечей и кинжалов этого типа четвертый вариант связан с третьей фазой, соответствующей позднечерногоровской поро и началу новочеркасской ступени. В абсолютных датах время перехода от черногоровской к новочеркасской ступени по А. И. Тереножкину — это середина VIII в. до н. э. В. И. Козенкова датирует большинство кинжалов кабардино-пятигорского типа VIII—VII вв. до н. э.⁴, выделяя, однако, отдельные наиболее ранние формы. Более узкой даты придерживается Н. Л. Членова: она считает такие кинжалы типологическим прототипом позднейших киммерийских мечей VII в. до н. э. и датирует рубезом VIII—VII или VII в. до н. э.⁵

Наиболее близки к александровскому кинжалы, происходящие из случайных находок или из комплексов, лишенных датированных вещей (Каменноостокское, погребение 1914 г. и случайная находка 1928 г.; Хабаз; Баксан; Кескем, могила 5)⁶. Среди комплексных находок наиболее близкий кинжал происходит из погребения 14 могильника у мебельной фабрики в Кисловодске⁷. Вместе с ним были найдены два длинновтульчатых наконечника стрел с овальной и ромбической головками, круглая бляха от узды с петлей на обороте и солярным знаком на наружной поверхности, оселок и бронзовый топорик-скипетр, оканчивающийся головкой животного. Основой для датировки этого погребения служат прежде всего наконечники стрел, обычные для погребений типа Новочеркасского клада. К этому же варианту А. И. Тереножкин отнес еще четыре кинжала: из погребения 4 Эчкивашского могильника; из погребения 1 Султангорского могильника; из погребения, исследованного в 1946 г. в Березовском могильнике, а также случайно найденный на территории мебельной фабрики в Кисловодске. Два последних кинжала отличаются прорезью в уплощенной рукоятке, куда входит черенок клинка. У первого же рукоять имеет рифление, имитирующее витой стержень, и шаровидное навершие. Кинжал из Султангорского могильника имел только бронзовое навершие и перекрестье, а рукоять — железную с выпуклым ребром посредине⁸. В состав инвентаря султангорского погребения входили аналогичные александровским бронзовые двукольчатые удила с дополнительными звеньями для крепления повода, но с трехпетельчатыми псалями, и два бронзовых двулопастных наконечника стрел с овальным пером, что также позволяет соотносить его с памятниками типа Новочеркасского клада. Погребение Березовского могильника Е. И. Крупнов и А. А. Иссен датировали VII в. до н. э.⁹ Несколькими более ранним временем датируют погребение 4 Эчкивашского могильника. При этом опираются главным образом на сочетание однокольчатого и стремечковидного звена удила в одном наборе¹⁰. Представляется, что это недостаточное основание для датировки, так как именно в VII в. до н. э. должны были применяться удила всех трех типов: однокольчатые, двукольчатые и стремечковидные. Действительно, на памятниках конца VII и начала VI в. до н. э. мы встречаем удила всех этих типов, выполненные из железа. Следовательно, в предшествующее время должны были бытовать их бронзовые прототипы. Кроме того, отдельные вещи из этого комплекса находят ближайšie аналогии среди вещей из погребений, которые относят к VII в. до н. э.¹¹

Дробное хронологическое членение комплексов VIII—VII вв. до н. э. пока еще весьма ненадежно, так как основывается в большинстве случаев на взаимовстречаемости в погребениях вещей, период бытования которых, как правило, не определен. Прежде всего это касается уздечного набора.

В рассматриваемом комплексе двукольчатые удила сочетаются с псалями, относящимися, по А. И. Тереножкину, к черногоровскому варианту типа стержневидных с тремя отверстиями в середине и по концам. По мнению А. И. Тереножкина, они встречаются при удилах со стремечковидными петлями в захоронениях черногоровской группы и предшествуют появлению узды, состоящей из двукольчатых удила и трехпетельчатых псалий¹².

Устойчивое сочетание удил с двуколычатыми окончаниями стержней с трехпетельчатыми бронзовыми псалями, петли которых располагаются на наружной стороне стержня, оканчивающегося шляпкой на одном конце и лопастью или заострением — на другом, было выявлено впервые А. А. Иессеном. Стержневидные псалии во всех трех вариантах сочетались с бронзовыми удилами, имеющими стремечковидное окончание стержней¹³. Единственным исключением была находка одного звена двуколычатых удил, полностью аналогичных александровским, вместе со стержневидным изогнутым псалием с тремя трубчатыми отверстиями на круглом стержне с уплощенным и раздвоенным нижним концом, завершающимся слабовыраженными шляпками, в каменном ящике 2 Каменно-могильного могильника¹⁴.

Таким образом, теперь нам известно уже два случая сочетания двуколычатых удил со стержневидными псалями цимбальского и черного-ровского вариантов (по А. И. Тереножкину). Следует отметить, что в настоящее время на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа известно всего восемь комплексов, содержащих стремечковидные удила и стержневидные псалии с тремя отверстиями. Поэтому мы вправе предположить или длительность бытования стержневидных псалий, или существование двуколычатых и стремечковидных удил¹⁵. Во всяком случае александровская находка еще раз напоминает о сложности дробной датировки памятников VIII—VII вв. до н. э.

¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 201—203.

² Анфимов Н. В. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 196 сл.

³ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1976, с. 13; *Он же*. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 110 сл.

⁴ Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа с карпато-дунайским миром. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1976, с. 67.

⁵ Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху. — *Studia Thracica*, 1975, I, с. 76.

⁶ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 112, 113, рис. 69.

⁷ Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские

связи. — В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 185, сл., рис. 2.

⁸ Там же, с. 191 сл., рис. 5.

⁹ Крупнов Е. И. Древняя история..., с. 209; Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. — *МИА*, 1951, 23, с. 107.

¹⁰ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 154; Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи, с. 198.

¹¹ Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи, с. 198.

¹² Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 150.

¹³ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. — *СА*, 1951, XVIII.

¹⁴ Там же, с. 60, рис. 5.

¹⁵ Лесков А. М. Предскифский период на юге Украины. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 41.

М. К. ХАБДУЛИНА, Т. С. МАЛЮТИНА

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС V—IV ВВ. ДО Н. Э. ИЗ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В июле 1979 г. в археологическую лабораторию Челябинского государственного университета поступило сообщение о грабительских раскопках кургана у г. Южно-Уральск Челябинской обл. Памятник располагался в степи, в 6 км к югу от с. Березовка, на правом берегу р. Увелька, притока р. Уй. Первоначальная высота насыпи была более 2 м, диаметр 22—23 м. По словам местных жителей, курган имел округлую насыпь без каких-либо западин.

Сотрудники археологической лаборатории застали курган рассеченным бульдозером на три траншеи. Две из них прошли через центр насыпи по

линии север — северо-восток — юг — юго-запад, срезав грунт до материка. Третья траншея начиналась у западной подошвы кургана и выходила к центру насыпи. Ширина траншей от 4 до 6,5 м (рис. 1, 1). В средней части насыпи имелась вырытая вручную яма. К моменту приезда археологического отряда местными жителями были извлечены из погребальной камеры скелет человека, десятки наконечников стрел, меч, кинжал, какая-то плоская круглая поделка из бронзы, возможно зеркало, и ряд других предметов. Благодаря разъяснительной работе большинство находок было передано археологам. Не удалось найти только кинжал и бронзовую круглую поделку.

Археологические работы на разрушенном кургане были начаты с замеров сохранившихся участков насыпи, с нивелировки и зачистки грабительских траншей. Затем бульдозером была удалена восточная и западная части насыпи (траншеи АВ, СD, MN; рис. 1, 1): западная — до появления деревянных конструкций, восточная — до уровня древней поверхности. Изучение сохранившейся части насыпи позволило выявить довольно сложную структуру. Под дерном мощностью до 0,15 м шел темный, равномерно окрашенный слой гумусированной супеси. В центре насыпи его толщина составляла 0,4—0,6 м. К периферии мощность слоя возрастала, причем он состоял полностью из темного гумуса. Под гумусом залегал неравномерно окрашенный светлый гумусированный суглинок с вкраплениями глины. В средней части насыпи вкрапления образовывали четыре-пять четко выраженных прослоек толщиной от 5 до 20 см. Подкурганная площадка была покрыта тонким слоем глины, благодаря которому хорошо выделялся уровень древней поверхности и погребенная почва мощностью 20—25 см (рис. 1, 3).

Несмотря на грабительские раскопы, удалось зафиксировать, что в центральной части древний гумус был полностью снят до уровня материковой глины. Именно здесь и находился пол погребальной камеры. Стенки ее были сложены из дерева, ориентированы по сторонам света. Размеры по контурам пола 5,5×5 м. Основу деревянного сооружения составляли крупные березовые бревна и горбыли длиной до 7 м, уложенные на глиняную подсыпку. У западных углов насчитывалось до восьми бревен, связанных с конструкцией стенок. В центральной части камеры сохранился участок, который дает представление о мощном перекрытии из бревен, уложенных в три-четыре слоя. Нижние бревна ориентированы по линии север — юг, верхние — по линии запад — восток. Длина сохранившихся бревен от 1 до 2,2 м. Восточная стенка полностью уничтожена грабительской траншеей. Здесь удалось обнаружить только следы пяти столбов диаметром 20 см и глубиной 30—60 см от уровня материка. Вероятно, столбы связаны со входом в погребальную камеру. Если, действительно, линия столбов отмечает восточную стенку, то первоначальная бревенчатая конструкция, сооруженная над глиняным полом, имела размеры 6,5×7 м (рис. 1, 2).

У юго-восточного угла камеры, частично входя в ее пределы, фиксировались очертания двух соединенных друг с другом овальных ям, углубленных в материк на 0,3—0,5 м (рис. 1, 2). В их перемешанном заполнении обнаружено несколько трубчатых костей животных и череп человека. Возможно, эти ямы — следы ограбления, предпринятого еще в древности и очистившего восточную половину камеры. Первоначальное количество погребенных установить теперь нельзя. Несомненно, однако, что захоронение, уцелевшее до наших дней, было в кургане не единственным. Это подтверждается пышностью вещевого комплекса и сгруппированностью его в разных частях ямы. В полах кургана в юго-восточном секторе на уровне древней поверхности обнаружено два скопления костей животных и расчищена яма неправильной округлой формы размерами 2,05×1,75×0,2 м (рис. 1, 1). Вещевых находок яма не содержала.

Положение сохранившегося погребенного восстановлено по словам местных жителей и остаткам черепа, находившегося *in situ*. Умерший лежал в северо-западной части камеры на спине, головой на север. Справа у

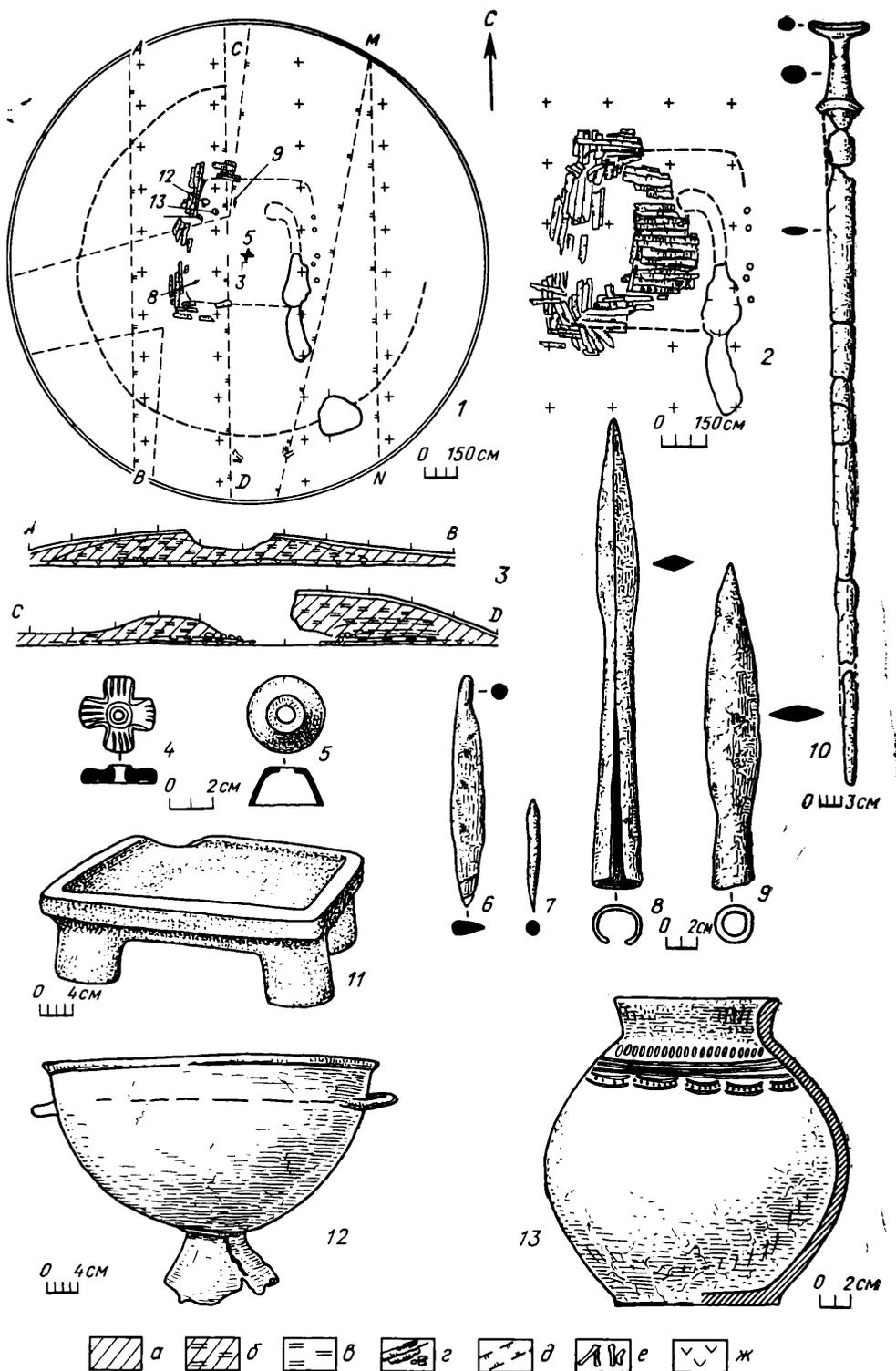

Рис. 1. Курган у г. Южно-Уральск

1 — общий план; 2 — план деревянных конструкций погребальной камеры; 3 — разрезы кургана; 4 — бляшка; 5 — ворворка; 6 — нож; 7 — шило; 8, 9 — наконечники копий; 10 — меч; 11 — каменный жертвенник; 12 — котел; 13 — сосуд; 4, 12 — бронза; 5 — серебро; 6—10 — железо; 13 — глина; а — гумусированный суглинок; б — светлый суглинок; в — глина; г — остатки дерева; д — очертания траншей; е — скопление костей животных; ж — погребенная почва

изголовья погребенного найден бронзовый котел, вокруг котла и в его поддоне находилась зола (рис. 1, 12). Рядом располагался глиняный сосуд, разбитый грабителями (рис. 1, 13). Южнее котла обнаружены однолезвийный железный нож, шило и бронзовый наконечник стрелы (рис. 1, 6, 7). Северо-восточнее их найден железный наконечник копья, лежавший острием на север (рис. 1, 9). При расчистке юго-западного угла погребального сооружения зафиксированы еще одно копьё, направленное острием на северо-восток (рис. 1, 8), и железная ворворка. В средней части погребальной камеры под рухнувшим перекрытием найдены кости ног крупного животного, бронзовый наконечник стрелы и серебряная ворворка (рис. 1, 5). Эти вещи сохранили свое первоначальное место в могиле. В перекопанном грунте были обнаружены 15 наконечников стрел и бронзовая ворворка. Остальные предметы — железный меч, 80 наконечников стрел, каменный жертвенник — возвращены местными жителями.

Структура насыпи и сохранившиеся части деревянной постройки дают возможность восстановить детали погребального обряда и способ сооружения надмогильной конструкции. Квадратная в плане могильная яма была выкопана в погребенной почве до уровня материка. Площадка древней дневной поверхности вокруг нее диаметром около 16 м была покрыта слоем ярко-желтой глины толщиной до 0,2 м. Над ямой возвели постройку в виде сруба из четырех-пяти березовых бревен диаметром 20—30 см. Нижний венец ее был уложен на древнюю поверхность, покрытую глиной. Сверху сруб имел мощный накат. Не удалось установить принцип связки углов. Столбы вдоль восточной стороны постройки могли быть связаны с конструкцией входа в погребальную камеру. Восточная стенка, ослабленная вырубкой входа при односторонней вязке углов, была очень ненадежной и не могла удерживать мощное перекрытие. Столбы были опорными, на них лежало бревно, несущее всю нагрузку восточной части наката. Форма перекрытия скорее всего приближалась к пирамидальной (двускатной). Учитывая толщину погребенного слоя и глиняной подсыпки, количество и диаметр бревен, определяем, что первоначальная высота такого сооружения была не менее 1,4 м.

Таким образом, под насыпью кургана находилась надмогильная конструкция в виде квадратного сруба со входом в восточной стенке. Яркий погребальный инвентарь уточняет время сооружения памятника.

Железный меч длиной 103 см, происходящий из кургана, имеет немного изогнутое брусковидное навершие и дуговидное перекрестье, не превышающее ширины клинка (рис. 1, 10). Мечи с перекрестьем подобной формы рассматриваются как переходные от савроматских к прохоровским¹. По мнению М. Г. Мошковой, период распространения таких мечей был кратковременным², охватывая, вероятно, самое начало IV в. до н. э. Наиболее близкие аналогии мечу происходят не с савроматской территории, а из районов лесостепного Зауралья (Усть-Караболка, Борисовский)³.

Наконечники стрел (97 экз.) представлены бронзовыми втульчатыми трехлопастными. У 23 из них — выступающая втулка, сводчатая форма пера. Они принадлежат к типу, широко распространенному у савроматов в VI—IV вв. до н. э. (тип VI по классификации К. Ф. Смирнова)⁴. Наконечники довольно крупные (длина 3—3,7 см), стройных пропорций, лопасти четко отделены от втулки, заострены в шипы (рис. 2, 1—8). Наконечники со скрытой втулкой состоят из трехлопастных (тип XII по К. Ф. Смирнову) и трехгранных со сводчатой головкой и опущенными ниже втулки шипами (тип XVIII)⁵. Длина их 2,7—3,3 см. Грани 38 наконечников украшены рельефным узором в виде горизонтальной «елочки», косых крестов (рис. 2, 9—39). Это типы, обычно сопутствующие друг другу у кочевников восточных областей Евразии в V—IV вв. до н. э. Дальнейшая эволюция наконечников выразилась в уменьшении размеров, приобретении треугольной формы головок, небрежности в отливке. В целом комплекс наконечников стрел по таким признакам, как сводчатость форм головок, соотношение размеров втулки и пера, длина и ширина

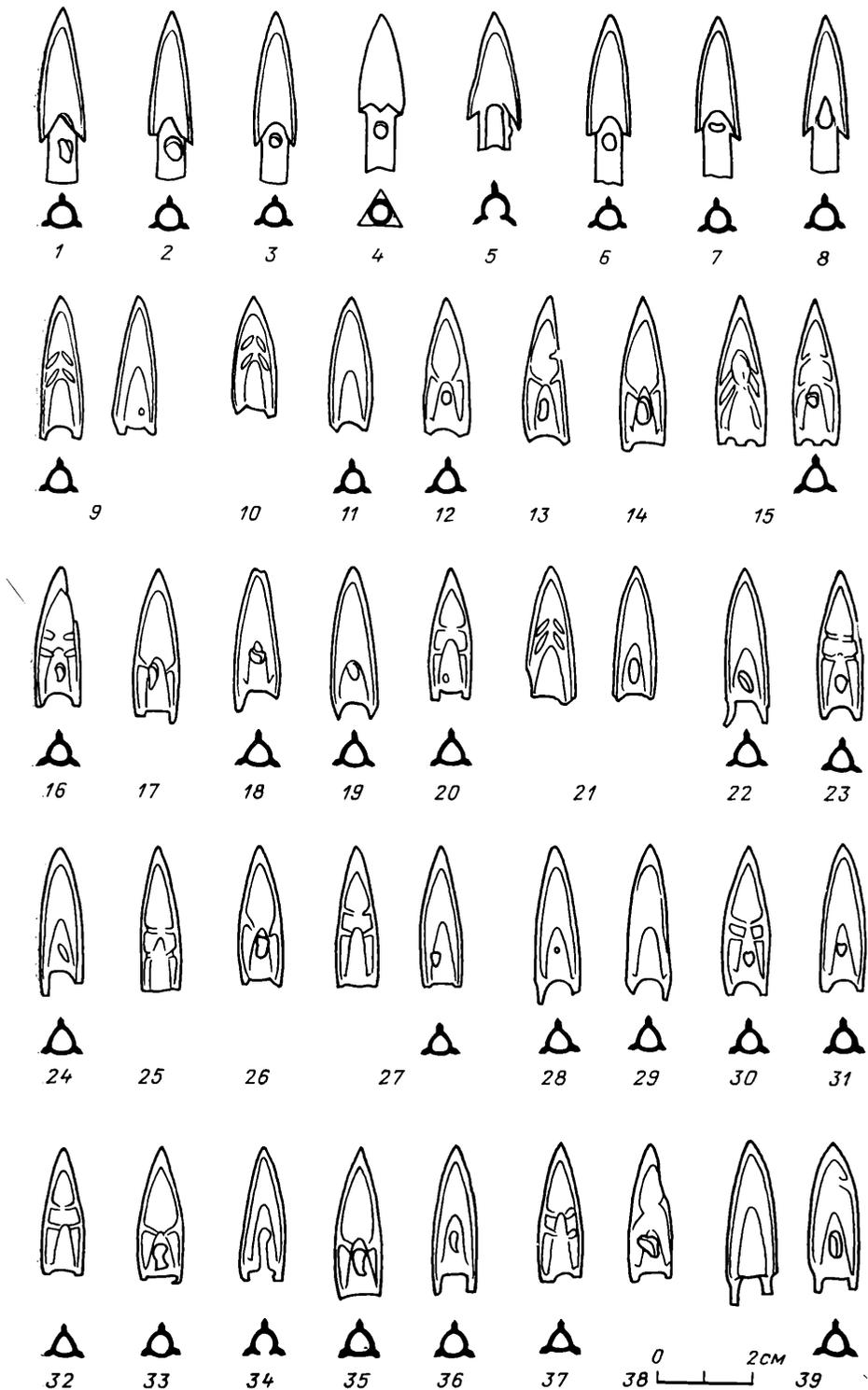

Рис. 2. Курган у г. Южно-Уральск. Бронзовые наконечники стрел (1—39)

стрелок, дает основание определить его хронологические рамки концом V — началом IV в. до н. э.

Железные наконечники копий отличаются хорошей сохранностью и значительными размерами. Один из них (длиной 32 см) имел узкую листовидной формы головку с ромбическим сечением пера длиной 12 см (рис. 1, 8). Головка плавно переходит в длинную втулку с продольной щелью, диаметр втулки 3,2 см. Другой наконечник длиной 22 см относится к типу наконечников с массивным листовидным пером и короткой втулкой. Головка в сечении овально-ромбическая (рис. 1, 9).

Копье — редкий для савромато-сарматов вид оружия, находки их в погребениях малочисленны. С территории Поволжья и Приуралья происходит 41 наконечник⁶. Из них 17 относятся к савроматскому времени, 10 — к прохоровскому, остальные датируются временем около рубежа нашей эры, когда копье становится постоянным оружием сарматских катафрактариев. Малочисленность, фрагментарность и случайность находок затрудняют разработку типологии и определение эволюции этого вида оружия. Установлена их несомненная близость северокавказским и отличия от скифских и ананьинских копий, заключающиеся в большей массивности.

Ворворки и крестообразная бляшка принадлежат скорее всего к деталям, украшавшим портупейные ремни колчана и меча. Все три ворворки конические, сделаны из бронзы, железа и серебра (рис. 1, 5). Четырехлепестковая бляшка с плоским основанием и чуть выпуклым верхом орнаментирована резными линиями (рис. 1, 4). Подобного типа украшения не встречены в сарматских древностях, однако такая форма и орнаментация известны в андроновского времени.

Железный нож длиной 16 см с выделенной круглой в сечении рукоятью, горбатой спинкой и скошенным к острию лезвием относится к короткочеренковым ножам, употреблявшимся в течение всей сарматской эпохи (рис. 1, 6)⁷. Нож был положен в изголовье погребенного, рядом с ним найдено железное шило, представляющее собой круглый в сечении стержень с четырехгранным заостренным рабочим концом. По данным савроматских курганов шило в основном являлось принадлежностью женских могил⁸.

Обнаруженный в кургане сосуд — плоскодонный, с шаровидным туловом, воронкообразной горловиной. Диаметры дна и шейки равны, высота 26 см (рис. 1, 13). Поверхность сосуда темная, залощенная. В тесте в качестве примесей использованы шамот, песок и слюда. Орнамент, украшающий плечики, состоит из ряда прямоугольных вдавлений, трех резных линий и гирлянды, заполненной ямочными наколами. По форме и орнаментации сосуд принадлежит к типу III прохоровской керамики, появляющейся в IV в. до н. э.⁹ Ближайшей аналогией ему служит сосуд из кургана на 14 км железной дороги Орск — Ново-Аккермановка¹⁰.

Значительный интерес представляет бронзовый котел — очень редкая находка в погребальных комплексах савромато-сарматского времени. Он характеризуется чашеобразным туловом, открытым устьем, отогнутым венчиком, образующим валик, имеет горизонтальные ручки и низкий конический поддон (рис. 1, 12). Высота котла 40 см, высота поддона 10 см, диаметр устья 54 см. Верхняя часть тулова повреждена. Вся поверхность покрыта толстым слоем сажи. Ручки отлиты вместе с туловом, поддон приварен позднее. На внешней стороне дна в месте крепления остались наплывы металла. В верхней части тулова на уровне ручек видны следы шва в виде нечеткого валика. По форме котел относится к типу III литых котлов «скифской» группы¹¹, отличаясь от них только расположением ручек. Вообще горизонтальные ручки не характерны для металлической посуды Сибири и европейских степей¹². Исключение составляют семиреченские котлы, у которых на тулове — две пары ручек, и горизонтальные, и вертикальные. Чашеобразная форма котла более всего сближает его со скифскими образцами. Для савроматских котлов характерны бокалообразные вытянутые пропорции, металлическая посуда сарматов имеет обычно тулово яйцевидной формы¹³.

В составе инвентаря рассматриваемого погребения есть и каменный жертвенник. Местоположение его в погребальном сооружении осталось неизвестным. Он почти квадратной формы (26×25,5 см), с прямыми бортиками, на четырех круглых в сечении ножках, общая высота 11 см (рис. 1, 11). Подобные переносные алтари типичны для савроматских погребений VI—V вв. до н. э.¹⁴, однако не исключено, что они использовались и в более позднее время. По набору предметов вооружения в рассматриваемом комплексе он скорее может быть отнесен к концу V — началу IV в. до н. э. Аналогичный жертвенник найден на р. Исеть в кургане 3 у г. Катайск, в комплексе с бронзовым зеркалом сложившейся прохоровской формы¹⁵.

Курган у г. Южно-Уральск, расположенный на окраине сарматского мира, на границе с оседлым населением лесостепи, ярко демонстрирует в погребальном ритуале особенности, выделяющие челябинскую группу памятников. К таким особенностям относятся погребения на материке и горизонте, северная ориентировка умерших. Основная часть курганов с этими признаками датируется IV в. до н. э.¹⁶ Традиция возведения сложных намогильных конструкций в виде сруба или шатра ведет начало от савроматов и продолжает существовать в начале прохоровского времени¹⁷. Деревянные перекрытия и проявления культа огня присущи не только челябинской группе курганов, но вообще памятникам восточных областей Приуралья. В данном случае устройство значительной по площади и объему погребальной постройки, пышность инвентаря, каменный жертвенник, шило и, возможно, зеркало наводят на мысль, что курган возведен в савроматскую эпоху и, вероятно, содержал захоронение савроматской жрицы.

Сопутствующий инвентарь определяет время сооружения памятника рубежом V—IV вв. до н. э. Именно о начале IV в. до н. э. свидетельствуют предметы вооружения (прежде всего меч) и керамика. Нижняя граница уточняется находкой типично савроматского каменного жертвенника. Исследование этого кургана с савромато-сарматским набором вещей, погребальным обрядом, характерным для зоны контактов разных хозяйственно-культурных типов (кочевого или полукочевого савроматского и оседлого населения Зауралья), подтверждает намеченную восточную границу сарматского мира. Работами последних лет открыты восточные форпосты савромато-сарматской территории, которые проходят по линии Актюбинск — Орск — Троицк — Челябинск¹⁸. Бассейн р. Уй — пока самый северо-восточный из достоверных пунктов кочевания савромато-сарматов.

¹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, 1961, 101, с. 24; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 33, табл. 18, 7, 8.

² Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 24.

³ Там же, с. 23, рис. 5, 7, 11.

⁴ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 46, табл. II.

⁵ Там же, с. 50, 58, табл. III; V.

⁶ Там же, с. 71—74, рис. 41; Мошкова М. Г. Происхождение..., с. 26.

⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 105.

⁸ Там же, с. 107.

⁹ Мошкова М. Г. Памятники..., с. 26, табл. 5, 13—22.

¹⁰ Сальников К. В. Сарматские курганы близ г. Орска.— МИА, 1940, 1, с. 131, табл. III, 5; Мошкова М. Г. Памятники..., табл. 5, 15.

¹¹ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 132.

¹² Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П. Кол-

лекция бронзовых котлов Иркутского музея.— СА, 1959, № 1, с. 254.

¹³ Максимова Е. К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление.— СА, 1966, № 1, с. 58.

¹⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 162.

¹⁵ Мошкова М. Г. Происхождение..., с. 27, рис. 7.

¹⁶ Мошкова М. Г. Погребения VI—IV вв. до н. э. в челябинской группе курганов.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 142.

¹⁷ Мошкова М. Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 30.

¹⁸ Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 137—156; Они же. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской обл.— КСИА, 1978, 154, с. 65—70;

Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников.— В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977, с. 3—54; Кипарисова Т. Н., Сальников К. В. Савроматское погре-

бение близ г. Троицка.— СА, 1958, № 2, с. 246—254; Стоколос В. С. Археологические исследования Челябинского областного музея.— ВАУ, 1961, 2, с. 21—26.

М. Г. МОШКОВА

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЛЕБЕДЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

Прикаспийский степной коридор, соединяющий Европу с Азией, давно привлекает к себе внимание исследователей. Однако его восточные районы, особенно междуречье Урала и его притоков Илека и Утвы, до последнего времени оставались очень слабо изученными. Лишь с конца 1960-х годов Уральский педагогический институт (в отдельные годы — совместно с Институтом археологии АН СССР) развернул здесь систематические разведки и раскопки, которые дали интереснейшие результаты.

В 1977—1979 гг. основные работы Западно-Казахстанской экспедиции Уральского педагогического института и Института археологии АН СССР были сосредоточены в Каротобинском р-не, где находится один из крупнейших в Западном Казахстане Лебедевский могильник¹. Он располагается между степными речками Калдыгайты и Утва, на водораздельном сырте, часть которого протянулась между селами Лебедевка и Егиндыколь. Сырт в этом месте представляет собой довольно ровное плато, постепенно понижающееся в сторону с. Егиндыколь. На плато разбросано более 300 курганов, образующих восемь компактных групп (Лебедевка I—VIII). За три полевых сезона исследовано 88 курганов и три культовых сооружения в группах IV—VIII. В раскопанных курганах представлены погребения широкого хронологического диапазона — от эпохи бронзы до периода поздних кочевников. Преобладают погребения ранних кочевников V в. до н. э.— IV в. н. э. (101 могила). В настоящей статье речь пойдет лишь о захоронениях позднесарматского времени (II—IV вв. н. э.), которые составляют около половины погребений ранних кочевников. Лебедевский могильник — первый и пока единственный погребальный памятник рассматриваемой территории со столь компактной и большой (сейчас — 50 могил) группой позднесарматских погребений. Обычно могильники содержат два-три, максимум — пять — семь захоронений. Столь же необычен и инвентарь лебедевских погребений, отличающийся особым составом, разнообразием и богатством, которые совершенно не свойственны позднесарматским захоронениям Южного Приуралья. В какой-то степени с лебедевскими сопоставимы лишь отдельные погребения из некоторых могильных групп с территории восточной Башкирии.

Погребальный обряд в позднесарматских могилах Лебедевского могильника достаточно стандартен и не выделяется на фоне всей позднесарматской культуры, особенно ее южноуральского региона. В основной массе захоронения (23, или 52%)² совершены в узких подбойных могилах. В 17 курганах (39%) обнаружены узкие удлиненные грунтовые ямы и лишь в четырех (9%) — сравнительно широкие (длина 2,1—3,0 м, ширина 1,1—2,0 м). Во всех случаях, где фиксировался обряд погребения, костяки были ориентированы на север, иногда с отклонениями, обычно к западу. Погребенные лежали в вытянутой позе на спине, руки — вдоль тела, изредка одна из кистей — на тазовых костях. В двух подбойных могилах мужчины и женщины были похоронены в скорченной позе на левом боку. В 20 случаях (45%) черепа погребенных имели следы искус-

ственной деформации, причем в удлиненных могилах погребенные с деформированными черепами составляют 35%, в подбойных могилах — 56,5%, и лишь однажды деформация черепа наблюдалась у погребенного в широкой могиле.

В курганах с удлиненными могилами угли и кострища зафиксированы чаще (47% могил), чем в курганах с подбоями (17%), а мел в кусках и посыпка дна мелом распределены более равномерно (соответственно 23% и 26%). Интересно, что в Лебедевском могильнике в позднесарматских погребениях этот признак вообще встречается чаще (25%), чем в целом на всей остальной территории и Приуралья, и Поволжья (около 20%). Такие черты обряда, как помещение в могилу погребальной пищи (кости животных), органические подстилки под погребенным (камыш, кошма), наконец, деревянные конструкции в могилах (перекрытие над могилой, над погребенным и т. д.), тоже представлены в удлиненных и подбойных могилах неравномерно: соответственно кости животных — 29% и 8% могил; деревянные конструкции, подстилки — 82% и 13% могил. Одинаково редко встречаются в этих группах могил гробы или колоды (14%, или шесть случаев).

В указанных соотношениях обращает на себя внимание определенная зависимость. Новые признаки, характерные именно для позднесарматской культуры, в частности обычай деформации черепов, обнаруживают большую сопряженность с погребениями в подбойных могилах. В то же время проявление культа огня, положение в могилу частей туши животных, деревянные конструкции, т. е. древние савромато-сарматские традиции, сопутствуют главным образом погребениям в удлиненных ямах. Даже в таком характерном для савромато-сарматской культуры во все периоды ее истории признаке, как наличие в могиле мела, проявляется определенная тенденция. В подбойных могилах обычно (четыре могилы из шести) куски мела положены около покойников; в удлиненных могилах (четыре из пяти) мелом было посыпано дно ямы или мелкие кусочки его встречены в засыпи. Вообще же в позднесарматских погребениях как Приуралья, так и Поволжья посыпка дна мелом сравнительно редка.

Хочется обратить внимание еще на одну деталь. Хотя подбойная конструкция могилы с IV в. до н. э. и особенно в III—II вв. до н. э. на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья распространяется довольно широко, раннесарматские и позднесарматские подбойные могилы не идентичны. Раннесарматские подбой имели широкие входные ямы (1 м и шире) и такие же широкие большие камеры; позднесарматские, напротив, сделаны чрезвычайно экономно: как правило, очень узкая (от 0,45—0,50 до 1—1,10 м) входная яма ведет в столь же узкую (от 0,45—0,55 м до 1—1,20 м) камеру, вырытую почти всегда под западной стенкой. Иногда камеры столь малы и невысоки, что погребенных буквально втискивали в них (например, в кургане 26 группы Лебедевка V ширина подбоя составляла 0,4 м, высота у входа 0,3 м). Приведенные данные говорят, на наш взгляд, о том, что позднесарматские подбойные погребения не являются простым продолжением давно известной формы — перед нами определенная модификация старой конструкции. Следует также учесть, что в среднесарматский период число подбойных могил в Южном Приуралье резко падает по сравнению с раннесарматским временем (так, на 113 среднесарматских погребений подбойных могил всего пять). Примерно та же картина наблюдается в Нижнем Поволжье (например, в Калиновском могильнике среди 60 погребений I в. до н. э. — I в. н. э. всего шесть подбойных могил). В позднесарматское время количество подбойных могил снова резко возрастает, они превращаются в доминирующую форму могильной конструкции. Невольно напрашивается вывод о возможности каких-то внешних импульсов в период формирования позднесарматской культуры. Но при этом местный, более древний субстрат сохраняется в качестве основного компонента. Отсутствие дробной хронологической шкалы материалов I—III вв. н. э. как из сарматских памятников Ниж-

него Поволжья и Южного Приуралья, так и с окружающих территорий (Западная Сибирь, Казахстан, Средняя Азия) не позволяет провести детальное временное сопоставление комплексов. Поэтому пока обоснованно выделить территорию, откуда могли исходить эти импульсы, нельзя. Лишь в самой предположительной форме можно говорить о юго-восточном (по отношению к Приуралью) регионе, включающем юго-западный Казахстан и бассейны Таласса, Сырдарьи, Зеравшана, а может быть, и о более южных районах.

Инвентарь позднесарматских погребений Лебедевского могильника разнообразен и многочислен. Они содержали лепную и гончарную керамику, оружие (мечи и кинжалы), серебряные уздечные наборы и нагайки, бронзовые фибулы и пряжки, золотые штампованные бляшки, разнообразные бусы, бронзовые зеркала, ножи, точильные камни, стеклянные сосуды и другие вещи.

В группе Лебедевка V выделяется размерами (высота 1,43 м, диаметр 30 м) и богатством инвентаря курган 23. Он содержал два погребения: разграбленное основное (2) в широкой могиле, где был похоронен мужчина, и впускное, в подбойной могиле, также мужское. Оба погребенных лежали в гробах. Инвентарь основного погребения оказался особенно обилен. Здесь найдены бронзовое ханьское зеркало с петлей и обычным восьмиарочным орнаментом (рис. 1, 4), бронзовая фибула с подвижным приемником и фигурной обмоткой (рис. 1, 1), золотые нашивные штампованные бляшки, гончарный чернолощенный кувшин (рис. 1, 7), лепные кувшин и миска. Под правое колено погребенного была положена вверх дном бронзовая пatera на невысоком кольцевом поддоне. Ручка ее отломана, и на стенке сохранились лишь остатки атташа (рис. 2). Южнее патеры лежал железный черпак с длинной плоской ручкой (рис. 1, 5).

Не менее интересным оказалось и впускное погребение, где найдены длинный железный меч с халцедоновым навершием, кинжал, точильный камень необычной длины (68 см), бронзовая фибула с подвижным приемником (рис. 1, 2), небольшая круглая бронзовая портупейная пряжка с подвижным язычком и золотые нашивные бляшки. Редкая вещь обнаружена в головах погребенного. На гроб здесь был поставлен, а затем свалился вниз стеклянный расписной бокал, немногочисленные аналогии которому известны преимущественно с территории восточноримских провинций. Весь инвентарь кургана 23, как и остальных погребений группы Лебедевка V, позволяет датировать памятник II — первой половиной III в. н. э.

В группе Лебедевка VI, продолжающей к западу группу V, обращают на себя внимание погребения воинов с длинными мечами, уздечными наборами, деревянными сосудами с серебряными обкладками, фибулами и другим инвентарем. Таких погребений восемь. Особенно любопытным по конструкции оказался курган 1. Здесь было сооружение, ориентированное с запада на восток и состоявшее из двух насыпей диаметром 14 и 16 м и высотой соответственно 0,5 и 0,9 м, соединенных валом длиной 34 м, шириной с запада на восток 10—14 м и высотой 0,3—0,5 м. Захоронение в довольно узкой подбойной могиле находилось лишь под восточной (большей) насыпью. При погребенном лежали длинный (105 см) меч без металлического перекрестья и навершия, железные удила с бронзовыми зажимами на кольцах, кожаная уздечка с серебряными пряжками и бляхами, деревянная нагайка со свинцовой обоймой, обломки стеклянного кувшинчика, бронзовая фибула с подвижным приемником (полная аналогия в Темясовском могильнике в Башкирии)³, золотые сферические бляшки с маленькими петельками для нашивания, железный нож и остатки кожаных сапог.

Найденный в одном из соседних курганов длинный меч имел халцедоновое навершие. Шляпка его штыря была украшена золотой штампованной бляхой-накладкой⁴. На бляхе оказалось варваризованное изображение головы то ли Силена, то ли получеловека-полульва, подобное тем, которые известны в виде рельефновыпуклого орнамента на фрагмен-

Рис. 1. Лебедевский могильник (группа V). Инвентарь погребений
 1, 2 — бронзовые фибулы; 3, 4 — бронзовые зеркала; 5 — железный ковш; 6, 7 — красногли-
 нный и чернолощенный кувшины; 1, 4, 5, 7 — погребение 2 кургана 23; 2 — погребение 1 кур-
 гана 23; 3 — курган 19; 6 — курган 11

тах астоданов первых веков нашей эры из Афрасиаба⁵. По краю бляхи шел ряд круглых стеклянных вставок, находившихся в ячейках, украшенных снаружи зернью. Такие же вставки украшали лоб и щеки изображения. Ближних аналогий этой находке пока обнаружить не удалось. Инвентарь кургана 1 группы Лебедевка VI, особенно стеклянный кувшинчик боспорской работы⁶ и фибула, дает возможность датировать его II — первой половиной III в. н. э. В эти же хронологические рамки укладываются и вещи из остальных позднесарматских погребений могильника.

Даже краткая характеристика Лебедевского могильника свидетельствует о неординарности памятника, особенно его поздних погребений, которые отличаются от позднесарматских комплексов всего южноуральского региона разнообразием и многочисленностью инвентаря. Отдельные могилы, исследованные, в частности, Г. И. Багриковым и Т. Н. Сениговой⁷, являются наиболее богатыми позднесарматскими захоронениями в восточных областях распространения этой культуры. В некоторое сравнение с лебедевскими комплексами могут идти лишь позднесарматские погребения, известные на территории Башкирии (Темясов), также датирующиеся II—III вв. н. э. Удивителен и необычен для Южного Приуралья и сам набор инвентаря Лебедевских курганов, особенно его импортных изделий.

Как известно, позднесарматские погребения Южного Приуралья отличаются от нижневолжских и донских почти полным отсутствием предметов западного, северопричерноморского и римского импорта и наличием незначительного количества импортных изделий, поступающих с территории Средней Азии, а возможно, и из более отдаленных восточных областей. Так, в Южном Приуралье по существу не встречается (известен лишь один кувшин из курганов Башкирии)⁸ серо- и чернолощенная керамика нижнего Дона и Прикубанья. В Лебедевке же представлены не только великолепные ее образцы — кувшины (рис. 1, 7) и двуручная корчага⁹, но и лепные сосуды местного производства, подражающие северопричерноморским формам. Единственная во всем Южном Приуралье светлоглиняная танаисская амфора найдена также в Лебедевском могильнике¹⁰. В соседних могилах были обнаружены и красноглиняные гончарные кувшины среднеазиатского производства (9 экз.; рис. 1, 6).

Пока только в Лебедевке найдены бронзовые зеркальца-подвески (2 экз.; рис. 1, 3), столь характерные для позднесарматских погребений Нижнего Поволжья, Дона, Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья и до сих пор ни разу не встреченные в Южном Приуралье (не считая самых западных его районов — Куйбышевской обл.)¹¹. Зеркальцам-подвескам в Лебедевском могильнике сопутствуют ханьские зеркала с восьмиарочным орнаментом и типа TLV (рис. 2, 3; группа VI, курган 39, погребение 2)¹². Такие же экземпляры с восьмиарочным орнаментом известны на территории Башкирии (Темясов)¹³.

До сих пор были известны лишь три находки лучковых фибул с подвижным приемником в Приуралье. В Лебедевском же могильнике найдено уже восемь классических фибул этого типа и одна сильно профилированная фибула с плоской овальной спинкой. Однако здесь обнаружены и свойственные именно этим районам крупные пружинные фибулы с завитком на конце высокого приемника и ромбической или треугольной коленчато изогнутой спинкой (Лебедевка VI, курганы 4, 16, 19 и др.)¹⁴. Лебедевский могильник содержит и предметы римского производства — это шарнирная фибула с ромбическим щитком с эмалью¹⁵ и упоминавшаяся бронзовая патера на кольцевом поддоне. В Южном Приуралье, за исключением Темясова, где найдена такая же шарнирная эмалевая фибула¹⁶, в позднесарматских погребениях римский импорт пока не обнаружен.

Не только в Южном Приуралье, но даже в Поволжье и на Дону в погребениях позднесарматского времени практически неизвестны стеклянные изделия. В Лебедевском же могильнике они найдены в трех погребениях. Именно здесь был обнаружен стеклянный расписной бокал, по-видимому, малоазийской работы (Антиохия, Беграм)¹⁷. Очевидно, и золотая бляха на халцедоновом навершии упомянутого выше меча была изготовлена где-то на Востоке. Кстати, и сами халцедоновые навершия, достаточно редко встречающиеся в позднесарматских могилах, видимо, также представляют собой восточный импорт. Их находки сосредоточены главным образом в Приуралье¹⁸. В лебедевской группе обнаружено шесть из 14 таких наверший, найденных на всей остальной территории распространения позднесарматской культуры. Один из мечей с халцедоновым навершием из Лебедевки имел на ножнах халцедоновую скобу. Предметы

Рис. 2. Лебедевский могильник.
Бронзовые предметы

1, 2 — патера из погребения 2 кургана 23 группы V; 3 — бронзовое зеркало из кургана 39 группы VI

эти необычайно редки для позднесарматских погребений II—III вв. н. э. (один встречен в Заволжье¹⁹, другой — на правобережье нижнего Дона в раскопках В. Е. Максименко 1979 г.), но неоднократно встречались на Боспоре в Керчи²⁰ и были широко распространены на всем Востоке и в Малой Азии²¹.

О чем же может свидетельствовать сосредоточение изделий западного и восточного импорта в захоронениях Лебедевского могильника? Хотя памятник еще полностью не раскопан, но размеры его и полученный материал позволяют думать, что оставлен он каким-то очень крупным племенным объединением, обитавшим на этой территории во II—III вв. н. э. и контролировавшим караванные пути, шедшие по степям Северного Прикаспия. Уже с конца II в. до н. э. был проложен караванный путь из Средней Азии в Китай, а с начала I в. н. э. была открыта «новая дорога севера», которая проходила через Турфанский оазис, по бассейну р. Тарим, через главные города Согдианы и достигала границ Ирана²². Начал функционировать «великий шелковый путь», в создании и сохранении которого одно из ведущих мест принадлежит населению Средней Азии, особенно Согдианы. Прочно и надолго сухопутные караванные дороги связали Восток (Китай, Индию) с Западом (Римом). Столь же проторенные дороги вели из Средней Азии в Северную Индию. Вдоль этих путей или поблизости от них оседали многие из перевозимых товаров. Так, ферганские могильники первых веков нашей эры, особенно хорошо исследованные Исфаринские, содержат значительное количество ханьских зеркал²³. От основных магистральных караванных трасс шли ответвления. Одно из них вело на территорию Хорезма. В дворцовых и храмовых комплексах Топраккалы найдены статуэтки из слоновой кости, обломки стеклянных сосудов, в том числе расписных, возможно малоазиатских, индийские сердоликовые бусы, жемчуг²⁴.

Еще одна из караванных дорог могла проходить по бассейну Сырдарьи и далее вдоль Арала — к Северному Прикаспию. В начале этого пути — Ташкентском оазисе — также известны находки китайских зеркал²⁵. Выгодное географическое положение Ирана давало ему возможность контролировать всю сухопутную торговлю между Западом и Востоком и взимать огромные пошлины. Рим в свою очередь все время искал обходные пути, которые миновали бы пределы Ирана. Но обойти его мож-

но было, только обогнув Каспийское море с севера. Если еще в 1950-х годах исследователи допускали возможность функционирования такого маршрута здесь с IX в. н. э.²⁶, то уже в конце 60-х годов новые археологические находки дали возможность отодвинуть эту дату к VI в. н. э. Изобилие и состав шелковых тканей, обнаруженных на Северном Кавказе (Мощевая балка, Хасаут, Эшкакон), позволили А. А. Иерусалимской уверенно говорить о проходившем здесь постоянном торговом пути из Средней Азии в Византию. Трасса этого пути должна была быть проложена по берегу Аральского моря, Северному Прикаспию с переправой через Волгу и выходить к Северному Кавказу²⁷.

Состав импортных находок Лебедевского могильника позволяет предположить, что описанный маршрут караванной дороги, с выходом, по видимому, к Танаису, существовал уже во II—III вв. н. э. Может быть, она не была столь постоянна и использовалась лишь эпизодически. Но если вспомнить, что II—III века н. э. (а именно этим временем датируются Лебедевские погребения) ознаменованы наиболее оживленными сношениями Римской империи с Востоком, судя по нумизматическим материалам Беграма, то предложенный вариант не будет казаться невозможным. Даже письменные источники донесли до нас сведения об участии сарматских племен в караванной торговле. Страбон в «Географии» сообщает, что верхние аорсы «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев»²⁸. Несомненно, что в какой-то форме принимали участие в торговле между Востоком и Западом и племена, оставившие Лебедевский могильник. Уже от них импортные изделия попадали к другим группам кочевников Южного Приуралья, преимущественно к тем, что обитали на территории современной юго-восточной Башкирии.

¹ Багриков Г. И., Сенигова Т. П. Открытие гробниц в Западном Казахстане.— Изв. АН КазССР, сер. обществ. наук, 1963, 2, с. 71—89; Мошкова М. Г., Кушаев Г. В. Сарматские памятники Западного Казахстана.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1975, с. 258—268; Мошкова М. Г., Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Работы Западно-Казахстанской экспедиции.— АО 1978 г. М., 1979, с. 538, 539.

² В подсчеты вошли 44 погребения из раскопок 1977—1979 гг.

³ Пшеничнюк А. Х., Рязанов М. Ш. Темясковские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии.— В кн.: Древности Южного Урала. Уфа, 1976, с. 137, рис. 4, 1.

⁴ Мошкова М. Г., Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Работы Западно-Казахстанской экспедиции, рис. на с. 538.

⁵ Trever, C. Terracottas from Afrasiab. M.; L., 1934, p. 38, pl. V, 78.

⁶ Определение сделано Н. П. Сорокиной, за что приношу ей глубокую благодарность.

⁷ Багриков Г. И., Сенигова Т. Н. Открытие гробниц...

⁸ Пшеничнюк А. Х. Отчет об археологических исследованиях на территории Башкирии в 1970 г. Архив ИА, р-1, № 4107, с. 11, рис. 60.

⁹ Багриков Г. И., Сенигова Т. Н. Открытие гробниц..., с. 80, рис. 9.

¹⁰ Там же, с. 83, рис. 12.

¹¹ Андреевский могильник. Раскопки Куйбышевского университета. Материал не опубликован.

¹² Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Мнунисийской котловины. М., 1975, с. 12, 39, рис. 6.

¹³ Пшеничнюк А. Х., Рязанов М. Ш. Темясковские курганы..., с. 136, рис. 3, 1; с. 140, рис. 7, 16.

¹⁴ Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 45—47, табл. 5, 19, 21, 22.

¹⁵ Багриков Г. И., Сенигова Т. Н. Открытие гробниц..., с. 73, рис. 2, 1.

¹⁶ Пшеничнюк А. Х., Рязанов М. Ш. Темясковские курганы..., с. 137, рис. 4, 2.

¹⁷ Сорокина Н. П. Антиохийский расписной сосуд из Танаиса.— КСИА, 1975, 143, с. 93—95; Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана. М., 1963, с. 26—28.

¹⁸ Мошкова М. Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на нижнем Дону.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 74—76.

¹⁹ Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiet im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, S. 38, Abb. 31, B.

²⁰ Кушева-Грозевская А. Один из типов сарматского меча.— Изв. НВИК, 1929, III, с. 159 сл.

²¹ Frousdal W. The Longe Sword and Scabbard Slide in Asia. Washington, 1975.

²² Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М., 1951, с. 186, 187.

²³ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978, с. 98—105.

- ²⁴ Приношу глубокую благодарность С. А. Трудновской, любезно сообщившей мне эти сведения.
- ²⁵ *Лигвинский Б. А.* Орудия труда..., с. 101, 102.

- ²⁶ *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию, с. 187.
- ²⁷ *Иерусалимская А. А.* О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье.—СА, 1967, № 2, с. 72.
- ²⁸ *Страбон.* География, XI, V, 8.

Р. Ф. ВОРОНИНА

САРМАТСКИЙ МОГИЛЬНИК У С. НОВО-НИКОЛЬСКОЕ

В 1969—1971 гг. Данковский отряд Верхнедонской экспедиции Института археологии АН СССР под нашим руководством провел раскопки Ново-Никольского курганного могильника, расположенного в 1 км к югу от с. Ново-Никольское Данковского р-на Липецкой обл., на высоком правом берегу Дона, в местности, известной у населения под названием «Горешки». Могильник был открыт в 1960 г. В. П. Левенком. Он состоял из 92 курганов, размещенных небольшими группами на поле и в березовой роще. Часть курганов на пашне была исследована В. П. Левенком¹.

Раскопками 1969—1971 гг. исследовано девять курганов в разных группах. Все курганы сильно распаханы, имели небольшие земляные насыпи неправильной формы. Высота их достигала 0,3 м, диаметр колебался от 4 до 8,7 м. Вокруг курганов, расположенных в лесу и менее распаханных, хорошо видны оплывшие ровики шириной 0,9—1 м и глубиной 0,3 м. Все исследованные нами курганы индивидуальные. Могильные ямы располагались в центре курганов. В большинстве случаев они прямоугольные со скругленными углами, длиной 2—2,3 м и шириной 0,5—0,9 м. Лишь одна могильная яма имела овальную форму.

В насыпи курганов часты следы тризны. Это фрагменты сероглиняных лепных сосудов, круговых и лепных мисок с загнутыми внутрь краями и с серым лощением, а также челюсти лошади или коровы. Нередко в насыпи курганов, помимо керамики и костей, встречаются железные ножи. В двух случаях у выкида могильной ямы были поставлены лощеные лепные миски и положены ножи.

Могильные ямы неглубокие (до 0,5 м), суживаются в нижней части, дно их корытообразной формы. В большинстве случаев дно могил посыпано древесными угольками, иногда в центре могильной ямы располагается зольное пятно. Пять курганов содержали погребения мужчин, два — женщин. Пол погребенного в одном кургане не определен. Кроме того, в одном кургане следы погребения не обнаружены. По-видимому, это кенотаф. Во всех курганах погребения были совершены по обряду трупоположения. Покойники лежали в вытянутой позе на спине, головой на запад, в двух случаях — на северо-восток. В мужских погребениях обычны наконечники копий с длинной втулкой и листовидным пером, железные трехлопастные наконечники стрел, железные ножи, шилья с деревянными рукоятками, оселки. В наиболее богатых погребениях встречаются фибулы, остатки кожаных поясов с металлическими бляшками-накладками, удила и остатки уздечек.

Особенно интересными оказались курганы 1 и 2, занимавшие центральное положение в небольшой группе, а также курган 9.

В насыпи кургана 1, у ровика, на глубине 0,4 м, найдены раздавленный сероглиняный лощеный сосуд (рис., 2) и железный нож. Могильная яма размерами 1,76×0,7 м располагалась в центре кургана, имела овальную форму, была вытянута в направлении восток — запад. Стенки могилы суживались ко дну. Костяк плохой сохранности, ориентирован черепом на запад. В области черепа найдены кольчатые удила (рис., 1). Удила подобной формы хорошо известны по находкам в позднесарматских

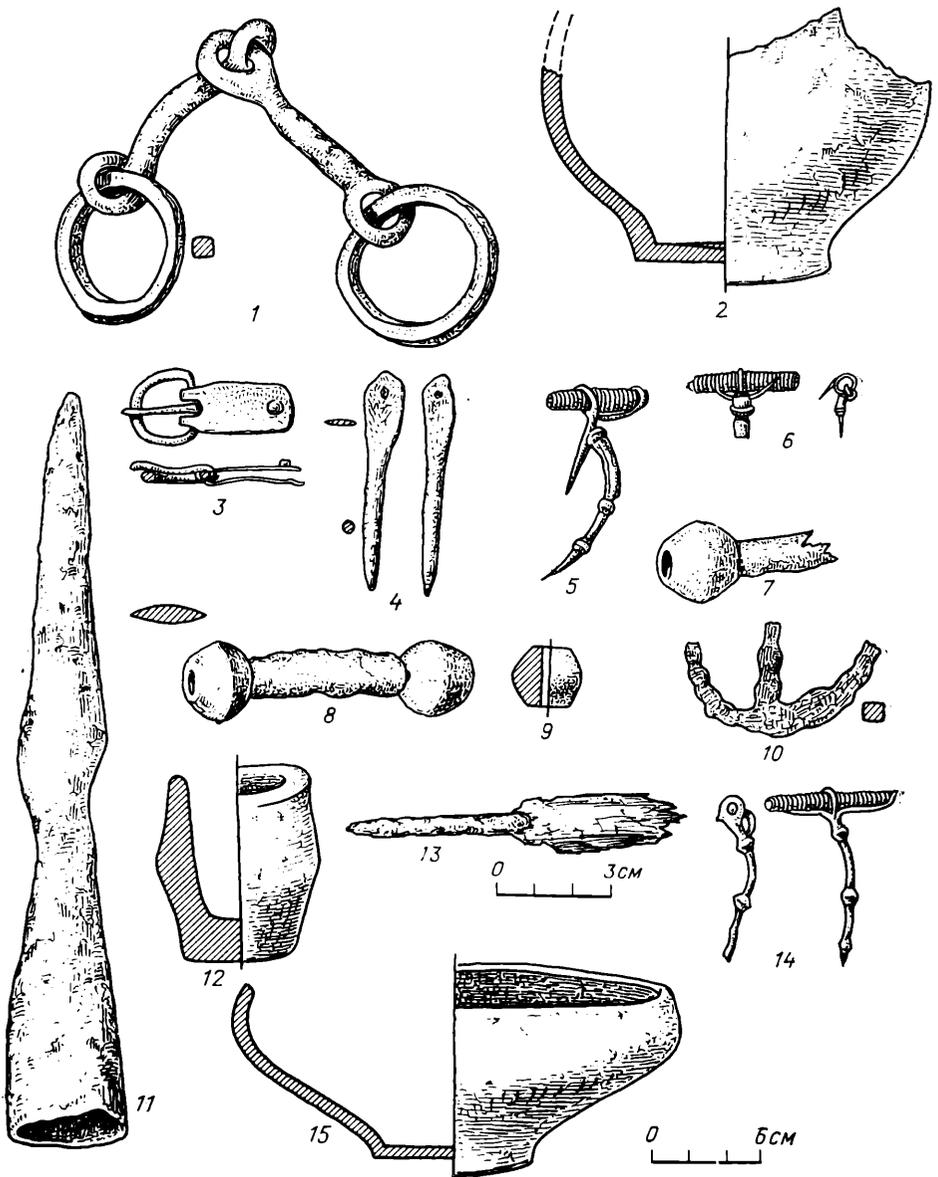

Рис. Вещи из курганного могильника у с. Ново-Никольское

1, 10, 11, 13 — железо; 2, 12, 15 — глина; 3—6, 14 — бронза; 7, 8 — стекло и железо; 9 — стекло

погребениях конца I—III в. н. э.² Вероятно, от сарматов они проникли и в угро-финскую среду (например, в Польно-Ялтуновский могильник).

Помимо удила, в погребении лежали железные наконечник копья и пряжка овальной формы.

Не менее интересны находки из кургана 2 той же группы, потревоженного кладоискателями. Отсюда происходят обломок сильно профилированной фибулы причерноморского типа, который датируется А. К. Амбросом I—III вв. н. э. (рис., 6), и две серебряные поясные привески (рис., 4). Аналогичные привески найдены на причерноморских памятниках первых веков нашей эры и угро-финских III—IV вв. (Кошибеевский⁴, Польно-Ялтуновский⁵ и другие могильники). В насыпи кургана найдена также бронзовая круглая пряжка от уздечки с подвижным язычком и прямоугольной подвижной обоймицей (рис., 3). Аналогии ей известны в позднесарматских комплексах конца II—III в. н. э. (например, курган из группы «Четыре брата» на р. Маныч)⁶.

Весьма интересен по погребальному обряду и инвентарю курган 9. Он имел диаметр 7 м и высоту 0,8 м. Вокруг кургана шел ровик шириной 0,5 м и глубиной 0,15 м. В насыпи у ровика кургана встречены остатки тризны: фрагменты сероглиняных лепных сосудов и мисок и челюсть лошади. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами находилась в центре и была ориентирована в направлении запад — восток с отклонением к югу. В северной поле кургана на слое выкида стояла сероглиняная миска с загнутыми внутрь краями и лощеной поверхностью (рис., 15). Внутри нее находился острорберный сосудик высотой 4,5 см (рис., 12). Подобные миски довольно часто встречаются в позднесарматских погребениях I—III вв. н. э. на нижнем Дону⁷, в Нижнем Поволжье⁸ и на Северном Кавказе⁹. А. С. Скрипкин предполагает, что их привозили в Нижнее Поволжье с нижнего Дона или Прикубанья, причем после разгрома Танаиса в середине III в. н. э. и прекращения жизни на городищах Кубани ввоз сероглиняной гончарной лощеной керамики в Поволжье резко сократился¹⁰. В могильной яме лежал костяк мужчины на спине в вытянутой позе, черепом на восток — юго-восток. У черепа найдена кольцевидная серьга. Слева в области плеча — бронзовая фибула (рис., 14). Справа у локтя — железное шило с деревянной ручкой (рис., 13). Вдоль несохранившейся правой бедренной кости встречены остатки пояса: две большие железные кольцевидные пряжки (рис., 10) и несколько прямоугольных пластин-накладок размерами 3×0,8 см. Справа в области ног найден железный наконечник копья с пером листовидной формы (рис., 11), а также большое количество железных предметов, сложенных в одну кучу. Назначение этих предметов определить не удалось. Здесь же лежали черные бипирамидальные крупные стеклянные бусы (рис., 7, 9). Некоторые из них были соединены друг с другом железными стержнями. Возможно, это обломки украшения, представлявшего собой железный дрот с нанизанными на него через равные промежутки бусами. Украшение это напоминает шейную гривну и может рассматриваться как прообраз более поздних угро-финских гривн с напускными бронзовыми бусинами.

Полученные материалы позволяют относить курганный могильник у с. Ново-Никольское к поздним сарматским памятникам и датировать I—III вв. н. э.

¹ Левенок В. П. Отчет о работе Верхне-Донской экспедиции за 1960 г. Архив ИА, р-1. № 2225; *Он же*. Отчет о работе Верхне-Донской экспедиции в 1962 г. Архив ИА, р-1, № 2552, 2552а.

² Мошкова М. Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на нижнем Дону.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 76.

³ Алихова А. Е. Могильник кошибеевского типа у с. Польное Ялтуново.— КСИИМК, 1958, 72, с. 39, рис. 7, 1.

⁴ Спицын А. А. Древности бассейна р. Оки и Камы.— МАР, 1893, 14, табл. XIII, 3.

⁵ Алихова А. Е. Могильник кошибеевского типа..., рис. 8, 3.

⁶ Мошкова М. Г. Два позднесарматских погребения..., с. 75, рис. 3.

⁷ Аналогичная миска найдена нами в 1973 г. в позднесарматском погребении в кургане 20 Крепенского II могильника на Маныче.

⁸ Скрипкин А. С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского р-на Астраханской обл.— КСИИМК, 1974, 140, с. 60, рис. 3, 1.

⁹ Смирнов К. Ф. Новые данные о сарматской культуре Северного Кавказа.— КСИИМК, 1950, XXXII, рис. 36, II.

¹⁰ Скрипкин А. С. Позднесарматское катакомбное погребение..., с. 62.

КУЛЬЧУКСКИЙ КУРГАН-КЕНОТАФ

Одним из наиболее значительных поселений северо-западного Крыма, возникших в связи с освоением этого района Херсонесом, а впоследствии захваченных скифами, является Кульчукское городище — самое большое на южном побережье Тарханкутского полуострова. Рядом с ним расположен обширный, пока еще мало исследованный грунтовой некрополь¹. На некрополе, в 375 м к северо-западу от городища, находился курган, который недавно был распахан до основания, в результате чего на уровне современной поверхности обнажились крупные камни. Летом 1979 г. Донузлавская экспедиция Института археологии АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея произвела исследование кургана.

По словам местных жителей, высота кургана в свое время достигала 1,50 м. Раскопками выяснилось, что на погребенной почве был сооружен кромлех диаметром 9 м и шириной до 1,40 м, к которому и относились обнаруженные необработанные камни. С юго-западной стороны кромлех был разомкнут, а в северо-восточной части линия его была двойной (рис. 1; 2, 1). Внутри кромлеха на северной половине кургана обнаружено несколько очень крупных камней, в центральной части — огромная плита неправильной формы размерами $2 \times 0,50 \times 0,20$ м, подтесанная с двух боков. Она оказалась перевернутой после распашки и смещенной к востоку, лежала на слое земли толщиной 0,30 м и перекрывала собой нижнюю часть средневековой ямы, впущенной в центр кургана. Яма, ориентированная широтно, овальная, размерами $1,40 \times 1$ м, прорезала материк на глубину 0,90 м. В волюстом заполнении ямы были обнаружены челюсть и несколько костей коровы, а также обломки средневековых кувшинов IX—X вв.² Средневековые ямы с захоронением частей животных и ранее встречались в курганах Крыма, но главным образом основные, а не впускные³.

Большие камни, лежащие внутри кромлеха, производят впечатление центрального кенотафа. На камнях в западной части кромлеха найдены позвонки и нижние части ног ягненка. Единственное погребение, которое обнаружено внутри кромлеха, — это трупосожжение в могиле 11, расположенной в 1,30 м к юго-западу от центра кургана. Здесь, на уровне погребенной почвы, прослежено окруженное щебенкой скопление пережженных человеческих костей на площади $0,70 \times 0,40$ м. Скопление ориентировано по направлению северо-запад—юго-восток. Среди костей собраны два обломка стенок амфор, край красноглиняной миски, орнаментированный конец серебряной височной подвески (рис. 3, 17)⁴, витая дужка серебряной серьги, несколько синих глазчатых бусин и две бисеринки из голубого египетского фаянса и гагата.

Еще одно трупосожжение (могила 12) находилось вне кромлеха, на расстоянии 2 м к югу от него. Судя по большому пятну золы с углями (размеры $1,35 \times 0,80$ м, ориентировка — северо-запад—юго-восток), кремация происходила на месте. Площадка была углублена на 0,30 м, до уровня материка. Затем в материке была вырыта круглая яма диаметром и глубиной 0,40 м, а в нее поставлена урна с прахом, закрытая мисочкой и двумя плоскими камнями. Поверх этого погребения были сложены в виде могильного холмика рваные камни в два-три ряда в высоту, длиной 1,40 м. В качестве урны была использована плоскодонная амфора высотой 0,34 м, красноглиняная с зеленоватым ангобом, с ребром по шейке и вдоль ручек (рис. 3, 23). Крышкой служила сероглиняная мисочка, покрытая жидким черным лаком, причем нижняя часть ее снаружи осталась без лака (рис. 3, 22). Такой способ захоронения был распространен в Херсонесе⁵. Очевидно, там же была изготовлена и амфора. Мисочка находит аналогии в эллинистической керамике II в. до н. э.⁶

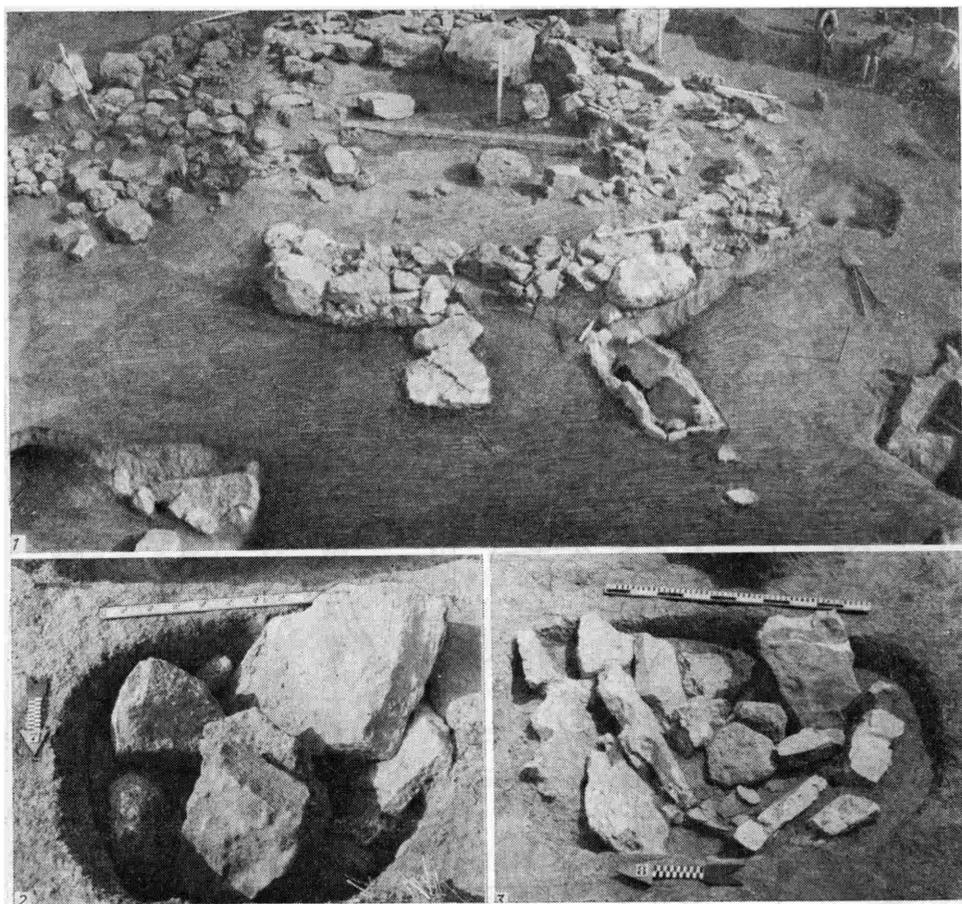

Рис. 2. Кульчукский курган

1 — общий вид с юга; 2 — могила 7; 3 — могила 8

В непосредственной близости от погребения в урне, между ним и кромлехом, была могила 9 — кенотаф (рис. 1, см. вкл.). Для его устройства с уровня погребенной почвы была вырыта в материке почти круглая в плане яма глубиной 1,75 м. Диаметр ее устья составлял 1,20 м, а ко дну она суживалась до размеров 1,10×0,60 м. Яма была плотно забутована крупными камнями. На дне ее у северо-восточной стенки вертикально стояла плита размерами 1,10×0,50×0,18 м. Никаких признаков входа в камеру за ней не обнаружено. У самой поверхности в засыпи ямы найдена кость лошадиной ноги. В верхней части ямы в забутовке были вторично использованы два надгробия херсонесского типа, а еще два фрагмента найдены у дна.

Первое надгробие (рис. 4, 1) представляет собой верхнюю половину стелы с карнизом, украшенным антефиксами, с греческой надписью в две строки Παρθένος Σιρισμού (Парфений, сын Сириска), под которой рельефом изображены меч синдо-меотского типа⁷ и скифский лук. По надписи и типам оружия стела датируется концом IV в. до н. э. Ближайшие аналогии ей по пропорциям, архитектурному оформлению и композиции рельефа представляют херсонесские воинские надгробия IV—III вв. до н. э.⁸, от которых ее отличают варварские типы изображенного оружия, отражающие, очевидно, специфику снаряжения воина херсонесской хоры. Греческие имена, встреченные на стеле, были приняты в Херсонесе.

Второе надгробие (рис. 4, 2) — антропоморфное, также греческое, типичное для Херсонеса и его хоры в IV—III вв. до н. э.⁹ К аналогич-

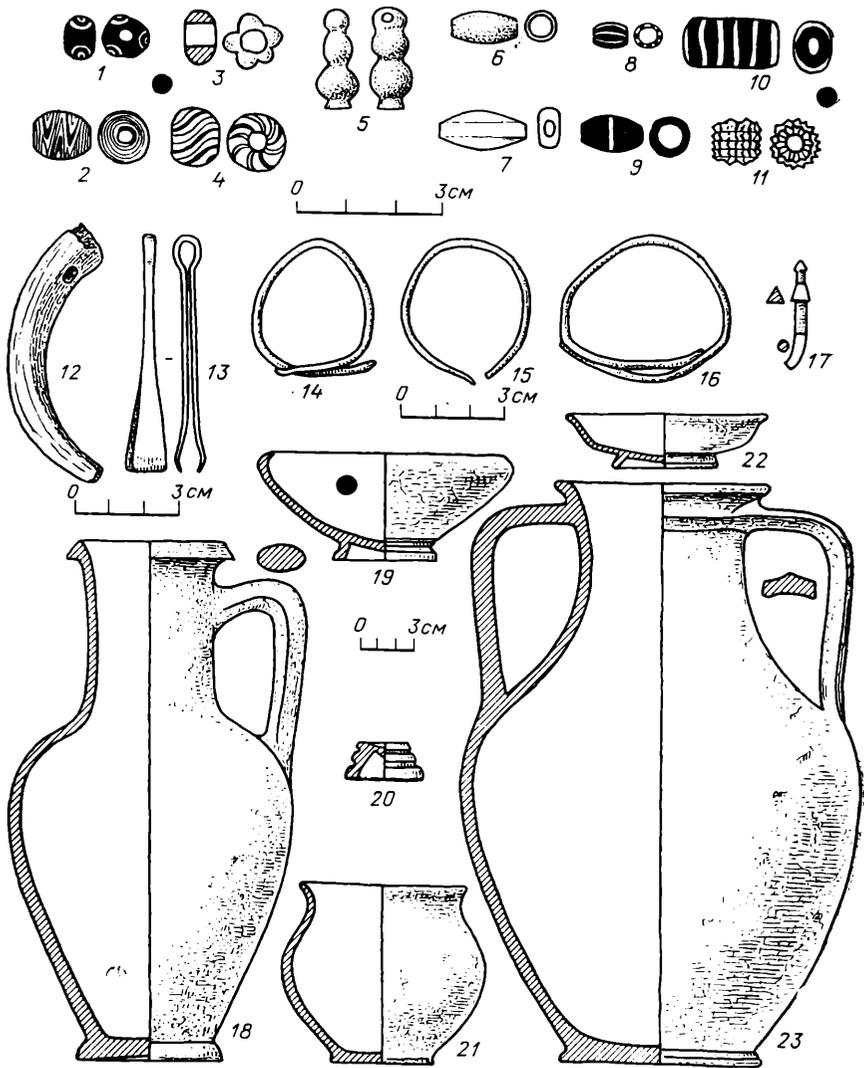

Рис. 3. Кульчукский курган. Инвентарь

1, 2, 19 — из могилы 2; 3, 12, 13 — из могилы 1; 4 — из разрушенной впускной могилы (?); 5—11, 14—16, 20, 21 — из могилы 4; 17 — из могилы 11; 22, 23 — из могилы 12; 18 — из могилы 8; 1—10 — стекло; 11 — египетский фаянс; 12 — кабаный клык; 13—16 — бронза; 17 — серебро; 18—23 — керамика

ным антропоморфным изваяниям относятся и два упомянутых обломка из той же могилы (рис. 4, 3). В кургане найдены еще пять фрагментов таких надгробий (рис. 4, 4, 5) и три целые подставки к ним (рис. 4, 6, 7).

По краям кромлеха со всех его сторон были устроены еще четыре кенотафа. Два из них (могилы 7 и 8) сооружены по тому же принципу, что и могила 9, остальные (могилы 6 и 10) имели существенные отличия. Могила 7 (рис. 2, 2) расположена с северной стороны кромлеха, в 0,35 м от него. Это круглая яма диаметром 1,35 м и глубиной 1,50 м. По всей окружности, кроме северо-восточной стороны, она имеет заплечики шириной до 0,10 м и высотой 0,65 м. Ко дну яма суживается и приобретает в плане форму широкого овала размерами 0,90×0,80 м, ориентированного в направлении юго-запад—северо-восток. Вся яма была забита крупными камнями и плитами, а в верхней ее части прослежена имитация заклада из особенно крупных плит (высота до 1,18 м), наклоненных к юго-западу. Там же найдены обломок антропоморфного

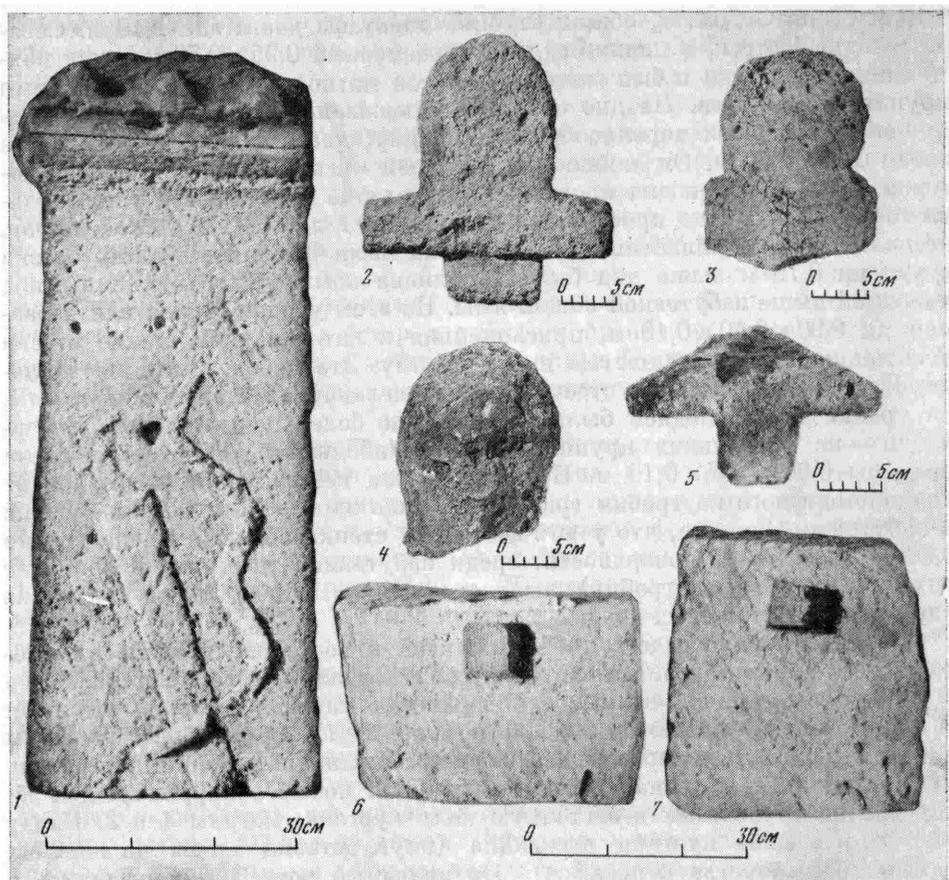

Рис. 4. Греческие надгробия, вторично использованные в Кульчукском кургане
1—3 — могила 9; 4 — около могилы 6; 5 — могила 7; 6 — могила 6; 7 — могила 8

надгробия (рис. 4, 5) и несколько фрагментов стенок эллинистических амфор.

Могила 8 (рис. 2, 3) отстоит на 0,90 м от западного края кромлеха и представляет собой широкую овальную яму, ориентированную меридионально, вдоль кромлеха. Размеры устья ямы 1,50×1,30 м, глубина — 1,80 м. По всей окружности она имеет заплечики шириной до 0,20 м и глубиной 0,70 м. Вниз от них стенки ямы идут почти отвесно. Дно круглое диаметром 1 м. Эта яма также была плотно забутована крупными камнями и плитами, наклоненными в разные стороны, но основное направление наклона плит в верхней части ямы — к северу. В нижней части ямы найдены фрагмент антропоморфного надгробия и целая подставка (рис. 4, 7). На поверхности забутовки в западной части ямы обнаружен разбитый красноглиняный гончарный кувшин без кольцевого поддона (рис. 3, 18), типичный для херсонесской керамики II в. до н. э.¹⁰ Это — наиболее существенная находка для датировки кенотафов.

Могила 6 находится в 2 м от юго-восточной стороны кромлеха, ориентирована в направлении северо-запад — юго-восток. Конструкция этого кенотафа своеобразна. Верхняя его часть, вырытая с уровня погребенной почвы (рис. 2, 4), представляет собой большую овальную яму размерами 2,32×1,28 м, немного суживающуюся книзу. Она была забутована камнями, среди которых выделялись очень крупные плиты. До глубины 1 м яма была единой, а ниже раздваивалась, образуя северо-западный и юго-восточный отсеки, между которыми в центре была оставлена материковая перемышка. Оба отсека имели глубину соответственно 1 и

1,10 м. Таким образом, общая глубина кенотафа достигала 2,10 м. Северо-западный отсек, в плане овальный, размерами $0,95 \times 0,70$ м, имел почти отвесные стенки и был заполнен темной мягкой землей с несколькими крупными камнями. На дне его лежала тазовая кость барана. Юго-восточный отсек имел воронкообразную форму, диаметр вверху 1,10 м, на дне — $0,40 \times 0,50$ м. Он также был заполнен мягкой темной землей, в которой немного выше дна прослежена прослойка материковой глины толщиной 0,08 м. Выше прослойки обнаружены два обломка стенок амфор, несколько костей животных и небольших камней. Верхняя часть отсека с уровня 0,70 м выше дна была заполнена камнями, объединенными с лежащей выше забутовкой общей ямы. На этом уровне стояла плита размерами $0,90 \times 0,40 \times 0,10$ м, прислоненная к юго-западной стенке отсека и выходящая верхней частью в общую яму. Это явная имитация заклада. Над северо-западным отсеком, у северо-западной стенки общей ямы, на уровне дна последней была сделана еще более мощная имитация заклада — из нескольких крупных плит, наибольшая из которых имела размеры $0,90 \times 0,35 \times 0,10$ м. В закладе была использована подставка от антропоморфного надгробия (рис. 4, б). Еще одна подставка обнаружена в забутовке. Отметим, что у юго-восточной стенки общей ямы, на уровне 0,60—0,90 м от ее поверхности, среди забутовки (где найден фрагмент антропоморфного надгробия) выявлена кладка наподобие ступеньки из двух-трех рядов рваных камней.

Могила 10 непосредственно примыкала к восточной стороне кромлеха и была ориентирована в направлении юго-запад — северо-восток. Здесь с уровня погребенной почвы до поверхности материка вырыта овальная в плане яма площадью $1,60 \times 0,90$ м (рис. 2, 1). В нее были уложены плашмя три плиты неправильной формы, дополненные мелкими камнями.

Поверх могилы 10 на уровне погребенной почвы обнаружены два захоронения, впущенных в восточную полу кургана: могилы 1 и 2. Ввиду того что насыпь кургана распахана (плуг оставил следы на верхних камнях большинства кенотафов), эти впускные погребения оказались у самой поверхности современной пашни. Сохранность их очень плохая, ямы не прослеживаются. Не исключено, что могильная яма была общей для двух погребений и, судя по сдвинутым плугом камням, имела каменную обкладку, возможно, с перегородкой из плит. Однако здесь могли находиться и две соседние ямы, растащенные плугом. Кости погребенного в могиле 1 лежат беспорядочно на протяжении 2,05 м с севера на юг. Можно предположить, что покойник был обращен головой к северу и похоронен в вытянутом положении на спине. В средней части погребения среди разрозненных костей обнаружены просверленный кабаньей клык и бронзовый пинцет (рис. 3, 12, 13), а также бусина из прозрачного стекла (рис. 3, 3).

Могила 2 примыкает к могиле 1 с юго-запада. Здесь были похоронены взрослый и ребенок. От ребенка уцелели лишь незначительные остатки. Взрослый покойник был ориентирован к югу; позу его проследить не удалось из-за плохой сохранности костей. В ногах обнаружена красная миска в обломках. Лак жидкий, покрытие неравномерное, не захватывающее низ сосуда (рис. 3, 19). Под черепом и костями собрано большое количество бус (рис. 3, 1, 2), которые наряду с миской позволяют датировать погребение II—I вв. до н. э.¹¹

Помимо описанных, в кургане, также вне кромлеха, обнаружены еще три впускных захоронения: могилы 3, 4 и 5. Могила 3 (рис. 1) была впущена в юго-западную полу кургана до уровня погребенной почвы. Яма разрушена распахкой. Видимо, она также имела обкладку из рваных камней. Здесь был похоронен ребенок. Сохранность костей очень плохая. Можно определить, что он был обращен головой к северу — северо-западу. Рядом с ним оказались два мелких фрагмента мегарских чаш, скорее всего не связанные с погребением.

Могила 4 (рис. 1) была впущена в юго-восточную полу кургана, около кромлеха, до уровня 0,30 м выше поверхности погребенной почвы.

Яма разрушена, признаки каменной обкладки не наблюдались. Зафиксировано плохо сохранившееся детское погребение. Скелет лежал черепом на север — северо-восток, на правом боку, в слегка скорченном положении. На правой руке и на голених обеих ног было надето по браслету, еще один браслет (очевидно, с левой руки) оказался западнее костяка (рис. 3, 14—16). В изголовье найдена обточенная сверху ножка чернолакового канфара (рис. 3, 20), северо-восточнее черепа — обломки стенок красноглиняной амфоры, а к северу от них, среди небольших камней — раздавленный лепной горшочек (рис. 3, 21). Кроме того, в погребении найдены бусы (рис. 3, 5—11): на шее — несколько стеклянных, в том числе желтых прозрачных, бусин, подвеска из бесцветного прозрачного стекла (рис. 3, 5), бисер и рубчатая бусина из египетского фаянса; около ног — различные мелкие стеклянные бусины, украшавшие штаны или обувь. По бусам погребение датируется концом II — началом I в. до н. э.¹²

Могила 5 была впущена в южную полу кургана, также около кромлеха, до уровня материка и ориентирована в направлении юг — юго-восток — север — северо-запад. Сохранилась нижняя часть ямы, обложенная тонкими каменными плитами неправильной формы. Яма суживалась книзу, плиты были поставлены на ребро с наклоном. Длина могилы 1,40 м, наибольшая ширина 0,80 м. В изголовье стояла одна плита, по восточной стенке — две, по западной — три плиты и мелкие камни, в ногах — небольшие камни. Эта обкладка была перекрыта камнями и плитами, наибольшая из которых имела размеры 0,65×0,52×0,06 м. Под ними покоился скелет подростка, почти совсем истлевший, черепом на юг, на спине, руки — вдоль туловища. Инвентаря в погребении не было.

Таким образом, в полах кургана с южной, юго-восточной и восточной его сторон зафиксировано шесть впускных позднескифских погребений. Можно предполагать, что подобные могилы были и в центральной части насыпи, которая до нас не дошла. Вероятно, с несохранившимися разрушенными погребениями связаны отдельно найденные бусы (рис. 3, 4) и обломки керамики.

Находки в кургане дают достаточные основания для его датировки. Трупосожжение в могиле 11, где найден обломок височной подвески типа, распространенного в V—IV вв. до н. э., по бусам, однако, датируется временем не ранее рубежа III—II вв. до н. э. К первой половине или середине II в. до н. э. можно отнести трuposожжение в могиле 12 по использованным в качестве урны и ее крышки сосудам. К тому же времени относятся кувшины из могилы 8 (кенотафа) и отдельные фрагменты эллинистической керамики, найденные на погребенной почве; обломки амфор, рыбных блюд, кувшинчиков, мегарских чаш. Добавим, что вторично использованные в забутовке кенотафов надгробия были взяты с греческих могил IV—III вв. до н. э. Впускные погребения в кургане по краснолаковой миске и бусам датируются периодом в пределах конца II—I в. до н. э. Этой дате не противоречат браслеты и пинцет, имеющие многочисленные аналогии в позднескифских погребениях Беляусского могильника.

По ряду признаков (наличие кромлеха, отсутствие покойников и погребального инвентаря в могилах, вторичное использование греческих надгробий) аналогию исследованному комплексу представляет курган-кенотаф Панского некрополя, отнесенный к несколько более раннему времени (III в. до н. э.)¹³. Однако по расположению могил-кенотафов и их конструкции Кульчукский курган пока остается уникальным. Это как бы отдельно устроенные входные колодцы позднескифских земляных склепов-катакомб с имитацией закладов входа в камеру¹⁴. Но камер здесь нет, как нет и погребений. Учитывая, что большинство колодцев-кенотафов обращено закладами в сторону кромлеха или вдоль него, можно предположить, что в данном комплексе кромлех с огромными камнями посредине играл роль своего рода мнимой камеры, единой для всех колодцев.

Помимо сооружения кромлеха и курганной насыпи, затрата труда на рытье глубоких ям-кенотафов, забутовку их большими камнями, установку тяжелых плит была очень велика. Перед нами интересное свидетельство о верованиях и обрядах поздних скифов, о почитании ими памяти умерших в чужом краю или погибших в море. Интересно и наличие в кургане двух трупосожжений, указывающее на смешанность населения. Заслуживают внимания факты разорения скифами греческого кладбища. При исследовании некрополей на территориях, где сменялся этнический состав жителей, подобные факты в некоторых случаях помогут объяснить отсутствие или слишком малое количество могил первоначального населения.

- ¹ Дашевская О. Д. Раскопки памятников античной эпохи в северо-западном Крыму.— АО 1970 г. М., 1971, с. 264; Она же. Первые исследования Кульчукского некрополя.— СА, 1978, № 3.
- ² Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, рис. 43.
- ³ Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции.— СА, 1937, III, с. 225; Дашевская О. Д. Курган эпохи бронзы у с. Поповка близ Евпатории.— КСИА, 1969, 115, с. 67, 69.
- ⁴ Дашевская О. Д. Первые исследования..., с. 207, рис. 6, 6; Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, 1978, вып. Д4-5, с. 35, тип 25, табл. 22, 13—17; Силантьева Л. Ф. Спиралевидные подвески Боспора.— Труды ГЭ, 1976, XVII, рис. 8, 9.
- ⁵ Щеглов А. Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса.— КСИА, 1975, 143, с. 111—113; Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи.— АСГЭ, 1978, 19, с. 46—48.
- ⁶ Белов Г. Д. Эллинистический дом в Херсонесе.— Труды ГЭ, 1962, VII, с. 157, рис. 25, κ; Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979, с. 111, рис. 48, табл. V, I.
- ⁷ Смирнов К. Ф. О мечях синдро-меотского типа.— КСИА, 1980, 162.
- ⁸ Колесникова Л. Г. Стелы с изображением оружия.— СХМ, 1961, II; Она же. Воинские надгробия.— СХМ, 1969, IV.
- ⁹ Колесникова Л. Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса.— СА, 1977, № 2; Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 49, рис. 19; Дашевская О. Д. Первые исследования..., с. 199, 200, рис. 1, I.
- ¹⁰ Белов Г. Д. Эллинистический дом..., рис. 12.
- ¹¹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1978, вып. Г1-12, табл. 29, 18.
- ¹² Там же, табл. 27, 4, 16, 85; 28, 25; 33, 77; 34, 39.
- ¹³ Щеглов А. Н. Курган-кенотаф у Ирылгачской бухты.— КСИА, 1972, 130.
- ¹⁴ Дашевская О. Д., Голенцов А. С. Раскопки городища Беляус и его некрополя.— АО 1974 г. М., 1975, с. 273.

А. И. ПУЗИКОВА

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ПЕРЕВЕРЗЕВО I В 1979 Г.

В 20 км к северу от Курска, на высоком правом берегу р. Тускарь, на юго-восточной окраине д. Переверзево (Кобзево) расположены два городища, разделенные глубоким оврагом, по которому протекает ручей. Одно из них, по местному названию «Курган», было известно еще до революции¹. Другое, именуемое «Тарелочка», найдено в 1955 г. Ю. А. Липкиным и неоднократно им шурфовалось. В 1969 г. разведочная группа под руководством О. Н. Мельниковской (с участием автора) производила шурфовку обоих городищ, а в 1972 г. городище «Тарелочка», названное Переверзево I, исследовалось нами². В 1979 г. решено было исследовать его площадку полностью.

Городище Переверзево I с севера, востока и юга ограничено двумя глубокими оврагами и поймой р. Тускарь. На склонах мыса с юга заметны следы искусственного подрезания поверхности для увеличения крутизны склонов. С запада городище укреплено валом и рвом, которые в настоящее время сильно распаханы, оплыли и едва заметны на поверх-

ности. Площадка городища имеет задернованную поверхность, несколько понижающуюся в направлении с севера на юг и с запада на восток, в сторону реки и оврага. В 1979 г. на городище были заложены раскоп и траншея общей площадью 1028 кв. м.

Раскоп 1979 г. располагался в северной части городища, вплотную к раскопу II 1972 г. Мощность культурного слоя составляла 0,70 м в северных квадратах, располагавшихся ближе к валу, и уменьшалась до 0,25 м по направлению к центру площадки. На месте жилищ мощность слоя увеличивалась на 0,30—0,35 м.

Во время работ 1972 г. на раскопе II была вскрыта часть оборонительной стены, шедшей в направлении с северо-востока на юго-запад. Ширина ее на уровне материка достигала 1,60—2 м. От стены прослеживалась канава, углубленная в материк на 0,20—0,25 м, забутованная мешаным грунтом: светлой глиной, угольками, золой, жженой землей. Внутри канавы, вдоль ее бортов, отмечены столбовые ямки. С северо-запада, на расстоянии 2 м, шла другая канавка. Внутри нее также были обнаружены ямки от столбов. С юго-востока вдоль стены проходил ряд столбовых ямок. В расположении столбов прослеживалась некоторая закономерность: они шли параллельно широкой стене в два ряда и, видимо, составляли с ней единую конструкцию. Большое количество столбовых ямок обнаружено и на всей площади раскопа. Вскрытая в 1972 г. площадь была недостаточно велика, чтобы сказать что-либо определенное о характере постройки в целом. Но и тогда напрашивался вывод о конструктивной близости ее сооружениям, обнаруженным на городище Кузина Гора³.

В раскопе 1979 г. на глубине 0,60—0,70 м от поверхности обнаружено продолжение этой стены. Ширина ее также равнялась 2 м. От западной стороны осталась канавка глубиной 0,25—0,40 м, заполненная черноземом с примесью угольков. Вся северная часть канавки была занята ямками от столбов глубиной от 0,35 до 0,70 м и диаметром 0,20—0,60 м. Некоторые ямки располагались так плотно друг к другу, что составляли сплошной ряд. Параллельно этой стене, на расстоянии 2 м к востоку, располагался еще один ряд ямок от столбов. Однако канавки, обрамлявшей их, здесь не прослеживалось. Все внутреннее пространство между этими рядами частокола также было занято ямками от столбов. В северо-западном углу раскопа, отгороженном еще одной параллельной канавкой, также были обнаружены столбовые ямки, причем пять из них имели забутовку из светлой, очень плотной глины. Возможно, столбы, укрепленные в этих ямках, имели какие-то несущие функции, требовавшие их особой устойчивости. К востоку от двух основных стен частокола, на расстоянии от 1,5 до 4 м, прослеживались еще три канавки от фундаментов каких-то стен. Ширина и глубина их составляли 0,40 м, дно в одних местах было плоским, в других — несколько закругленным. В заполнении канавок отмечалась большая примесь угольков. Канавки шли параллельно основной стене, состоявшей из частокола, в направлении с северо-востока на юго-запад и пересекали наискось почти весь раскоп. Постепенно их контуры исчезали почти в середине городищенского плато. Общая длина вскрытой части канавок равнялась соответственно 15, 17 и 20 м. Между канавками, особенно в северной части раскопа, расчищено большое количество столбовых ямок различных глубин и диаметра.

Описанные выше канавки и ямки от столбов, по-видимому, являются остатками оборонительной системы, состоявшей из нескольких идущих параллельно друг другу деревянных стен. Подтверждение этому мы получили при разрезе основного оборонительного вала.

На раскопанной площади было исследовано пять жилищ, аналогичных постройкам, обнаруженным на Марицком городище. Остатки четырех жилищ (1, 3—5) сохранились хорошо. Одно жилище (2) было сильно нарушено более поздней ямой, забитой юхновской керамикой. Площадь жилищ составляла от 9 (жилище 4) до 24 (жилище 3) кв. м. Котлованы их были углублены в материк на 0,20—0,35 м. Форма жилищ почти

прямоугольная с округленными углами. В двух постройках (1, 5) обнаружено по одному очагу, в двух других (3, 4) — по два. Все очаги представляли собой площадки прокаленного грунта, возвышавшиеся над полом на 0,15—0,25 м и на такую же глубину углубленные в него. Общая мощность очажного слоя не превышала 0,35 м. Почти на всех очагах сверху отмечены остатки плотной обмазки белого цвета. В углу жилища 5 обнаружена колоколовидная в разрезе яма, видимо, служившая погребом. Дно и стенки ее были тщательно обработаны и носили следы специального обжига. Почти в центре жилища 5 обнаружено квадратное углубление в полу размерами 0,5×0,5 м и глубиной 0,08 м. Центральное расположение его дает возможность предполагать, что у постройки была шатровая крыша. В других жилищах устройство кровли и входов проследить не удалось. Стены построек были плетневыми, обмазанными сверху глиной. Глиняная обмазка стен с отпечатками прутьев в большом количестве встречалась в культурном слое. Все жилища погибли в пожаре, о котором свидетельствуют прослойки угля, пятна жженого грунта, сильная примесь золы в засыпке котлованов построек.

Из объектов, связанных с хозяйственной жизнью населения, отметим восемь ям и четыре открытых очага. Все ямы были неглубокими, заполненными, как правило, бытовыми отходами. Глубокие ямы-хранилища не обнаружены. Из четырех открытых очагов три относились к раннему периоду существования городища, один оказался весьма поздним: пол очага был вымощен черепками от нескольких гончарных сосудов XIX в.

Для исследования сохранившихся остатков оборонительных сооружений в западной части городища была заложена траншея размерами 50××2 м, которая продолжала крайнюю южную линию квадратов раскопа 1979 г. Следы укреплений были почти совершенно сnivelированы и отмечались на поверхности лишь в виде еле видных углублений и возвышений на месте рва и вала. При разрезе выяснилось, что насыпь внутреннего вала состояла сплошь из чернозема с большой примесью древесных угольков. Под валом обнаружены остатки пяти следовавших друг за другом параллельных оборонительных стен. В профиле они прослежены в виде канавок шириной 0,20—0,30 м, заполненных углями, золой, кусочками жженой земли. Две крайние канавки (с запада и востока) были углублены в материковый суглинок на 0,40 м; три центральные — на 0,50—0,60 м. Расстояние между этими канавками составляет от 0,60 до 1,40 м. По-видимому, укрепления, прослеженные под валом, представляли собой стены из вертикально вкопанных бревен диаметром 0,20—0,30 м, прилегавших друг к другу так плотно, что они образовывали сплошной частокол. Пространство вокруг углубленных концов бревен было забутовано очень плотной светлой глиной. Все стены погибли в результате пожара: в северном профиле траншеи хорошо прослеживались остатки обгорелых бревен. Слой горелых бревен в центре вала имел толщину 0,55—0,60 м, а в черноземе, составлявшем его насыпь, отмечалась большая примесь угольков. Скос в первый от площадки городища ров начинался на расстоянии 2,40—2,50 м от остатков внешней стены. Стенки рва были довольно пологими, дно — почти конусовидным в разрезе. Заполнение рва состояло из чернозема интенсивно черного цвета слоистой структуры, глубина от современной вершины первого вала достигала 1,80—1,85 м.

Внешние ров и вал на поверхности не были видны. Их удалось выявить только в процессе раскопок. Насыпь внешнего вала также состояла из чернозема. Вверху, под дерном, прослеживалась линза пестроцвeta толщиной 0,20—0,25 м. Между первым рвом и внешним валом в профиле отмечена ямка глубиной 0,9—0,95 м от вертикального столба, заполненная черноземом с угольками. Возможно, это след такой же деревянной стены, какие были обнаружены под насыпью внутреннего вала. Не исключено, что с деревянной стеной связаны и два неотчетливо прослеживавшихся углубления в материке шириной 0,40—0,55 м, расположенных на расстоянии 1,20 м и направленных под углом друг к другу. Второй

внешний ров имел глубину от современной поверхности внешнего вала всего 1,25—1,30 м. Заполнение его — чернозем без каких-либо включений, дно округлое.

За пределами городища располагалось открытое селище. Наличие культурного слоя здесь было установлено продолжением траншеи, перерезавшей вал. Толщина культурного слоя 0,30—0,50 м, насыщенность находками слабая. Здесь найдены сильно фрагментированные обломки лепной керамики, мелкие куски глиняной обмазки, обломки костей животных. Из индивидуальных находок обнаружена лишь бронзовая подвеска в виде треугольной прорезной пластинки, узкий конец которой загнут в петлю (см. ниже рис. 2, 7). По форме она напоминает финно-угорские шумящие украшения. Никаких объектов, связанных с хозяйственной жизнью населения, в траншее на площади селища не обнаружено.

Насыщенность находками слоя городища довольно значительна. Однако вся керамика сильно фрагментирована, поскольку площадка постоянно распахивалась. Вся посуда изготовлена от руки. О слабости связей с греческими городами Северного Причерноморья свидетельствует полное отсутствие в материале городища обломков античных амфор.

Керамика изготовлена из теста с примесью шамота или шамота с блестками пирита. Куски шамота довольно крупные, отчего фактура сосудов получалась очень грубой. На днищах часто встречаются отпечатки выгоревшей травянистой трухи, половы, зерен проса, изредка — листьев. Обжиг сосудов костровый, неравномерный, отчего на поверхности многих фрагментов сохранились темные или черные пятна. Орнаментация скифоидных сосудов однообразна: защипы или насечки по краю венчика, непосредственно под краем — сквозные проколы, наколы снаружи или изнутри, а на противоположной стороне сосудов соответственно — выпуклые горошины-«жемчужины» (рис. 1, 5, 6). Эти виды орнамента преобладают. Много керамики, орнаментированной только защипами, насечками по краю или вообще лишенной орнамента (рис. 1, 1—4, 7—9). К редким видам относятся так называемый тычковый орнамент; узоры, нанесенные неровным концом палочки по шейке сосуда или сделанные круглым штампом; в виде сплошной полосы пальцевых защипов; в виде одного или двух рядов зерновидных насечек по шейке горшка; тычковый орнамент, как правило, связан с юхновской керамикой (рис. 1, 14, 16, 18).

Ни одного целого скифоидного сосуда восстановить не удалось. Судя по многочисленным фрагментам, большая часть горшков относится к типу I, характеризующемуся равномерным и плавным отгибом венчика наружу. Диаметр венчиков от 12 до 30 см (рис. 1, 1—6). Гораздо меньше горшков типа II, венчик которых резко отогнут наружу и поставлен под тупым углом по отношению к тулову. Диаметр их 10—25 см (рис. 1, 7—9). Сосуды типа III имеют слабовыраженный венчик, непосредственно переходящий в тулово. Одни из них — удлинённых пропорций, другие — довольно крутобокие.

В небольшом количестве в культурном слое городища обнаружена юхновская керамика. В основном она собрана в яме, нарушившей жилище 2. Несколько горшков удалось реставрировать целиком (рис. 1, 15, 17, 19). Все сосуды юхновской культуры характеризуются слабовыраженным отгибом венчика (рис. 1, 14—16, 18), некоторые имеют почти баночную форму (рис. 1, 17, 19). По определению О. Н. Мельниковской юхновская посуда Переверзевского I городища представляет собой четкий комплекс позднеюхновской керамики, датирующейся IV—III вв. до н. э.

Как и всюду на городищах Посеймья, обращает на себя внимание почти полное отсутствие столовой посуды. В раскопках 1979 г. встречено всего лишь четыре фрагмента мисок небольших размеров (диаметр венчиков 12—14 см). У двух мисок венчик слегка загнут внутрь (рис. 1, 11, 13), у одной — слегка отогнут наружу и расплюсчен сверху (рис. 1, 12). По форме последний сосуд представлял собой, видимо, нечто среднее между миской и широкогорлым открытым горшочком (рис. 1, 10).

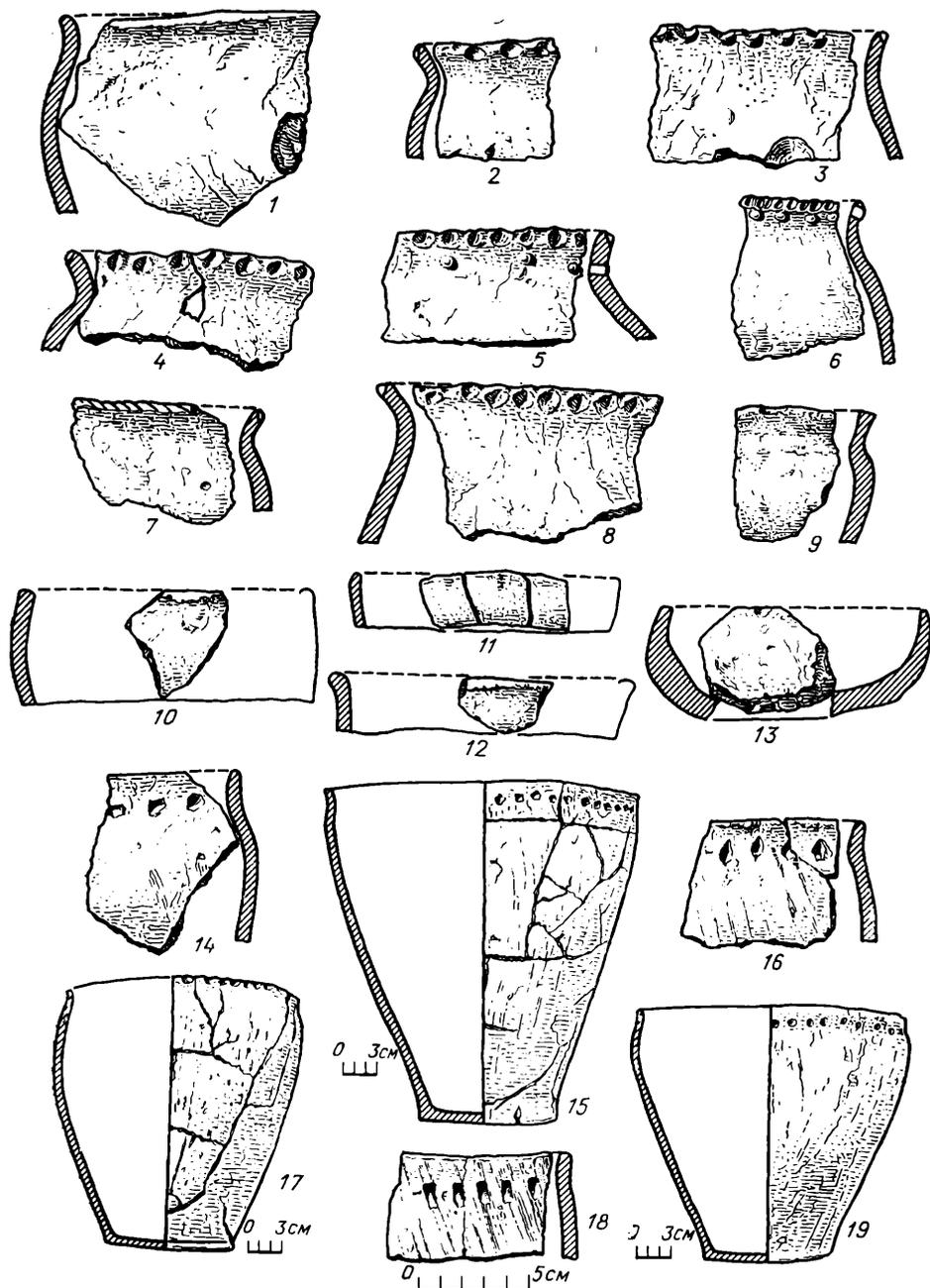

Рис. 1. Городище Переверзево I. Лепная керамика

1—9 — скифидная посуда; 10—13 — миски; 14—19 — юховская посуда

Довольно многочисленна группа миниатюрных сосудов — горшочков, мисочек, чашечек. От большинства сосудов сохранились лишь поддоны, поэтому полную форму их определить трудно. Некоторые из сосудиков орнаментированы.

К кухонной посуде относится обломок жаровни-сковороды. Изготовлена она из рыхлой глины с большой примесью растительных включений, выгоревших при обжиге. Высота бортика 6 см, диаметр изделия около 30 см (рис. 2, 26).

Изделия из глины представлены пряслицами, глиняными лепешками, «рогатыми» кирпичами. Целых пряслиц обнаружено 34. Форма их раз-

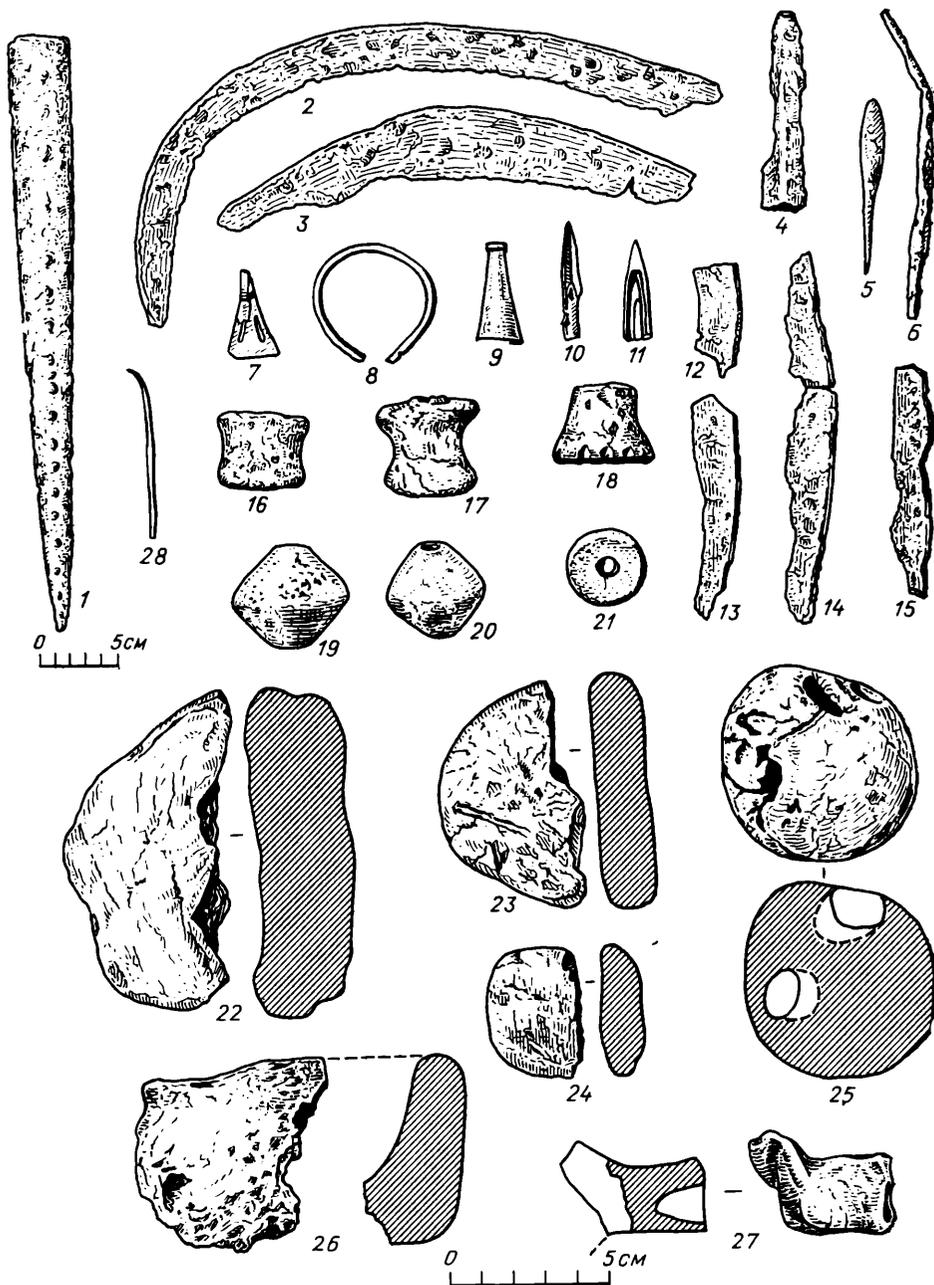

Рис. 2. Городище Переверзево I. Находки из раскопок

1 — лезвие акинака; 2, 3 — серпы; 4 — обломок кося; 5 — орудия типа тесла или стамесочки; 6 — шило; 7 — привеска; 8 — браслет; 9 — колокольчик; 10, 11 — наконечники стрел; 12—15 — ножи; 16—21 — пряслица; 22—24 — лепешки; 25 — блок; 26 — обломок жаровни; 27 — обломок льячки; 28 — игла; 1—6, 12—15 — железо; 7—11, 28 — бронза; 16—27 — глина

нообразна: биконические, в виде катушки, с одним расширенным основанием, плоскоцилиндрические, в виде плоской лепешки, катушковидные со слабым перехватом в середине, плоские из стенок лешных сосудов, трапециевидные и т. д. У нескольких пряслиц около отверстия отмечены потертости от нитей. По-видимому, многие из них употреблялись в качестве грузиков для натяжения нитей в горизонтальном ткацком станке. Найден обломок льячки, от которой сохранилась втулка для насадки рукоятки (рис. 2, 27).

С отправлением каких-то культов следует связать находки глиняных лепешек, блоков и «рогатых» кирпичей. Глиняные лепешки обнаружены в большом количестве, но все в виде обломков. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, большая часть из них была круглой формы диаметром 7,5—10 см (рис. 2, 22, 23), некоторые — овалы шириной до 4 см (рис. 2, 24). У большинства лепешек одна поверхность уплощенная, другая — слабовыпуклая, у некоторых обе поверхности плоские. Глиняные блоки также найдены в обломках. Форма их яйцевидная или круглая, на многих имеются вмятины от пальцев. Лишь один блок сохранился целиком (рис. 2, 25). От «рогатых» кирпичей уцелело несколько верхних частей, выполненных, вероятно, в виде сильно стилизованных головок животных, и куски оснований в форме утюжка.

Все изделия из камня относятся к предметам хозяйственного назначения. Это терочники различной формы (округлые, шестигранные, уплощеннокруглые) и диаметра; фрагменты зернотерок; обломок плоского точильного камня, изготовленного из мелкозернистого песчаника; обломок нижней части оселка; многочисленные куски мергеля со следами обработки. Из мергеля изготовлено колечко, походившее на пряслице.

Поделки из кости представлены только заготовкой для рукоятки ножа.

Предметы из железа немногочисленны, но весьма интересны. Найдено два серпа. Один из них сохранился полностью, за исключением крюка для крепления рукоятки (рис. 2, 2). Наибольший изгиб его лезвия приходится на последнюю треть от рукоятки. Другой серп с почти симметричным лезвием имел меньший изгиб (рис. 2, 3). Разнообразны ножи — с выгнутой спинкой и лезвием (рис. 2, 13, 14), с горбатой спинкой и вогнутым лезвием (рис. 2, 12), со слабовыгнутой спинкой и прямым лезвием (рис. 2, 15). Найдены лезвие акинака (рис. 2, 1), обломок пера копья или дротика (рис. 2, 4) и шило (рис. 2, 6). Необычно небольшое орудие в виде тесла или стамесочки с одной стороны и лопаточки — с другой (рис. 2, 5). Оно могло использоваться при изготовлении украшений и в бронзолитейном производстве для обработки поверхности изделий.

Изделия из бронзы представлены литым тонкопроволочным браслетом с концами, оканчивающимися имитацией головки змеи (рис. 2, 8); колокольчиком, который служил, вероятно, украшением конской уздечки (рис. 2, 9); иглой (рис. 2, 28). Из двух бронзовых наконечников стрел один — с внутренней втулкой башневидной формы, трехлопастный (рис. 2, 11), другой — трехлопастный с выступающей длинной втулкой, по длине почти равной перу, и с шипом на втулке (рис. 2, 10). Оба наконечника датируются VI—V вв. до н. э.

Датировка основного слоя городища VI в. до н. э. подтвердилась в основном и находками 1979 г. Может быть, ее следует несколько расширить, датировав скифоидный слой памятника VI—V вв. до н. э. Подтвердилось и предположение о смене населения в Посеймье, видимо, около середины V в. до н. э. Об этом убедительно говорят ямы, заполненные юхновской керамикой, которые прорезали скифоидный слой, в некоторых случаях совершенно уничтожив остатки более ранних построек.

¹ Указатель городищ, курганов и древних валов.— Труды Курского губернского статистического комитета, 1874.

² Пузикова А. И. Работы Курского от-

ряда в 1972 г.— КСИА, 1975, 142.

³ Ализова А. Е. Древние городища Курского Посеймья.— МИА, 1962, 113, с. 93.

КУРГАНЫ ТАЛДУРА I

На правом берегу р. Талдура, в 5 км к западу от д. Бельтир Кош-Агачского р-на Горно-Алтайской а. о., располагается комплекс курганных групп и прямоугольных оградок. Он тянется вдоль берега реки на запад на расстояние около 1 км. Курганы и оградки разбросаны в разных местах долины. Выделяются две цепочки курганов — Талдура I и II, ориентированные в направлении север — юг и находящиеся в противоположных концах долины, как бы ограничивая с востока и запада этот интереснейший комплекс. Между ними расположены отдельные курганы и каменные оградки квадратной формы, образованные поставленными на ребро каменными плитами, пространство внутри которых заполнено рваным камнем. Оградки относятся к тюркскому времени (VI—VIII вв.), курганы — к раннему железному веку и тюркскому времени.

Часть курганов раннего железного века сопровождается ритуальными поминальными кольцами из врытых в землю вертикально стоящих камней, находящимися к западу от соответствующих им курганов. К востоку от таких курганов иногда есть цепочка из вертикально стоящих камней-балбалов. Некоторые тюркские погребения впущены в курганы раннего железного века.

Курганная группа Талдура I находится на западной окраине описываемого комплекса памятников. Насыпи курганов сложены из камня и слегка задернованы. Здесь были исследованы четыре кургана (2—5), расположенные компактно, в отличие от кургана 1, стоящего несколько в стороне (диаметр его около 9 м, высота около 0,4 м).

Курган 2. Диаметр 6 м, высота 0,5 м от уровня окружающей поверхности и 0,8 м от уровня материка. Насыпь сегментовидной формы, сложена из камней, пространство между которыми заполнено лёссовидным суглинком. В центре насыпи на вершине набросана щебенка. В 20 м к западу от кургана располагался, очевидно, поминальник в виде кольца из пяти вертикально стоявших камней и прилегавшей к нему с западной стороны ритуальной каменной выкладки. В 18 м к востоку от кургана стояли два вертикальных камня, вероятно балбалы, а в 5 м к востоку от последнего камня находилась выкладка из нескольких камней. В основании насыпи попадались древесные угли и обожженные камни — возможно, следы тризны.

Под курганом вскрыто два погребения: впускное — тюркского времени (VIII—IX вв.) с конем, и основное — кенотаф раннего железного века¹. Основное погребение находилось в прямоугольной яме размерами 2,8×2 м, глубиной 1,8 м от уровня материка, ориентированной по линии запад — восток. Стенки ямы наклонны, сходились ко дну в виде усеченного конуса. Заполнение состояло из камней и лёссовидного суглинка. На дне ямы стоял каменный ящик размерами 1,3×0,5 м, высотой 0,45 м, сложенный из четырех каменных плит прямоугольной формы. Ящик ориентирован по направлению запад — восток. В юго-восточном углу ящика найдено 13 золотых бляшек в форме запятой с тисненым орнаментом в виде линейной штриховки (рис. 1, 2), у южной стенки — бронзовый нож (рис. 1, 1). В центре ящика лежал обломок изделия из кости, напоминающий конец псаля (рис. 1, 3). На дне ящика в разных местах были разбросаны позвонки барана — вероятно, остатки ритуальной пищи. Кости человека не обнаружены. Золотые бляшки, по-видимому, были нашиты на какую-то одежду, возможно головной убор, помещенный в восточной части ящика в соответствии с существовавшим ритуалом ориентировки погребенных головой на восток. Такая ориентировка, а также украшения в виде запятой были широко распространены в памятниках пазырыкской культуры Алтая V—III вв. до н. э. Бляшки с тисненым орнаментом найдены в кургане Иссык в Казахстане².

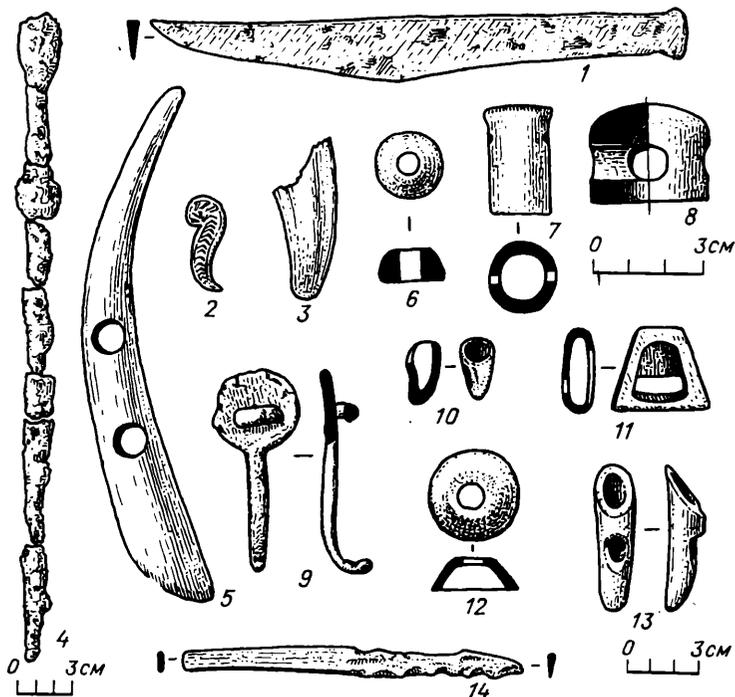

Рис. 1. Талдура I. Инвентарь из курганов 2, 4 и 5

1—3 — курган 2, основное погребение; 4, 9—14 — курган 4; 5—8 — курган 5; 1, 9—12, 14 — бронза; 2 — золото; 3, 5—8, 13 — кость; 4 — железо

Курган 3. Диаметр 5 м, высота 0,2 м, в центре — западина от грабительской воронки диаметром 2 м, глубиной 0,1 м. Высота насыпи от материка 0,4 м. Насыпь сложена из камней, промежутки между которыми заполнены лёссовидным суглинком с мелкими камнями. Под центром кургана — прямоугольная могильная яма размерами 2,85×2,05 м глубиной 2,05 м от уровня материка. Стенки ямы почти вертикальны. Ориентирована она по линии запад — восток. Заполнение — суглинок с крупными и мелкими камнями. На дне ямы — плохо сохранившийся прямоугольный сруб в один венец размерами 1,8×1 м, ориентированный так же, как и могила. Первоначальную высоту сруба установить не удалось. Характер сочленения бревен в углах не прослеживался. Погребение разграблено. Кости человека разбросаны в полном беспорядке. Вещи не обнаружены. Судя по погребальному обряду, курган относится к раннему железному веку.

Курган 4. Диаметр 5 м, высота 0,4 м, в центре — небольшая западина глубиной 0,1 м, образовавшаяся в результате проседания заполнения могильной ямы. Под насыпью — прямоугольная могильная яма с закругленными углами размерами 2,8×1,8 м, глубиной 2,3 м от уровня материка. Ориентирована по линии запад — восток. Заполнение ямы состояло из суглинка с галькой и камнями, а также больших валунов.

На дне ямы, в срубе, находилось погребение. Конское захоронение помещалось вдоль северной стенки ямы, на материковой приступке шириной около 0,55 м, высотой 0,3 м от дна ямы. Конь был положен на живот с подогнутыми ногами, головой на восток, он слегка завалился на левый бок. Во рту коня обнаружены бронзовые однокольчатые удила с костяными двудырчатыми псалями, один конец которых был оформлен в виде головы барса, другой — головы грифона (рис. 2, 11а, б). Изображение головы барса выполнено в реалистическом стиле. Поверхность псалий заполирована. На удилах и псалях — потертости от длительного упо-

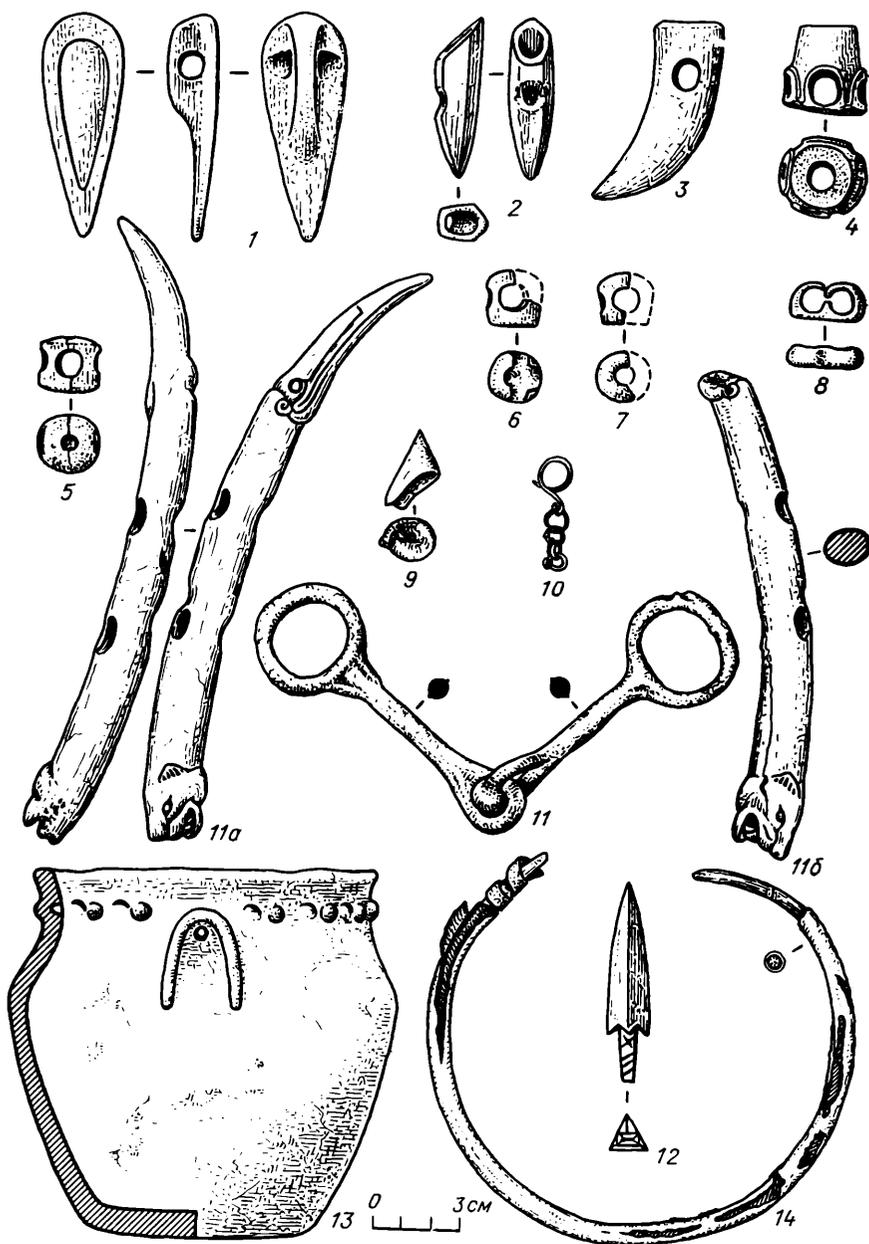

Рис. 2. Талдура I. Инвентарь из кургана 4

1—14 — курган 4; 1—8, 11а, 12 — кость; 9, 10 — золото; 11 — бронза; 13 — глина; 14 — дерево, золото

требления. Под черепом коня найдены две костяные пронизки, под животом — три — очевидно, детали узды и седла.

Костяк человека был помещен в сруб размерами $1,8 \times 0,8$ м, высотой 0,3 м, сложенный из толстых (до 10 см) плах в три венца. Сруб ориентирован по линии запад — восток. Костяк лежал на правом боку с подогнутыми ногами, черепом на восток. У черепа найдены коническая диадема, свернутая из золотого листка (рис. 2, 9), и золотая проволочная серьга (рис. 2, 10), в области шеи — круглая деревянная гривна, обернутая золотым листком (рис. 2, 14). Вдоль правой бедренной кости обнаружены остатки длинного железного ножа или акинака, рассыпавшегося от коррозии (рис. 1, 4). Около него — бронзовый крючок от колчана

(рис. 1, 9). Около берцовых костей лежали вток, по-видимому от чекана (рис. 1, 10), отлитый из бронзы, и бронзовая обойма. Слева в области ступней найдено пять костяных трехгранных черешковых наконечников стрел (рис. 2, 12). Перед лицом погребенного был поставлен лепной плоскодонный сосуд горшковидной формы с налепными ручками и отверстиями для подвешивания (рис. 2, 13), украшенный вдоль венчика рядом чередующихся «жемчужин» и ногтевых вдавлений. Против груди находились позвонки барана и бронзовый нож без выделенной рукоятки (рис. 1, 14).

Курган 5 (рис. 3). Диаметр 6 м, высота 0,4 м от уровня материка или 0,2 м от уровня окружающей поверхности. В центре — западина диаметром 2,6 м, глубиной 0,14 м. Насыпь сложена из валунов, пространство между которыми заполнено суглинком с мелкими камнями. Под насыпью находилась прямоугольная могильная яма размерами 3×2,4 м, глубиной 2,2 м от уровня материка. Заполнение ямы состояло из суглинка с мелкими камнями и многочисленных крупных валунов. На дне ямы — погребение человека в каменном ящике с конем. Костяк коня лежал на животе с подогнутыми ногами, черепом на восток, на оставленной вдоль северной стенки ямы материковой приступке высотой от дна ямы 0,8 м. Около ребер коня найдены три костяные проноски (рис. 1, 6—8) — очевидно, принадлежности седельных ремней.

Погребенный был уложен в каменный прямоугольный ящик размерами 1,55×0,8 м, высотой 0,55 м, сложенный из четырех плит и ориентированный по направлению запад—восток. Сверху ящик был перекрыт каменными плитами, но перекрытие рухнуло, плиты расслоились, и установить их количество невозможно. Погребение разграблено, кости человека лежали в ящике в беспорядке. Можно все же предполагать, что умерший был обращен головой на запад. У южной стенки ящика найдено четыре костяных трехгранных черешковых наконечника стрел с разнообразными нарезками на черешках. В северо-восточном углу ящика обнаружен костяной двудырчатый стержневый псалий (рис. 1, 5), попавший сюда, возможно, из конского захоронения при ограблении могилы. В разных местах ящика встречены позвонки барана — по-видимому, остатки погребальной пищи.

Типологически исследованные погребения принадлежат к двум группам: курганы 3 и 4 — захоронения в срубках; курганы 2 и 5 — захоронения в каменных ящиках. Примечательно, что в обеих группах есть сопровождающие захоронения коней (курганы 4 и 5). Существует мнение, что в каменных ящиках местное население хоронило неимущих, стариков и детей³. Однако обряд захоронения с конем в кургане 5 и богатые золотые украшения в каменном ящике-кенотафе кургана 2 опровергают эту точку зрения. Скорее всего в двух типах захоронений — в срубках и в каменных ящиках — отражены два этнических компонента в составе горноалтайского населения раннего железного века: местный, представленный погребенными в срубках, ориентированными на восток, и пришлый, западный, представленный погребенными в каменных ящиках, ориентированными преимущественно на запад⁴. Истоки западного компонента вероятнее всего искать в сакских памятниках Семиречья и Восточного Казахстана. В этих памятниках к сакскому и усуньскому времени относятся захоронения в каменных ящиках с погребенными, ориентированными на запад. Традиция захоронения в каменном ящике идет здесь с эпохи бронзы⁵. В свое время С. И. Руденко высказал предположение, что скотоводческие племена пришли в Горный Алтай с вполне сложившейся культурой из юго-западных степей примерно в начале VII в. до н. э.⁶ Сейчас можно более определенно говорить о населении этих степей как о казахстанских саках. Погребения с конем для сакских захоронений не характерны. Присутствие конских захоронений в погребениях с каменными ящиками Горного Алтая объясняется воздействием местного горноалтайского населения, для которого обряд захоронения с конем стал типичен с майэмйского этапа⁷. Расположение тех и других погребений в пределах

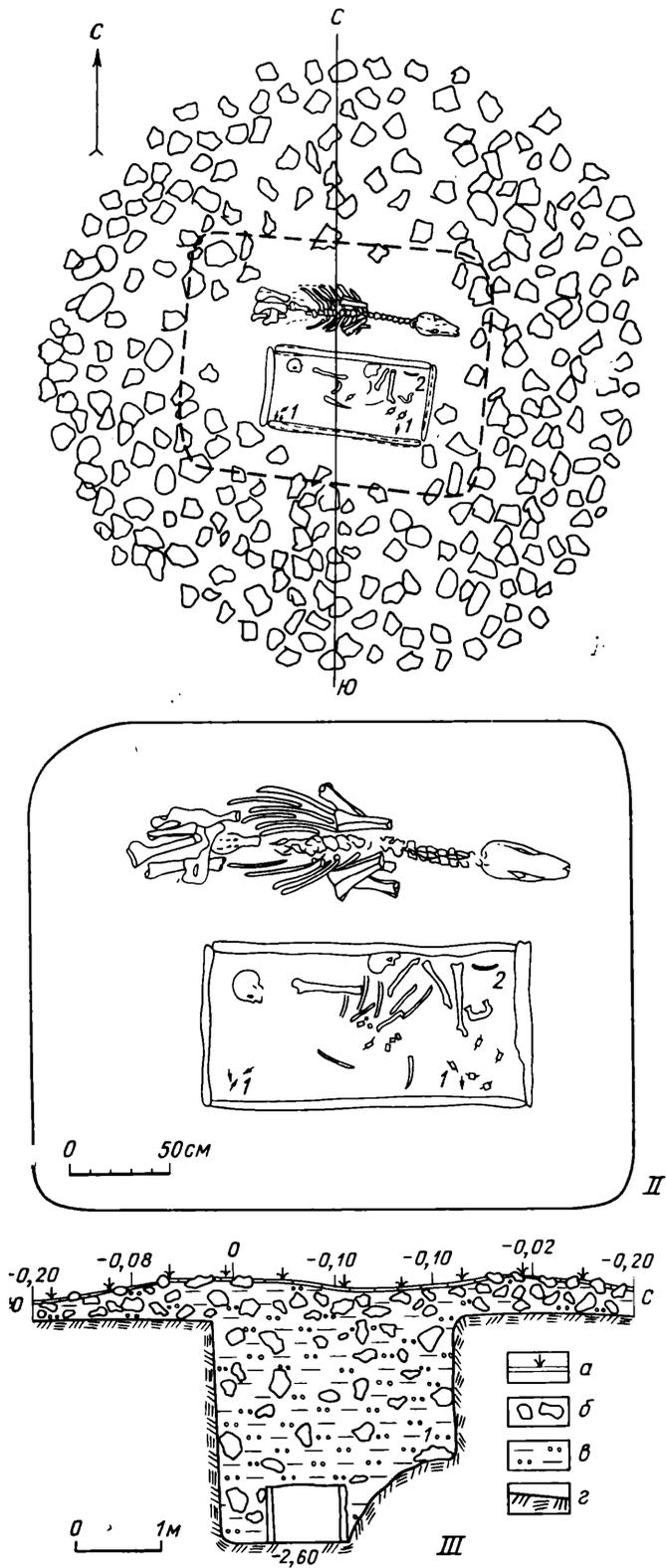

Рис. 3. Талдура I. Курган 5

I — план кургана; II — план могилы; III — профиль кургана и могильной ямы; а — дерн; б — камни; в — суглинок с камнями; г — материк

одного могильника при непосредственном соседстве курганов указывает на процесс смешения и консолидации местного и пришлого этнических компонентов, происходивший около середины I тысячелетия до н. э. Общими этническими корнями населения Горного Алтая и Восточного Казахстана объясняются пазырыкские черты, ярко выраженные в изобразительном искусстве саков на предметах из кургана Иссык⁸.

Инвентарь из описываемых курганов позволяет датировать их временем около VI—V вв. до н. э., скорее всего второй половиной VI — первой половиной IV в. до н. э. Он имеет многочисленные аналогии среди вещей из горноалтайских курганов этого времени. Бронзовые крючок и обойма из погребения кургана 4 (рис. 1, 9, 11) аналогичны найденным в Арагольском кургане⁹, датированном С. И. Руденко серединой VI в. до н. э.¹⁰ Там же встречен бронзовый нож с невыделенной рукояткой¹¹, подобный обнаруженному в кургане 4 (рис. 1, 14). Такие ножи представлены и в материалах памятников тасмолинской культуры Центрального Казахстана VII—VI вв. до н. э.¹² Пройзки в виде столбика для перекрещивающихся ремней (рис. 2, 4—7) широко распространены в комплексах степных кочевников VII—V вв. до н. э.¹³, как и костяные подвески в виде просверленных клыков кабана (рис. 2, 3)¹⁴. Украшения в виде запятой (рис. 1, 2) находят аналогии в материалах из Башадарских курганов¹⁵ и других памятников этого периода. Костяные черешковые наконечники стрел близки стрелам из кургана у д. Черновая¹⁶. Золотая серьга и гривна, обложенная золотым листком (рис. 2, 10, 14), напоминают предметы из Каракольского кургана, датированного С. И. Руденко первой половиной IV в. до н. э.¹⁷ Правда, концы гривны из Каракольского кургана украшены зооморфными головками.

Большой интерес представляет сосуд из кургана 4 (рис. 2, 13). По орнаменту он сходен с керамикой верхнеобских памятников большереченского и бийского этапов¹⁸, а отверстия для подвешивания и усиление стенки дуговидным налепом характерны для посуды кочевнического населения. Определенное сходство с большереченской керамикой по форме и орнаментации треугольными отпечатками имеет керамика из Второго Башадарского кургана¹⁹. Приведенные параллели свидетельствуют о контактах большереченского и горноалтайского населения.

Особенности погребального обряда и керамики указывают на неоднородность горноалтайского населения середины I тысячелетия до н. э., на его контакты с западными и северными этническими группами.

Основные детали конского снаряжения находят аналогии на широкой территории степей Евразии рассматриваемого времени. Псалии (рис. 2, 11а, б) принадлежат к группе, для которой характерно украшение зооморфными головками. Такие псалии известны в пазырыкской культуре Алтая и в древностях скифо-сарматского мира степей²⁰. Большой интерес представляет находка в кургане 4 железного меча (рис. 1, 4). Из-за коррозии точная его форма не установлена. Однако обнаружение его в комплексе, датированном второй половиной VI — первой половиной IV в. до н. э., позволяет сделать заключение, что с середины I тысячелетия до н. э., несмотря на широкое распространение изделий из бронзы, на Алтае появляются уже железные мечи. Но, по-видимому, главным оружием ближнего боя оставались кевцы.

Принимая во внимание погребальный обряд, захоронение под курганами с каменной наброской, восточную ориентировку погребенных, сопровождающие захоронения коней, расположение по соседству с курганами поминальных каменных колец и балбалов, устройство погребальных камер типа срубов, можно отнести курганы группы Талдура I к пазырыкской культуре, испытавшей в этом районе наиболее активное воздействие западного, сакского, этнического компонента, элементы которого отмечены выше. Контакты с севером, с большереченским населением, для этой территории Алтая были, по-видимому, не прямыми и ограниченными, так как констатируются только отдельными деталями керамики.

- ¹ В статье характеризуется только материал раннего железного века.
- ² Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960, с. 163, 250—252; Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978, табл. 1.
- ³ Кубарев В. Д., Гребенщиков А. В. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточно-Алтайского отряда в полевой сезон 1975 г.).— В кн.: Сибирь в древности. Новосибирск, 1979, с. 73.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, с. 89.
- ⁶ Руденко С. И. Культура..., с. 201.
- ⁷ Грязнов М. П. Памятники майэмисского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, 1947, XVIII.
- ⁸ Акишев К. А. Курган Иссык, табл. 25.
- ⁹ Руденко С. И. Культура..., табл. XXII, 1, 9.
- ¹⁰ Там же, с. 336.
- ¹¹ Там же, табл. XXII, 5.
- ¹² Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры.— В кн.: Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Казахстана. Алма-Ата, 1966, рис. 5, 9; 43, 9, 10.
- ¹³ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, рис. 28, 22, 23; 34, 16.
- ¹⁴ Руденко С. И. Культура..., рис. 86; табл. XX, 1—3.
- ¹⁵ Там же, табл. XXIV, 8; XL, 2.
- ¹⁶ Там же, табл. XXI, 4.
- ¹⁷ Там же, рис. 6.
- ¹⁸ Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби.— МИА, 1956, 48, табл. XIII, 3, 9; XXII, 3.
- ¹⁹ Руденко С. И. Культура..., рис. 426.
- ²⁰ Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, табл. VI; IX; XIV; XX; XXI; Смирнов К. Ф. Савроматы, рис. 9, 2г; 15, 5г; 34, 4б; 40, 1в; 77, 1, 2.

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ

КУРГАНЫ-КЛАДБИЩА В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ ЕНИСЕЯ

Саянский каньон Енисея не столь непроходим и необитаем, как кажется на первый взгляд. Участки отвесных скал сменяются небольшими террасами, названия которым даны обычно по впадающим здесь же в Енисей горным речкам. На небольших площадках обнаружено значительное число курганов, свидетельствующих о заселенности этой территории с давних пор. Раскопанные Саяно-Тувинской экспедицией ЛОИА памятники относятся к скифскому, гунно-сарматскому, древнетюркскому, кыргызскому и монгольскому времени.

Все исследованные в каньоне курганы гунно-сарматского времени (так принято иногда называть период в истории юга Сибири со II в. до н. э. по V в. н. э.) относятся к кокзельскому типу памятников¹. Наряду с небольшими сооружениями, под которыми обнаружены керамические сосуды или одиночные погребения, существовали так называемые курганы-кладбища². В могильнике Шугур, расположенном на правобережной террасе Енисея, в 7 км ниже устья р. Хемчик, в 1975—1976 гг. раскопаны курганы, которые по структуре наземного сооружения могут быть рассмотрены как такие курганы-кладбища. В настоящей статье представлены материалы исследований этих объектов.

Курганы 1—5 (рис. 1—3) до расчистки и последующей разборки представляли собой единую каменную насыпь длиной более 20 м, высотой около 1 м, вытянутую с севера на юг. Имевшиеся на поверхности западины указывали на несколько отдельных объектов, пристроенных друг к другу. В процессе разборки развалов наземных сооружений были обнаружены два вертикально установленных камня. Один из них находился между курганами 2 и 3. Размеры его по оси север—юг 0,30 м, по оси запад—восток — 0,17 м, высота от уровня древней поверхности 0,53 м. Он был вкопан на 0,25—0,30 м. Камень развернут широкими гранями на север и юг, не обработан, но слегка подправлен с восточной стороны. Знаки или изображения на нем не обнаружены. Другой камень располагался между курганами 4 и 5. Размеры его по оси запад—восток 0,35 м, по оси север—юг — 0,23 м, высота от уровня древней поверхности 0,77 м.

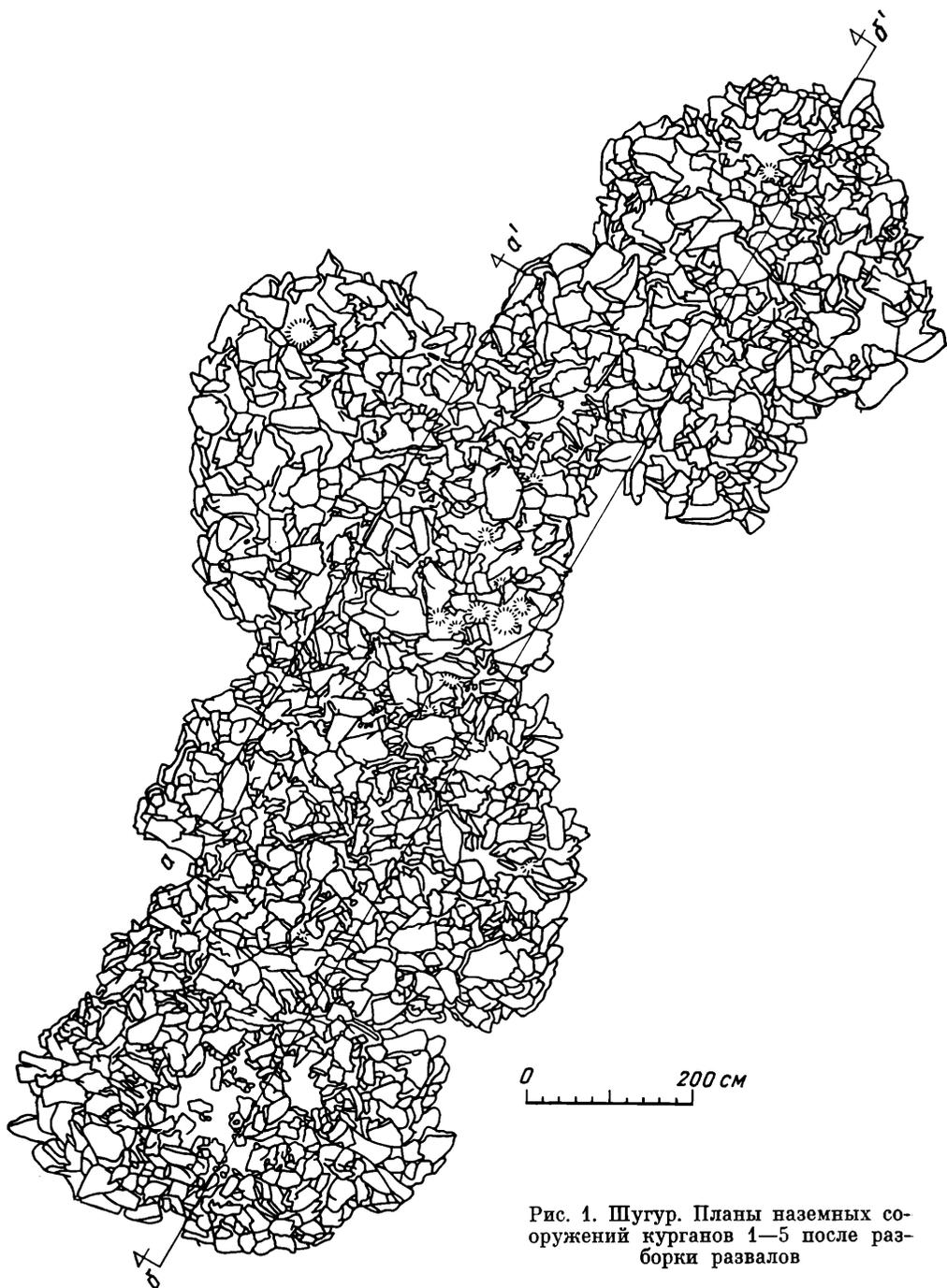

Рис. 1. Шугур. Планы наземных сооружений курганов 1—5 после разборки развалов

Он вкопан на глубину 0,30—0,35 м и установлен, как и описанный — гранями по сторонам света. Камень не обработан. Знаки на нем также не обнаружены.

После разборки развалов выявлено пять отдельных сооружений.

Курган 1. Каменное сооружение овальной в плане формы размерами $4,6 \times 3,5$ м, вытянутое с запада на восток, высота 0,90 м. Стенка-основа сложена в пять-шесть слоев из хорошо подобранного камня. Внешний и внутренний ряды — из крупных камней, забутовка между ними — из мелких. Таким образом, стенка-основа в данном случае двойная. Соору-

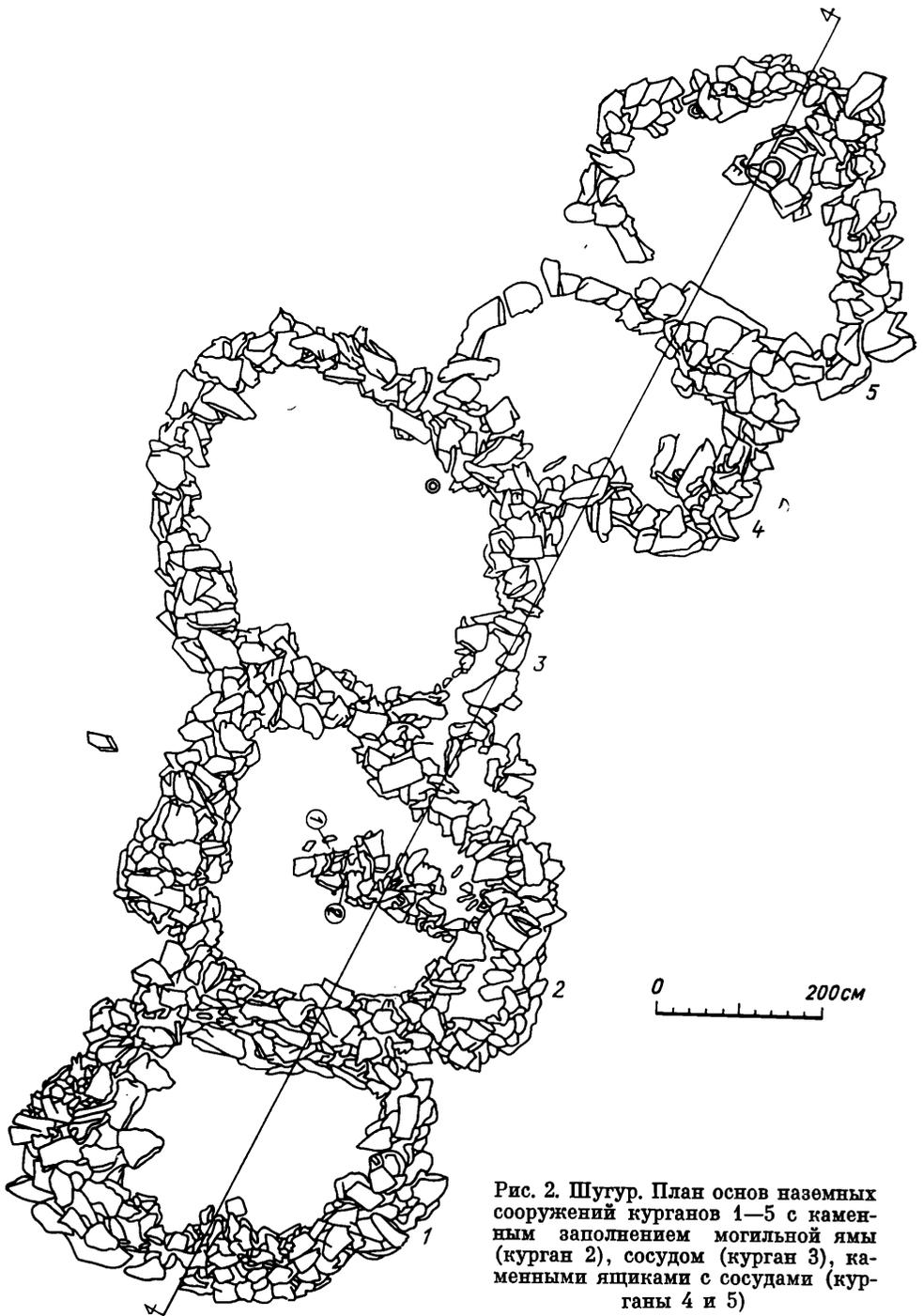

Рис. 2. Шугур. План основ наземных сооружений курганов 1—5 с каменным заполнением могильной ямы (курган 2), сосудом (курган 3), каменными ящиками с сосудами (курганы 4 и 5)

жение пристроено к расположенному севернее кургану 2, поэтому часть северо-восточной стенки не возводилась. Внутренняя площадь заполнялась послойно. У южной стенки на внутренней площади обнаружен керамический сосуд, вкопанный в землю (рис. 4, 1).

Курган 2. Аналогичное каменное сооружение овальной в плане формы размерами $4,0 \times 2,60$ м, вытянутое с северо-запада на юго-восток. Высота 1,20 м. Система кладки стенки-основы такая же, как в кургане 1, но здесь стенка однорядная. Закладка внутренней площади послойная.

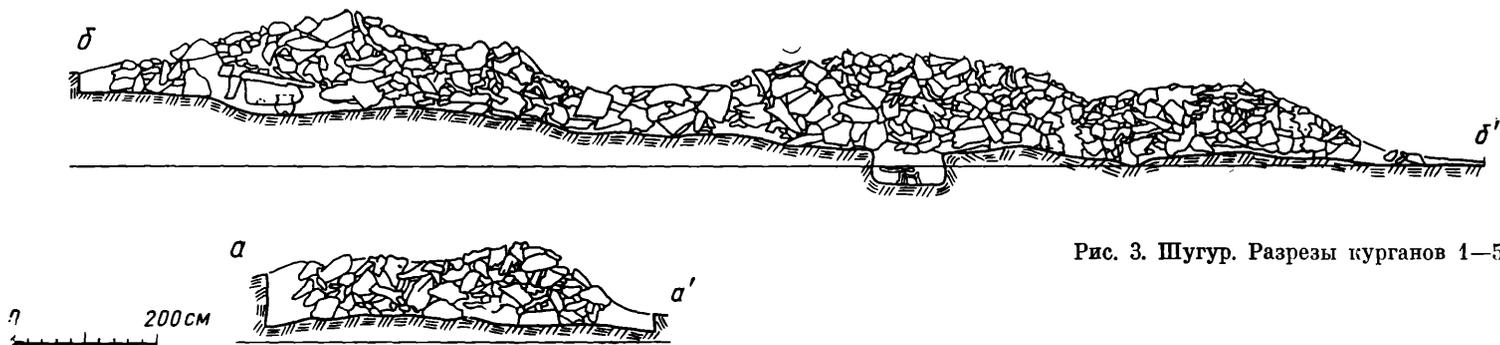

Рис. 3. Шугур. Разрезы курганов 1—5

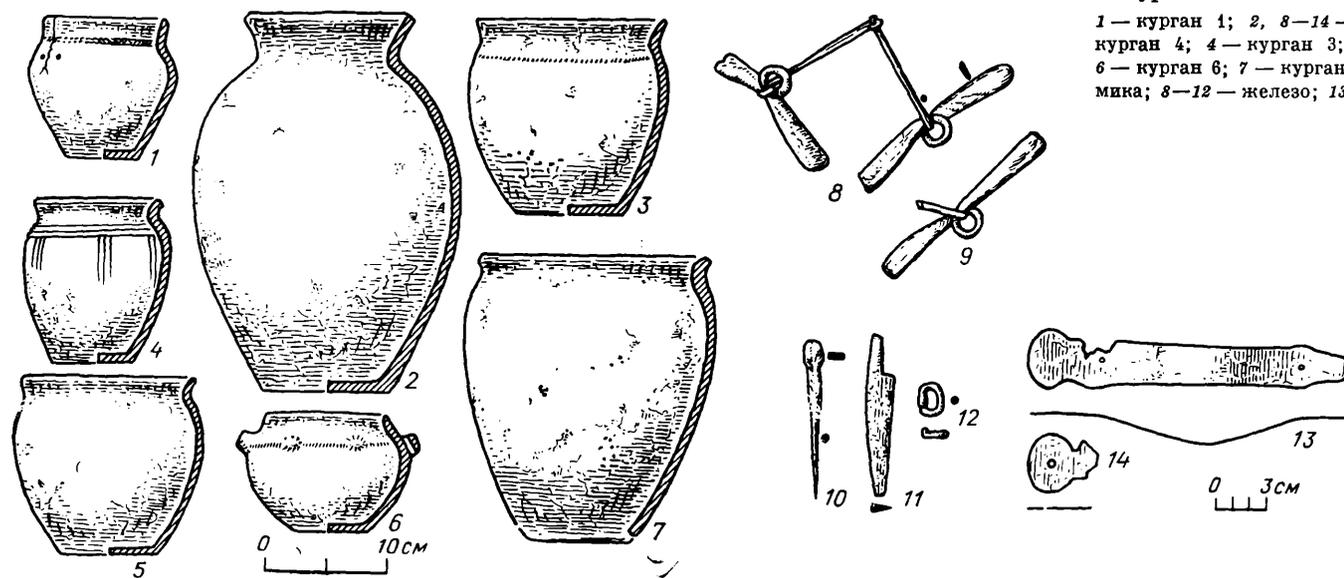

Рис. 4. Шугур. Вещевой материал из курганов

1 — курган 1; 2, 8—14 — курган 2; 3 — курган 4; 4 — курган 3; 5 — курган 8; 6 — курган 6; 7 — курган 5; 1—7 — керамика; 8—12 — железо; 13, 14 — бронза

На уровне древней поверхности обнаружена могильная яма, заполненная в верхней части камнями, среди которых найдены фрагменты раздавленного керамического сосуда (рис. 4, 2); целая и фрагментированная бронзовые пластины (рис. 4, 13, 14), относящиеся, возможно, к конскому снаряжению; железный черешковый наконечник стрелы, прямоугольный в сечении (рис. 4, 10). Форма ямы прямоугольная со скругленными углами, размеры ее $2,07 \times 0,98$ м, глубина — 0,40 м, ориентировка по линии северо-запад — юго-восток. На глубине 0,25 м обнаружены остатки трех широких деревянных плах, перекрывавших погребение человека. Погребенный был вытянут на спине, головой на северо-запад. Голова покоилась на камне-подушке.

Слева от останков человека, у плеча и у колена, были положены задняя нога барана с частью таза и курдючная часть, около которой находился маленький железный нож (рис. 4, 11). У локтя левой руки найдены железные двусоставные удила с пропеллеровидными псалиями (рис. 4, 8) и фрагмент удила с таким же псалием (рис. 4, 9). Среди костей таза лежала железная поясная пряжка с обломанным язычком (рис. 4, 12).

Курган 3. Каменное сооружение овальной в плане формы, вытянутое с северо-запада на юго-восток. Размеры его $5,0 \times 4,40$ м, высота — 0,80 м. Стенка-основа сложена в два-три слоя из крупных, плохо подогнанных друг к другу камней. Часть стенки общая с курганом 2. Закладка внутренней площади послойная. У северной стенки на внутренней площади вкопан в землю керамический сосуд с прочерченным орнаментом (рис. 4, 4).

Курган 4. Каменное сооружение овальной в плане формы, ориентированное так же, как курган 3. Размеры его $5,0 \times 4,20$ м, высота — 1,30 м. Стенка-основа однорядная, в два-три слоя, из плохо подогнанных друг к другу камней. Внутренняя площадь заполнялась послойно. У юго-восточной стенки, с внутренней стороны, — каменный ящик из установленных вертикально на уровне древней поверхности уплощенных обломков горных пород, ориентированный углами по сторонам света. Размеры ящика $0,7 \times 0,55$ м, высота — 0,20 м. Северо-западной стенки у него не было. По-видимому, сверху он был перекрыт плитой. В ящике обнаружен керамический сосуд, стоявший на уровне древней поверхности (рис. 4, 3).

Курган 5. Каменное сооружение овальной в плане формы, вытянутое в направлении северо-запад — юго-восток. Размеры его $4,60 \times 3,80$ м, высота — 1,30 м. С севера прослежен один слой стенки-основы, с юга — юго-востока — два-три. Часть стенки была общей с курганом 4, но рассматриваемый курган возведен несколько раньше. У северо-восточной стенки, с внутренней стороны, находился ящик из уплощенных обломков горных пород, установленных вертикально на уровне древней поверхности. Ящик квадратный в плане, размерами $0,7 \times 0,7$ м, ориентирован углами по сторонам света. Он был закрыт плитой, опиравшейся на стенки. Внутри ящика обнаружен керамический сосуд, вкопанный на 0,30 м в землю и закрытый каменной плиткой (рис. 4, 7). Рядом с ним на дне ямки лежали железные удила с пропеллеровидными псалиями, аналогичные найденным в кургане 2.

Порядок возведения рассмотренных объектов, вероятно, был следующим: первоначально был сооружен курган 2, затем — курганы 1 и 3. Курган 5 сооружен раньше кургана 4. Основанием для такого заключения служат кладки стенок-основ. Курган 2 имеет замкнутую стенку, представляющую в плане полный овал. Камни, образующие стенку кургана 1, торцами подходят с южной стороны к кладке предыдущего сооружения. Внешний ряд прерывается. Примыкают к стенке сооружения 2 и образуют параллельную с ней линию камни закладки внутренней площади. Такая же картина наблюдается и на северном участке стенки, где к кургану 2 примыкает курган 3. Курган 4 не имеет полной замкнутой стенки, примыкая с юго-восточной стороны к последнему сооружению. Участок стенки-основы кургана 4, параллельный кургану 3, сильно раз-

рушен, и установить их взаимоотношение не удалось. Промежуток времени между сооружением построек, видимо, был незначительным, так как кладки, державшиеся только за счет подбора камней друг к другу, без какого-либо скрепляющего раствора, не успели разрушиться.

Еще одна каменная, слабо задернованная насыпь высотой около 1,5 м и размерами 9×7,4 м была сильно потревожена в последнее время. Уже до начала работ не было уверенности, что при разборке ее удастся выявить конструкции отдельных сооружений. Среди камней развала с западной стороны обнаружено три вертикально установленных камня, обращенных гранями по сторонам света. Все они вкопаны на глубину 0,15—0,20 м от уровня древней дневной поверхности. Высота камней 0,90 м; 0,75 м; 0,65 м при ширине граней 0,25—0,30 м и 0,15—0,20 м. Никаких знаков или рисунков на камнях не было. У южной оконечности сооружения, под камнями развала, обнаружены раздавленный керамический сосуд горшковидной формы с двумя прочерченными линиями по плечикам и два зольных пятна диаметром около 0,30 м каждое.

Можно предположить, что первоначально здесь имелись три отдельные каменные конструкции овальной в плане формы, вытянутые с запада на восток (курганы 6—8). Стенки-основы их сложены, вероятно, в пять-шесть слоев. Под северо-восточной частью кладки (предположительно курган 6) находился вкопанный ниже уровня древней поверхности керамический сосуд, закрытый каменной плиткой (рис. 4, б), под юго-западной частью (курган 8) — еще один сосуд (рис. 4, 5).

Ряд моментов — вертикально установленные камни, следы кострищ, погребальный обряд, сопроводительный инвентарь, керамика, система возведения наземных сооружений — позволяет рассматривать раскопанные объекты как курганы, идентичные курганам-кладбищам, исследованным в могильнике Кокэль С. И. Вайнштейном и В. П. Дьяконовой. Возникшее при раскопках могильника Кокэль предположение о том, что над каждой отдельной могилой больших курганов-кладбищ сооружали особые наземные конструкции из валунов и обломков горных пород³, подтвердилось и при изучении объектов могильника Шугур.

Для погребального обряда кокэльского типа (имеются в виду памятники II—V вв. н. э.) характерны вытянутые на спине труположения в гробах и грунтовых ямах, ориентированные в большинстве случаев головой на запад и северо-запад. Очень часто погребальные курганы имеют поминальные дополнения. Выделяются особые поминальные курганы, под наземными сооружениями которых находят керамические сосуды. Большое количество поминальных курганов по сравнению с погребальными обычно вызывает сомнения в тщательности их исследования. В Саянском каньоне по крайней мере 75% умерших не были доставлены к месту захоронения, судя по кенотафам. Никакие следы захоронений по обряду трупосожжения в изучавшихся здесь памятниках также не встречены. Эти объекты следует все же связывать с не ясными для нас поминальными обычаями.

Из инвентаря погребения в кургане 2 наиболее интересны железные удила с пропеллеровидными псалиями. Такие же обнаружены в каменном ящике с горшковидным сосудом. Датировка их II—V вв. н. э.⁴ совпадает с хронологическими рамками, определяемыми по керамическому материалу.

Керамический комплекс составляют лепные сосуды вазообразной и горшковидной форм и сосуд с округлым туловом и налепными ушками. Этому своеобразному сосуду (рис. 4, б) мы не нашли аналогий среди тувинских материалов, но подобная форма — горшки хорошей выделки, лощеные, с прямым горлышком, парой характерных ушек для подвешивания, вертикальными насечками по плечикам — встречается в памятниках тепсейского этапа таштыкской культуры Минусинской котловины, датруемого III—V вв. н. э.⁵ Вазообразный черноглиняный сосуд вытянутых пропорций (рис. 4, 2) не орнаментирован. Миниатюрный красноглиняный вазообразный сосуд украшен прочерченным орнаментом, напоминающим

характерный для Тувы гунно-сарматского времени арочно-лопастный (рис. 4, 5). Горшковидные черноглиняные сосуды со слабовыраженными плечиками и отогнутыми или прямыми венчиками имеют несколько вариантов орнамента: две прочерченные полосы по плечикам; полоса наколов по плечикам; две полосы наколов по шейке (рис. 4, 1, 3).

Вазообразные и горшковидные сосуды находят многочисленные аналогии в памятниках Тувы, в том числе среди керамических изделий курганов-кладбищ Кокэля (КЭ-7, 65—I в. до н. э.; КЭ-57—III—IV вв. н. э.⁶; КЭ-11 — верхняя хронологическая граница II—V вв. н. э.).⁷ Одним из показателей поздней даты кургана 11 могильника Кокэль служит отсутствие орнамента на вазообразных сосудах⁸.

Таким образом, в соответствии с датировкой керамического материала и железных удил нам кажется возможным определить время курганов-кладбищ могильника Шугур II—V вв. н. э.

Проведенные в Саянском каньоне Енисея археологические исследования показывают, что эта территория была заселена почти непрерывно. Немногочисленные обитатели каньона были связаны с населением других районов Тувы, в том числе долины Хемчика, имели какие-то контакты с носителями таштыкской культуры, возможно, используя для связей с Минусинской котловиной путь по Енисею. Наиболее активной была жизнь в начальной части каньона, примыкающей к территории Тувы. Повидимому, естественной границей, разделяющей Туву и Минусинские степи, являлась р. Ус. На участке между устьем р. Ус и выходом Енисея из Саянских гор погребальные памятники не обнаружены, тогда как памятники, расположенные выше устья р. Ус, несомненно, относятся к тувинскому кругу археологических культур.

¹ Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, 1971, XV, с. 101.

² Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до н. э.— первых веков нашей эры.— Труды ТКАЭН, 1966, II, с. 185—292; Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сын-чирекской культур).— Труды ТКАЭН, 1970, III, с. 7—79; Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.).— Там же, с. 80—209; Дьяконова В. П. Археологические рас-

копки на могильнике Кокэль в 1966 г.— Там же, с. 210—238.

³ Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища..., с. 193.

⁴ Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы.— Вестник МГУ, 1958, 4, с. 96.

⁵ Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции 1968 г.).— АСТЭ, 1971, 13, с. 96, 99, рис. 1, 5, 7.

⁶ Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль..., с. 254—255.

⁷ Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища..., с. 195.

⁸ Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, с. 96.

Ю. С. ГРИШИН

О ЛИТЕЙНЫХ ФОРМАХ ИЗ ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ ТАЙГИ

В эпоху бронзы и раннего железа в области восточносибирской тайги получили значительное распространение многие существенно отличные от других сибирских медно-бронзовые изделия специфического облика (ножи, копья, кинжалы, отдельные украшения и др.). Среди них выделяются и по отличительным особенностям, и по распространенности кельты красноярско-ангарских типов¹. От более южных степных их отличают некоторые признаки — прежде всего характерная геометрическая орнаментация, часто представленная рельефными рядами горизонтальных и

вертикальных линий в сочетании с вписанными друг в друга треугольниками, а также иногда глазчатыми овалами.

Однако до настоящего времени в литературе довольно скупо и неполно отражались сведения о находках в восточносибирской тайге литейных форм для изготовления отмеченных медно-бронзовых изделий, в том числе кельтов. Опубликованные данные касаются в основном соседних областей Западной и Южной Сибири². Между тем, отдельные находки различных частей таких форм хорошо представлены, в частности, в некоторых старых музейных коллекциях (Енисейский и Красноярский музеи). На них и следует остановиться, так как они помогают определить характер используемых литейных форм и, следовательно, в значительной мере степень развития бронзолитейного производства в восточносибирской тайге в рассматриваемое время.

В Енисейском музее хранятся две массивные створки бронзовой литейной формы для отливки большого вытянутого кельта красноярско-ангарского типа³. Длина их 21 см, ширина — около 6 см. Форма самого кельта прямоугольная. В средней и нижней частях створок имеются «вырезы» для получения рельефного орнамента в виде двух глазчатых овалов с точкой в центре, располагающихся ниже трех поперечных горизонтальных и отходящих от них перпендикулярно вниз вертикальных линий, между которыми заключены две пары вписанных друг в друга треугольников (рис., 1). Створки формы не имели ни специальных приспособлений для скрепления между собой, ни литниковых отверстий. Можно предположить, что для этих целей использовались специальные бронзовые зажимы с литниковой воронкой, подобные найденным в Минусинской котловине⁴. Не исключено также, что сами створки как-то связывались друг с другом или же просто прочно закреплялись в плотной почвенно-глинистой массе, а литниковые отверстия делались в сердечнике, предназначенном для образования втульчатой полости кельтов. Отливаемые в таких створках кельты, судя по исследованиям Г. А. Максименкова, относятся ко времени первой стадии тагарской культуры по С. В. Киселеву, т. е. к VII—V вв. до н. э.⁵

Имеются сведения о находках в Якутске каких-то литейных форм, в которых отливались кельты своеобразной формы, украшенные у втулки выпуклой полоской с округлыми бугорками на ней, близкие, по мнению А. П. Окладникова, карасукским и ананьинским кельтам. Там же найдены и глиняные сердечники скорее всего для отливки копий⁶. Использование глиняных сердечников (один из них, в частности, зафиксирован в недолитом, явно бракованном ложноушковом кельте красноярского типа карасукского времени, найденном у Красноярска)⁷, позволяет достаточно уверенно высказать предположение о широком применении в периоды поздней бронзы и раннего железа в лесной полосе Восточной Сибири глиняных литейных форм. Это подтверждается и некоторыми восточносибирскими кельтами с как бы смазанным, нечетко выраженным орнаментом.

О бытовании здесь в то время каменных литейных форм может свидетельствовать находка на стоянке Чадобец, расположенной на одноименном притоке Ангары, узкого, сделанного из темно-серого сланца, несколько поломанного сердечника овального сечения с расширенным прямоугольным навершием, которое должно было закрепляться в верхних частях створок литейной формы (рис., 2). Длина этого сердечника 8,5 см, ширина стержня без навершия около 1 см⁸. По размерам, форме и пропорциям он скорее всего предназначался для отливки широко известных в Сибири долот карасукско-тагарского времени⁹. На этот период указывают и находящиеся вместе с ним в одной коллекции отдельные фрагменты глиняных сосудов, украшенные рядами параллельных тонких валиков¹⁰. Такая керамика в ближайших районах Якутии характерна для усть-мильской культуры, датируемой в основном I тысячелетием до н. э.¹¹

Находки глиняных и каменных сердечников не исключают возможно-

сти использования их в комбинированных, т. е. изготовленных из разных материалов, литейных формах: например, глиняных сердечников в каменных створках или же наоборот.

Таким образом, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в бронзолитейном деле периодов поздней бронзы и раннего железа в лесной полосе Восточной Сибири, как и в некоторых других ее областях, использовались каменные, глиняные и металлические литейные формы. Особенно большое значение имело внедрение в бронзолитейное производство металлических литейных форм, фиксируемых на данной территории по крайней мере с начала тагарского времени. Важность этого нововведения с технической стороны заключалась в том, что высокая теплопроводность металла ускоряла процесс кристаллизации и способствовала получению отливок с плотным мелкокристаллическим строением. Поэтому отливки, изготовленные литьем в металлические формы, по качеству были гораздо лучше, чем отливки, получаемые в глиняных или каменных литейных формах. Высокая прочность металлических форм позволяла пользоваться ими дольше, чем каменными, не говоря уже о глиняных, а кроме того, вероятно, получать модели отливаемых предметов из более легкоплавкого металла (свинца) для последующего изготовления по ним глиняных литейных форм. В свою очередь это может свидетельствовать о переходе к выделке массовой продукции¹².

Металлические литейные формы впервые появляются в западных и южных областях Сибири в конце карасукского времени¹³. Находки таких форм начала тагарской эпохи в отдаленных районах восточносибирской тайги говорят об установившихся прочных контактах древнесибирского населения рассматриваемого времени в области развития бронзолитейного производства, о широком обмене опытом металлообработки.

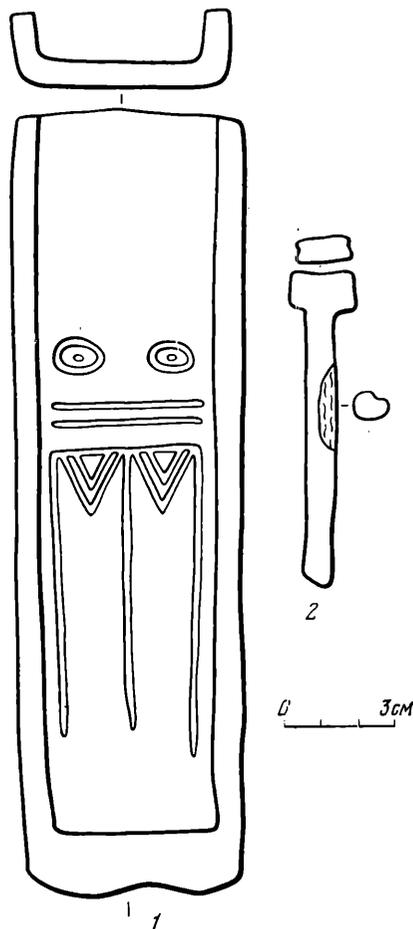

Рис. Створка бронзовой литейной формы для отливки кельта (1) и каменный сердечник литейной формы (2)

¹ Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов.— СА, 1960, № 1, с. 148—162.

² Там же, с. 153, рис. 8, 1; *Окладников А. П.* История Якутии. М., 1955, с. 152; *Матющенко В. И.* К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи.— СА, 1959, № 4, с. 162, 163, рис. 3, 4; *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху.— МИА, 1960, 90, с. 144—147; *Он же.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы.— САИ, 1971, вып. ВЗ-12, табл. 4, 15; 10, 1; 11, 4; 12, 10; 13, 17; 14, 13; *Он же.* О некоторых сибирских металлических

литейных формах эпохи бронзы и раннего железа.— КСИА, 1971, 127, с. 111—113; *Он же.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975, табл. XVIII, 7—10.

³ Енисейский краеведческий музей, инв. № 269.

⁴ *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху, рис. 8.

⁵ Максименков Г. А. Бронзовые кельты..., с. 155.

⁶ *Окладников А. П.* История Якутии, с. 152; *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири..., с. 41.

- ⁷ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири..., с. 21, 69.
⁸ Красноярский краевой музей, инв. № 187-2.
⁹ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири..., с. 22, 23.
¹⁰ Красноярский краевой музей, инв. № 187-1.
¹¹ Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Романова Е. Н., Семенцов А. А. Много-слойная стоянка Белькачи I и ее значение для построения абсолютной

- хронологии древних культур Северо-Восточной Азии.— В кн.: По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970, с. 24; Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии.— В кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975, с. 44, 46, 48, 49.
¹² Гришин Ю. С. О некоторых сибирских металлических литейных формах..., с. 112, 113.
¹³ Там же, с. 111.

Г. А. БРЫКИНА

МОГИЛЬНИК КАЙРАГАЧ В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ

Во время разведок в юго-западных предгорьях Ферганской долины в 1958 г. Ю. А. Заднепровский, помимо многочисленных поселений, обнаружил ряд могильников¹. К их числу относится могильник на юго-западной окраине кишлака Кайрагач. Он занимает третью надпойменную террасу левого берега р. Ходжа-Бакырган, рассеченную глубокими оврагами и имеющую слабый уклон к реке от подножия хребта, который ограничивает долину с юга и юго-запада. В могильнике насчитывается более 200 курганов, сооруженных на восьми площадках террасы. Количество курганов на площадках различно — от восьми на первой площадке до 46 на второй. В 2 км к юго-востоку от могильника находится обширное неукрепленное поселение, расположенное, как и могильник, на высокой террасе. В центре его, на мысе, образованном пересохшим саем и рекой, открыта укрепленная усадьба. За девять полевых сезонов памятник этот раскопан почти полностью. Здесь исследованы сооружения шести периодов, расчлененные четко стратиграфически. В один из первоначальных периодов в здании был культовый комплекс, в котором стояли скульптуры, олицетворявшие местных богов².

Первые раскопки могильника проведены Ю. А. Заднепровским. Он вскрыл на четвертой площадке десять курганов с захоронениями в катакомбах и датировал их первыми веками нашей эры³.

С 1976 г. раскопки могильника ведутся автором настоящей статьи. За три полевых сезона исследовано 36 курганов (20 — на второй площадке, семь — на четвертой и девять — на пятой). Получена достаточно представительная серия находок, позволяющая определить место могильника среди других аналогичных памятников, высказать суждения о времени возведения курганов, о динамике развития могильника, этнической и культурной принадлежности оставившего его населения.

На второй площадке курганы располагаются очень близко друг от друга, порой их насыпи сливаются. Установить какую-либо закономерность в их расположении невозможно. Среди них есть семь больших курганов диаметром 15—18 м, высотой около 0,8—1 м.

В курганах открыты захоронения в катакомбах. Конструкция всех сооружений одинакова: во всех курганах погребальная камера располагается перпендикулярно по отношению к дромосу. Входы в камеру имеют вид овальной или прямоугольной арки и, как правило, заложены крупными камнями. В двух курганах для закладки входа дополнительно использовался длинномерный сырцовый кирпич тех же размеров, что и на поселении: 35×17×10; 40×20×10 см. В 19 курганах из 20 дромосы вытянуты по направлению север — юг с очень незначительным отклонением к востоку или западу, и только в одном кургане дромос ориентирован по линии северо-запад — юго-восток. Вход в эту катакомбу был в северо-за-

падной стене. В 15 катакомбах входы в камеру находились в южной или юго-западной стенах, в четырех — в северной стене дромоса. Во всех курганах при переходе из дромоса в камеру имелся порог высотой от 0,30 до 0,90 м. Погребенные лежали преимущественно (10 курганов) в вытянутом положении на спине, головой на восток, в пяти курганах — на юго-восток, в двух — на северо-восток, в одном (22а) — на северо-запад. В кургане 8 погребенный был положен на левый бок с подогнутыми ногами (рис. 1, 3). В кургане 27 кости ног у погребенного скрещены (рис. 1, 4). Руки, как правило, чуть согнуты в локтях или раскинуты в стороны, или лежат на тазовых костях.

Во всех курганах обнаружены одиночные захоронения. Исключение представляет курган 14. Первоначально здесь в катакомбе была погребена женщина и одновременно с ней на древнем горизонте — двое детей. Позднее кости женского скелета были сдвинуты, свод камеры разрушен, а в ней погребен взрослый человек, костяк которого лежал на подсыпке на 0,10 м выше пола камеры.

На четвертой площадке располагалось 34 кургана. С юго-запада площадку ограничивает горная гряда, с юга и северо-запада — глубокие лощины с крутыми склонами. В настоящее время площадку в северо-восточной части прорезали современные траншеи, и часть курганов оказалась разрушенной ими. Ю. А. Заднепровский, проводивший здесь раскопки, пытался проследить закономерность в расположении курганов. Он отмечал, что небольшие курганы диаметром 5—6 м группируются вокруг больших⁴. Нам такую закономерность установить не удалось.

В этой группе курганов под лёссовыми насыпями открыты захоронения в катакомбах такой же конструкции, как и на второй площадке. Дромосы прямоугольные, прямоугольные со скругленными углами или трапециевидной формы. Преимущественная ориентировка их — северо-запад — юго-восток. В одном кургане ориентирован с северо-востока на юго-запад, в другом он не сохранился, но можно предположить его меридиональную ориентировку. В пяти курганах входы в катакомбу находились в северо-восточной стене дромоса, в двух — в юго-восточной, в одном — в северо-западной. Входы заложены крупными камнями. При переходе из дромоса в катакомбу имелись высокие пороги. В четырех курганах погребенные лежали в вытянутом положении, руки согнуты в локтях и положены на тазовые кости. В одном случае погребенный лежал в позе «всадника», в другом — руки и ноги умершего раскинуты в стороны. В кургане 32 погребенный был положен в скорченной позе на левом боку, головой на северо-восток (рис. 1, 6). Ориентировка погребенных северо-восточная, юго-восточная и восточная, как и в курганах, исследованных Ю. А. Заднепровским⁵.

Пятая площадка с курганами расположена к северо-западу от четвертой. Она имеет длину 240 м и ширину 145 м, вытянута с юго-запада на северо-восток, понижается к северу. В северной части площадки находится сооружение, огражденное с юго-запада рвом и невысоким валом. В его северном углу — круглые в плане всхолмления, напоминающие курганы. Характер сооружения неясен. Около восточного края площадки расположены два четырехугольных в плане сооружения. На этой площадке насчитывается 36 курганов. В их размещении прослеживается определенная система. Они располагаются группами, включающими от трех до восьми насыпей. В каждой группе выделяется один большой курган диаметром до 15 м и высотой 1,2—1,3 м. Остальные курганы меньше. Насыпи имеют более четкие очертания, чем у курганов на второй и четвертой площадках. Вокруг них прослеживаются ровики глубиной 0,10—0,15 м, шириной до 0,30 м.

В центре площадки открыто единственное в могильнике погребение в подбое (курган 11). Узкая входная яма вытянута с севера на юг, могила находится к западу от нее. Погребенный был положен на спину, головой на юго-восток. Под восемью курганами открыты захоронения в глубоких катакомбах, вырытых в материке. В погребальные камеры вели

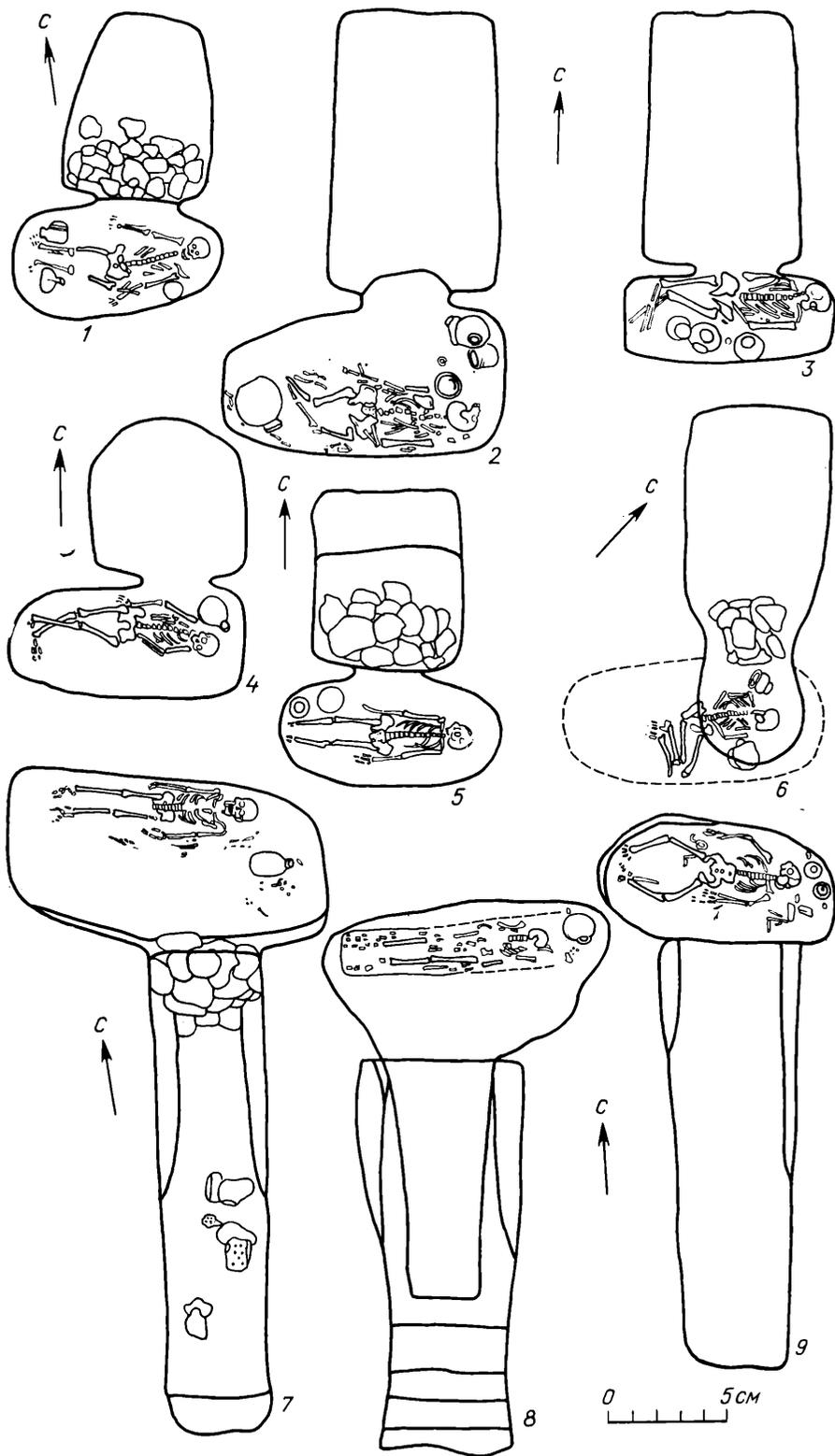

Рис. 1. Кайрагач. Планы погребений

1 — курган 26; 2 — курган 21; 3 — курган 8; 4 — курган 27; 5 — курган 34; 6, 7 — курган 32;
 8 — курган 33; 9 — курган 17; 1—4 — курганы на второй площадке; 5, 6 — курганы на чет-
 вертой площадке; 7—9 — курганы на пятой площадке

дромосы длиной от 2,7 до 4,5 м и глубиной от уровня материка до 2 м. На стенках дромосов отчетливо видны следы мотыг с широкими лезвиями, использовавшихся при рытье могил. В шести курганах дромосы удлиненной прямоугольной формы, а в двух — трапецевидные, расширяющиеся ко входу в катакомбу. В трех курганах вдоль длинных стен от входа в катакомбу и примерно до середины длины тянутся треугольные в плане заплечики, а в одном заплечики есть только у одной стены. В трех курганах около торцовой стены находились ступени.

Дромосы ориентированы по линии запад — восток с незначительным отклонением к северу (два), север — юг (четыре), север — юг с незначительным отклонением к западу (один) и север — юг с отклонением к востоку (один). Входы в катакомбы в двух случаях находились в западной стене дромоса, в остальных — в северной. Пол дромосов ко входу понижается, при переходе из дромоса в катакомбу обычно высокие пороги. Входы в катакомбы невысокие, прямоугольные или полуовальные, заложены камнями, а в одном кургане, кроме того, сырцовыми кирпичами, положенными в шесть рядов на пол камеры перед входом. Во всех курганах овальные и четырехугольные в плане катакомбы расположены перпендикулярно к дромосу. В кургане 32 катакомба имеет вид треугольника со скругленными углами, обращенного вершиной к дромосу (рис. 1, 8).

Интересен курган 5. В нем катакомбы находились в обоих концах дромоса. В северной стене прямоугольный вход вел в обширную овальную камеру (ее длина 2,7 м, ширина — 1,4 м). Погребенный был положен в вытянутой позе, головой на юго-восток. В головах стоял тонкостенный гончарный кувшин. При погребенном были бусы, черный и зеленый бисер. В южной стене дромоса находился вход во вторую, овальную катакомбу, заполненную рыхлой супесью, в которой встречены мелкие древесные угли. На стенках видны следы огня. Погребения в этой катакомбе не оказалось.

Во всех катакомбах погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на восток, юго-восток или северо-восток. В кургане 17 умерший лежал в позе «всадника». При погребении его ноги, видимо, были подогнуты в коленях, а после того как связки разложились, кости ног приняли ромбическое очертание. Левая рука его вытянута вдоль тела, правая — чуть согнута в локте (рис. 1, 9).

Под костяками видны следы ислетшей тростниковой подстилки. В кургане 32 темный древесный тлен отмечен около черепа и грудной клетки. В кургане 33 погребенный был положен в гроб прямоугольной формы длиной 2 м, шириной 0,40 м (рис. 1, 8). Почти во всех курганах обнаружены кости барана — лопатка и передняя нога. В одном случае они лежали в ногах погребенного, в остальных — слева от черепа.

Самый большой курган на пятой площадке — курган 3. Можно предположить, что он был и самым богатым. Он оказался ограбленным в древности. Из этого погребения происходят прямоугольные костяные пластинки с отверстиями (рис. 2, 14, 15), костяные обкладки лука, массивная биконическая застежка из мергеля с желобком посередине (рис. 2, 4), цилиндрическая железная пуговица в золотой обкладке (рис. 2, 6), каменное пряслице.

Инвентарь в захоронениях всех групп сравнительно беден и однообразен. Обычную находку составляет глиняная посуда. В курганах на второй и четвертой площадках она в основном гончарная. Это большие и средних размеров широкогорлые кувшины без ручек, с валиком в верхней части тулова (рис. 3, 4), полусферические и цилиндро-конические чаши небольших размеров с хорошо выраженным поддоном (рис. 3, 2, 3), фляги с ручками и без них (рис. 3, 6), изящные кубкообразные сосуды на высоких ножках, украшенные прочерченным орнаментом в виде запутрихованных треугольников (рис. 3, 1, 5). Сосуды этого типа находят аналогии среди керамики из могильников юго-западной Ферганы и большими сериями представлены в могильниках Карабулак⁶, Тура-Таш⁷ и Исфаринских⁸. В могильнике Карамойнок сосуды этого типа

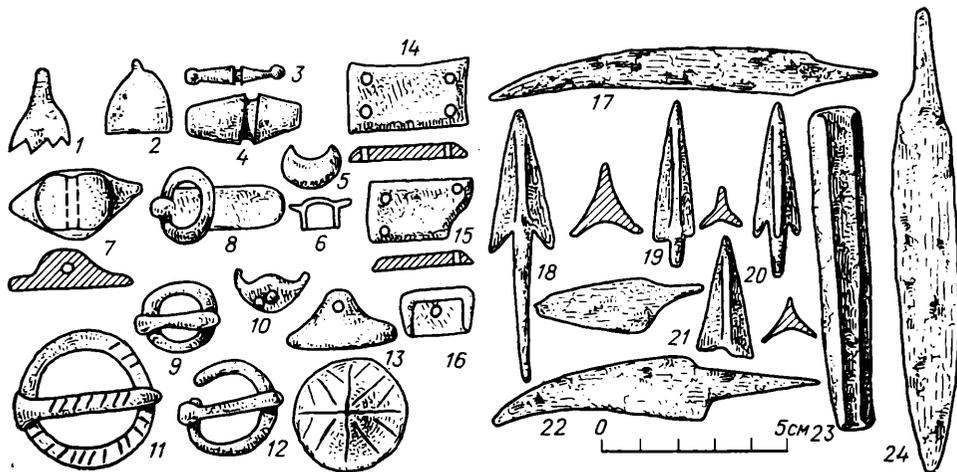

Рис. 2. Кайрагач. Вещи

1, 2 — бубенчики; 3 — бронзовая застежка; 4 — застежка из мергеля; 5 — серьга; 6 — железная пуговица; 7 — фрагмент бронзового зеркала; 8, 9, 11, 12 — железные пряжки; 10 — железный перстень; 13 — глиняная печать; 14, 15 — костяные обкладки; 16 — железная оковка; 17, 22 — железные ножи; 18—21 — наконечники стрел
1—3, 5, 8, 13, 17 — группа II; 10, 22 — группа IV; 4, 6, 7, 9, 11, 12, 14, 15, 16, 18—21, 23, 24 — группа V

обнаружены в комплексах с четырехгранными наконечниками стрел⁹. Б. А. Литвинский считает возможным датировать этот тип сосудов III—IV вв. Но он отмечает многочисленные находки керамики этого типа в нижнем слое поселения Тудай-Калон в северо-западной Ферганае, который датируется IV—V вв.¹⁰ Для определения времени бытования этой керамики крайне важны ее находки на хорошо стратифицированной усадьбе Кайрагач, где она представлена в комплексах с трехгранными и четырехгранными наконечниками стрел. Это дает возможность датировать такие сосуды V в. н. э.

В курганах на пятой площадке посуда в основном лепная, за исключением двух тонкостенных красноангобированных кувшинов, найденных в курганах 2 и 5 (рис. 3, 7). Из кургана 32 происходит большой кувшин с яйцевидным туловом и тонкой ручкой треугольного сечения, прикрепляющейся одним концом к венчику, а другим — к верхней части тулова, причем верхний ее конец приподнят над венчиком (рис. 3, 12). Кувшин находит аналогии среди материалов Исфаринских курганов, где кувшины такого типа дважды встречены в комплексах с ханскими зеркалами II—IV вв.¹¹ В Кайрагаче кувшин найден в кургане вместе с луком и трехлопастными наконечниками стрел с опущенными жальцами. Есть в этой группе и кувшины без ручек. Они имеют яйцевидное или грушевидное тулово, расширяющееся кверху горло с утонченным краем (рис. 3, 9).

В каждом погребении, как правило, стоял один сосуд. На второй и четвертой площадках выделяются могилы, в которых было по три-четыре сосуда, а в кургане 21 на второй площадке найдено пять сосудов — большой кувшин, горшок, две чаши и миниатюрный сосудик горшковидной формы. На пятой площадке только в одном кургане (17) было два сосуда — маленький кувшинчик с шаровидным туловом (рис. 3, 10) и лепная кружка с петлевидной ручкой, прикрепленной к тулову на середине высоты сосуда (рис. 3, 8). Расположение сосудов в могилах на второй и четвертой площадках различно: в головах, в ногах, сбоку от погребенного или же около ног, на уровне берцовых костей. В курганах на пятой площадке все сосуды стоят в головах погребенных.

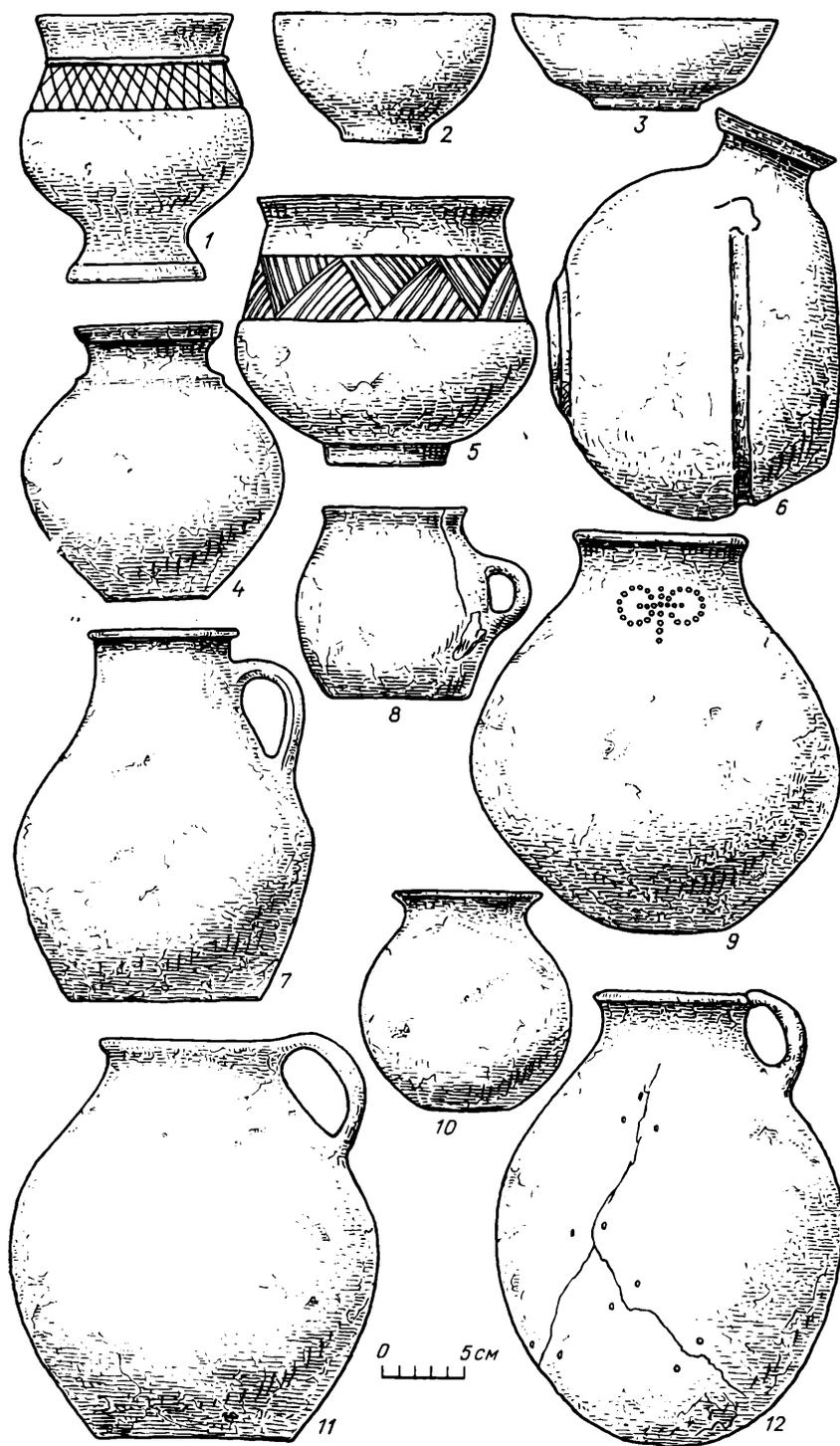

Рис. 3. Кайрагач. Сосуды

В курганах всех групп обычны однолезвийные черенковые железные ножи. На черенках иногда видны следы дерева от рукоятки. Были также и костяные рукоятки.

Пряжки представлены двумя типами: бесцитковые, с округлой рамкой и подвижным язычком (рис. 2, 11, 12) и щитково-рамчатые с узким прямоугольным щитком и небольшой округлой рамкой (рис. 2, 8). В курганах на пятой площадке найдены пряжки первого типа, в курганах на второй площадке — второго типа. При раскопках Ю. А. Заднепровского найдена пряжка второго типа с длинным прямоугольным щитком¹². Интересны застежки. Одна из них (курган 2 на второй площадке) бронзовая биконическая с шаровидными утолщениями на концах и с желобком посредине (рис. 2, 3), другая (курган 3 на пятой площадке) также биконическая с желобком посредине, сделана из мергеля (рис. 2, 4). Бронзовая застежка, аналогичная описанной выше, найдена при раскопках Ю. А. Заднепровского¹³.

В женских погребениях, как правило, около шейных позвонков и в области грудной клетки, найдены бусы. Иногда они попадались около запястий. Большая часть бус изготовлена из непрозрачной стекловидной массы, есть несколько сердоликовых. В одном из курганов на пятой площадке найдена бусина с внутренней позолотой. В курганах на четвертой и пятой площадках найден бисер из светло-зеленого и черного стекла.

В двух курганах на второй площадке обнаружены бронзовые украшения: две бобовидные бронзовые серьги (рис. 2, 5), бронзовый бубенчик с ушком для подвешивания (рис. 2, 2) и бубенчик поменьше, край которого оформлен зубцами (рис. 2, 1).

Курганы на пятой площадке отличаются от расположенных на второй и четвертой площадках как конструкцией погребальных сооружений, так и составом погребального инвентаря. Для них характерны обширные и глубокие катакомбы, длинные и глубокие дромосы с заплечиками и порожками около торцевой стены. В курганах на пятой площадке нет ни мисок, ни фляг, которые присутствуют почти в каждом захоронении на других площадках, но обнаружены двулезвийные железные кинжалы (рис. 2, 24) и трехлопастные черешковые наконечники стрел с опущенными жальцами (рис. 2, 18—21). Стрелы этого типа не найдены в памятниках середины I тысячелетия н. э., они применялись в более раннее время. Это подтверждается находками как в могильниках, так на поселениях с хорошей стратиграфией. Почти в каждом кургане на пятой площадке присутствуют костяные обкладки лука, а в кургане 32 найден целый лук длиной 1,58 м. Он состоял из отдельных пластин: центральная пластина — овальная, концевые — заостренные. В курганах на второй и четвертой площадках предметы вооружения не найдены.

Сопоставление материалов из усадьбы и могильника Кайрагач свидетельствует, что захоронения на второй и четвертой площадках синхронны поселению и могут быть датированы V—VI вв. Захоронения в курганах на пятой площадке совершены несколько раньше, о чем говорят находки наконечников стрел, а также сосудов, не имеющих аналогий среди керамики середины I тысячелетия н. э. По-видимому, эти курганы могут быть датированы I—III вв.

Поскольку захоронения совершены под курганами в катакомбах или подбоях, т. е. в погребальных сооружениях, присущих кочевникам, можно было бы думать, что могильник был оставлен кочевым населением. Однако анализ материалов показал, что могильник следует связывать с оседлым населением. В этом убеждает прежде всего состав погребального инвентаря. Большая часть посуды из курганов изготовлена на гончарном круге и отличается высоким качеством. Среди посуды есть формы, совершенно непригодные при кочевом образе жизни: тонкостенные большие кувшины, чаши и др. Кроме того, в закладке катакомб использовался длинномерный сырцовый кирпич тех же пропорций и размеров, что и применявшийся в постройках на усадьбе. Наконец, обращает на себя внимание топография долины. Кайрагачский могильник, как и другие

могильники в долине р. Ходжа-Бакырган, расположен в непосредственной близости от поселения. Все отмеченное, а также сходство керамики из поселения и могильника заставляет думать, что могильник оставлен оседлым населением, жившим в древнем поселке на окраине Кайрагача.

- ¹ *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Опшской области. Фрунзе, 1960, с. 90 сл.
- ² *Брыкина Г. А.* Итоги исследования усадьбы Кайрагач в Фергане.— УСА, 1979, 4.
- ³ *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники..., с. 90—103.
- ⁴ Там же, с. 90.
- ⁵ Там же, с. 102, табл. 5.
- ⁶ *Баруздин Ю. Д.* Карабулакский могильник.— Изв. АНКирг ССР, сер. обществ. наук, 1961, III, 3.
- ⁷ *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, табл. VIII.
- ⁸ *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973, с. 125—130.
- ⁹ *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники..., с. 109, рис. 70, 5.
- ¹⁰ *Литвинский Б. А.* Керамика..., с. 125.
- ¹¹ Там же, с. 117, 118.
- ¹² *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники..., с. 104, рис. 59, 11.
- ¹³ Там же, рис. 59, 2.

ХРОНИКА

Т. М. АРСЕНЬЕВА

ВСЕСОЮЗНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

В мае 1979 г. в г. Цхалтубо состоялся Второй Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья, организованный Центром археологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР и Институтом археологии АН СССР. В центре внимания симпозиума были проблемы истории местного населения Причерноморья в эпоху греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.). В работе симпозиума приняли участие ученые из различных научных учреждений Советского Союза, Болгарии, Чехословакии и Франции. С приветствием к участникам симпозиума и вступительным словом выступил директор Института истории, археологии и этнографии академик АН Грузинской ССР Г. А. Меликишвили. С новейшими достижениями археологических исследований в Грузии присутствующих познакомил О. Д. Лордкипанидзе. На заседаниях было прослушано и обсуждено 28 докладов. Проблематика некоторых докладов территориально выходила за пределы Причерноморья.

В докладе Э. Д. Фролова «Гераклейские мариандины» рассматривались вопросы взаимоотношений греческих колонистов и местных племен — мариандинов. При обсуждении доклада отмечалась важность постановки вопроса о характере зависимости мариандинов от гераклеотов, о своеобразии военной колонизации (А. Н. Щеглов), о взаимодействии греков с местным населением в условиях насильственного подавления последнего колонистами (И. Б. Брашинский). Было предложено провести больше сравнений в положении мариандинов и других племен Малой Азии, что дало бы возможность более четко представить отношения греков и местного населения в этом регионе (Е. С. Голубцова).

Оживленную дискуссию вызвал доклад Ю. Б. Циркина «Мессалия и окружающее население», в котором был поставлен вопрос о субколонизации и эллинизации населения южной Галлии. В выступлениях по докладу говорилось, что эллинизация населения может иметь разные градации (Я. Боузек, И. Б. Брашинский). Была подчеркнута необходимость договориться о том, что следует понимать под термином «эллинизация» (И. Б. Брашинский, О. Д. Лордкипанидзе). Указывалось, что этот термин не учитывает активной роли местного населения и поэтому нуждается в определенном уточнении (Е. С. Голубцова). Вызвал возражения употребленный докладчиком термин «субколонизация», под которым следует понимать один из вариантов территориальной экспансии (О. Д. Лордкипанидзе). Отмечалось, что в докладе хорошо прослежены взаимоотношения греческого города и местного населения на разных этапах их сосуществования (Е. С. Голубцова).

Бликие вопросы рассматривались и в докладе В. И. Козловской «Эмпорион и Hinterland». Положительно оценивая тезис докладчика о постепенном проникновении греков в местную среду, выступающие подчеркнули, что тип отношений между греками и иберами может помочь решить проблему взаимоотношений греков и варваров в целом (Е. С. Голубцова).

Различные вопросы греко-варварских отношений рассматривались в сообщениях зарубежных коллег. В докладе Ж. де ля Жениера (Франция) было сопоставлено положение в двух греческих колониях — на юге Италии и в Сицилии. Материал Италии свидетельствует о значительном взаимодействии и взаимопроникновении греческой и местной культур, а материал Сицилии — о большой их изоляции. М. Лазаров (Болгария) отметил ограниченность раннего греческого импорта в странах Западного Понта. Так, по его данным, привозные вещи отмечаются только в районах вблизи греческих полисов. Ян Боузек (Чехословакия) рассмотрел вопрос о проникновении ранних бронзовых вещей одинаковых форм на различные территории. В докладе П. Левека (Франция) была представлена информация, касающаяся ряда важных методических вопросов.

Среди докладов, посвященных Северному Причерноморью, оживленную дискуссию вызвал доклад И. Б. Брашинского «Греки и варвары на нижнем Дону и в северо-восточном Приазовье». В нем была предложена реконструкция развития греко-варварских взаимоотношений в VI—IV вв. до н. э. Признав правомерными большинство положений доклада, выступавшие не поддержали тезис, объясняющий отсутствие контактов между греками и местными племенами в VI в. до н. э. наличием мощного нестабильного кочевого населения, которое противодействовало этим контактам (А. Н. Щеглов). Было указано, что кочевники здесь пока археологически не прослежены и что вопрос этот еще нуждается в доработке (К. К. Марченко). Д. Б. Шелов возражал против употребления терминов «акоммуникативность» и «некоммуникативность» в отношении варваров.

Не нашел поддержки у участников симпозиума главный тезис доклада М. Ю. Вахтиной «О связях греков с местным населением степной зоны Северного Причерноморья в VII—VI вв. до н. э.», утверждающий полиэтничность степного населения. Для выводов М. Ю. Вахтина использовала не однородный степной материал, а памятники, расположенные на границе степи и лесостепи. Было указано и на неправильное сопоставление памятников разных районов и разного характера (А. И. Мелюкова).

Не вызвали возражений и получили поддержку слушателей доклады К. К. Марченко «Комплекс лепной керамики античных поселений Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э.» и С. Д. Крыжицкого «О критериях выделения в северопричерноморском домостроительстве античной эпохи греко-варварского направления».

Греко-варварские отношения на территории Нижнего Побужья и Поднестровья рассматривались в докладах Ю. Г. Виноградова «Варвары и просопография Ольвии VI—V вв. до н. э.», Н. А. Лейпунской «Экономические основы взаимоотношений Ольвии со скифским миром», Я. В. Доманского «Ольвия и варвары в V в. до н. э.», Л. В. Копейкиной «Элементы местного характера в культуре Березанского поселения в архаический период». В них констатировался по существу один тип взаимоотношений греков и варваров в территориально ограниченном регионе. В докладах была обрисована интересная картина, значительно отличающаяся от той, которая прослеживается по материалам нижнего Дона. И докладчики, и выступавшие пришли к единодушному заключению, что сколько-нибудь стабильное население к моменту греческой колонизации в этом районе отсутствовало. Кочевники не создавали препятствий для возникновения греческих колоний, и приток варварского населения в города и поселения Северо-Западного Причерноморья начался сразу же с появлением первых греческих переселенцев. Отдельные положения докладов вызвали дискуссию. Противоречивые суждения были высказаны по поводу гипотезы Ю. Г. Виноградова о скифском протекторате над

Ольвией в V в. до н. э. Одним она показалась малоубедительной (Э. Д. Фролов, И. Б. Брашинский), другие ее поддержали (Л. В. Грацианская). Был поддержан тезис Н. А. Лейпунской о торговой активности Ольвии в V в. до н. э. (Э. Д. Фролов, К. К. Марченко), хотя и указывалось на необходимость провести более критическое исследование тех материалов, на которых этот тезис основывается (К. К. Марченко). С интересом был воспринят представленный Л. В. Копейкиной материал о проникновении варварских элементов в культуру древнейшего в Северном Причерноморье греческого поселения на острове Березань.

История Крыма и Тамани была затронута в девяти докладах. В пяти из них рассматривались вопросы греко-варварских отношений на территории северо-западного Крыма. Это доклады А. Н. Щеглова «Тавры и греческие колонии в Таврике», А. А. Зедгенидзе и О. Я. Савели «Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э. как источник изучения этнического и социального состава населения города», О. Д. Дашевской «О скифах северо-западного Крыма в период греческой колонизации», О. Я. Савели «О некоторых вопросах истории тавров», А. С. Голенцова «К вопросу о существовании догреческого поселения на территории Керкинитиды».

При обсуждении этих докладов большое внимание было уделено выяснению этнических вопросов, связанных с распространением керамики кизил-кобинского типа и кизил-кобинской культуры, а также с местонахождением таврских и скифских племен (Э. В. Яковенко, О. Д. Дашевская, Л. В. Грацианская). Против тезиса об ионийской модели колонизации, высказанного в докладе А. Н. Щеглова, выступил Ю. Б. Циркин. Он отметил, что известны разные варианты ионийской колонизации и потому о единой модели говорить нельзя. Л. В. Грацианская подчеркнула, что тезис О. Д. Дашевской об отсутствии в момент греческой колонизации в северо-западном Крыму оседлого скифского населения хорошо подтверждается исследованиями текста Страбона. Нет оснований считать, что сведения Страбона о скифах взяты из более ранних источников, как полагают многие исследователи. Был поддержан вывод А. С. Голенцова, что до основания Керкинитиды на этом месте не было поселения. В ответном слове, защищая свои представления о разных моделях колонизации, А. Н. Щеглов подчеркнул, что он называет моделью любое историческое построение, любую реконструкцию и что модель никогда полно не отражает ту реальную действительность, которая существовала, так как реальную историческую картину до конца выяснить не удается.

Истории Боспора были посвящены доклады Д. Б. Шелова «Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации», Э. В. Яковенко «Об этнокультурной принадлежности местного населения хоры Боспора Европейского (VI—IV вв. до н. э.)», Н. Л. Грач «К характеристике этнического состава архаического Нимфея». В докладе Д. Б. Шелова сделан важный вывод, что нет данных для утверждения о существовании государства У синдов не только в момент греческой колонизации, но и в V в. до н. э. Большинство выступавших поддержали эту хорошо аргументированную точку зрения (А. И. Болтунова, И. Б. Брашинский, А. Н. Щеглов, Н. Л. Грач, Э. В. Яковенко). Не вызвали споров и основные положения докладов Э. В. Яковенко и Н. Л. Грач. В прениях отмечалась важность вопросов об этническом составе городского населения Боспора и его хоры и о взаимодействии местного и греческого населения.

Исследованию вопросов, связанных с историей Восточного Причерноморья, были посвящены доклады О. Д. Лордкипанидзе и Т. К. Микеладзе «О демографической ситуации в Восточном Причерноморье (Колхиде) в период великой греческой колонизации», А. И. Болтуновой «К вопросу о социально-политической организации колхов», Д. А. Хахутайшвили «Юго-западная Грузия в VIII—VII вв. до н. э.», Ю. Н. Воронова «Северная Колхида в VIII—V вв. до н. э.», Г. Г. Квирквелия «Очамчире и его окружение в VIII—V вв. до н. э.» Почти все выступавшие по докладом отмечали важность рассматриваемых тем. Было подчеркнуто, что структура и положение местных племен, взаимоотношения их с гре-

ками, а также процесс греческой колонизации в этом регионе значительно отличаются от наблюдаемых в Северном Причерноморье. Предлагалось сравнить эти процессы с происходившими в Западном Причерноморье (Д. Б. Шелов, И. Б. Брашинский, А. Н. Щеглов, Э. Д. Фролов) и даже в ахейских государствах (Э. Д. Фролов). Было обращено внимание на то, что споры между исследователями часто вызываются разным пониманием терминов (И. Б. Брашинский). Выступавшие одобрили основные положения доклада О. Д. Лордкипанидзе и Т. К. Микеладзе. Яркий и хорошо представленный в докладе материал снял многие спорные вопросы об особенностях колонизации Колхиды. Было отмечено, что колхская культура не претерпела в связи с греческой колонизацией заметных изменений в основной линии развития и структуре, что греческое влияние здесь было, видимо, ограниченным и проявилось главным образом во внешнем заимствовании отдельных элементов материальной культуры (Д. Б. Шелов).

Оживленная дискуссия возникла при обсуждении доклада А. И. Болтуновой. В выступлениях указывалось, что новые археологические открытия выработали и новый подход к проблеме греческой колонизации восточного побережья Понта, что сама греческая колонизация здесь существенно отличалась от колонизации Северного Причерноморья (О. Д. Лордкипанидзе). Особый спор вызвал перевод отдельных мест письменных источников (О. Д. Лордкипанидзе, Н. Ю. Ломоури). Было указано на необходимость провести лингвистический разбор терминов, так как одни и те же письменные источники нередко трактуются исследователями по-разному (И. В. Шталь, Д. Б. Шелов, Э. Д. Фролов). Сведения письменных источников предлагалось подкреплять анализом всего материала, в том числе и археологического (Д. Б. Шелов).

Выступавшие в прениях по докладу Ю. Н. Воронова не поддержали большинство из высказанных им тезисов, отметив, что многие из них недостаточно аргументированы. В частности, неправомерно говорить о колхидско-кобанской общности в VI и V вв. до н. э. и переносить историческую ситуацию одного периода на другой; находки одной только античной керамики не могут служить бесспорным основанием, чтобы относить поселения, на которых она найдена, к числу греческих (О. Д. Лордкипанидзе, Н. Ю. Ломоури). Оживление жизни на поселениях в окрестностях Фасиса и Диоскурии, как подчеркнул И. Б. Брашинский, может быть объяснено основанием греческих городов. Выступавшие признали важность работ по исследованию железной металлургии в Колхиде, результаты которых были изложены в докладе Д. А. Хахутайшвили (А. И. Болтунова, О. Д. Лордкипанидзе), отметили тщательность исследований, проведенных Г. Г. Квирквелия (О. Д. Лордкипанидзе, А. Н. Щеглов). Нашла поддержку гипотеза Г. Г. Квирквелия, что греки, появившись в Восточном Причерноморье, сразу установили контакты с местным оседлым населением (О. Д. Лордкипанидзе).

Все участники симпозиума отмечали, что работа его была нужной и плодотворной. Они пришли к единому мнению, что процесс греческой колонизации был сложным и многообразным и в разных регионах Причерноморья имел существенные различия. Вновь были поставлены вопросы о необходимости дальнейшего обсуждения терминологического аппарата. Была отмечена прекрасная организация симпозиума, быстрая подготовка материалов и издание сборника докладов первого симпозиума, состоявшегося в 1977 г. Очередной симпозиум на тему «Эллинизм и Причерноморье» намечено провести в 1982 г.

Участники симпозиума ознакомились с материалами раскопок Вани, Вардцихе и Пичвнами.

О РАБОТЕ СЕКТОРА СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ (1975—1979)

В 1975—1979 гг. работа сектора скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР отличалась разнообразием тематики. Научные интересы сотрудников сектора были обращены к проблемам переходного времени от периода поздней бронзы к раннему железному веку, к вопросам археологии Евразии скифо-сарматского периода, а также раннесредневековой археологии Средней Азии, Сибири и Северного Кавказа. Хронологически проблематика сектора охватывала 1500—2000 лет (от кобанской и киммерийской культур до эпохи переселения народов и расселения славян в VI—VII вв.).

Проблемам раннего железного века предскифского периода были посвящены работы В. В. Дворниченко, В. Б. Ковалевской, В. И. Козенковой, А. И. Мелюковой и Н. Л. Членовой. Они исследовали взаимоотношения и взаимосвязи предскифских культур степной зоны Восточной Европы, Причерноморья, Кавказа и Сибири, разрабатывали вопросы, связанные с локальными вариантами и специфическими особенностями культур разных регионов.

Один из особенно важных аспектов работы сектора этих лет — разработка вопросов собственно скифской культуры, ее местных особенностей в Причерноморье (О. Д. Дашевская, Т. М. Кузнецова, А. И. Мелюкова) и на периферии скифского мира (П. Д. Либеров, В. Б. Ковалевская, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова).

На вопросах происхождения, расселения, хронологии сарматов и их взаимоотношений с носителями культур окружающего мира было по-прежнему сосредоточено внимание М. Г. Мошковой и К. Ф. Смирнова.

Активно исследовался круг проблем черняховской культуры, особенно вопросы погребальной обрядности (Г. Ф. Никитина), расселения носителей черняховской культуры, хронологии и соотношения черняховских и раннеславянских памятников (В. В. Кропоткин, Э. А. Сымонович).

Проблемы железного века Восточной Европы, Северного Кавказа, Западной Сибири и Средней Азии разрабатывались Г. А. Брыкиной, В. Б. Ковалевской, Х. И. Крис, В. А. Могильниковым, И. Г. Розенфельдт и К. А. Смирновым.

По зарубежной тематике (Ближний Восток, Мезоамерика) успешно выполнялись работы В. А. Башиловым и В. И. Гуляевым.

С 1976 г. сотрудники сектора активно включились в подготовку многотомной «Археологии СССР». Десять сотрудников сектора принимают участие в написании разделов этого издания. Планируется подготовить два тома под редакцией ведущих специалистов сектора (А. И. Мелюковой, Э. А. Сымоновича).

За 1975—1979 гг. сотрудники сектора успешно завершили 16 научных тем (В. И. Гуляев, Ю. В. Кухаренко, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Могильников, Г. Ф. Никитина, И. Г. Розенфельдт, К. А. Смирнов, К. Ф. Смирнов, Э. А. Сымонович). Защищены одна докторская (В. И. Гуляев) и одна кандидатская (Х. И. Крис) диссертации.

За этот же период вышло из печати около 250 работ, в том числе девять монографий (В. И. Гуляев, В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова, А. И. Мелюкова, В. Г. Петренко, К. Ф. Смирнов, Н. Л. Членова) и два коллективных сборника.

Книга К. Ф. Смирнова «Сарматы на Илеке» (М., 1975) посвящена Илеку — центру племенного объединения сарматов VI—IV вв. до н. э. в Южном Приуралье. На основе новых археологических находок и свидетельств древних историков автором воссоздана картина жизни этих пле-

мен, показаны их социально-экономические и культурные взаимоотношения в связи с другими народами.

Монография А. И. Мелюковой «Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка» (М., 1975) посвящена анализу материалов поселения и могильника IV—III вв. до н. э., открытых на левобережье Днестровского лимана. На основе полученных данных автором сделаны важные выводы о погребальном обряде, этническом и социальном составе населения района, его культурных и экономических связях с древними греками и фракийцами.

Полной сводке находок карасукских кинжалов на территории Евразии посвящено исследование Н. Л. Членовой «Карасукские кинжалы» (М., 1976). В работе дано подробное описание всех предметов, установлен их генезис, определены локальные особенности и хронология.

Интересна вышедшая в 1977 г. книга К. Ф. Смирнова и Е. Е. Кузьминой «Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий». Исследование посвящено проблеме формирования андроновской этнокультурной общности и происхождения индоиранцев. На основе новых археологических источников авторы работы выделили новокумакский хронологический горизонт второй четверти II тысячелетия до н. э., представлявший, по их мнению, ранний этап развития андроновской культуры. Специально анализируется в книге вопрос о происхождении и роли конных воинов-колесничих как особой социальной группы в среде древнейших индоиранцев Евразии.

Книга В. И. Козенковой «Кобанская культура. Восточный вариант» (М., 1979) открывает в серии Свода археологических источников ряд выпусков монографического характера, посвященных кобанской культуре Кавказа периодов поздней бронзы и раннего железа. В первой книге даны история исследования культуры, ее общая характеристика, описание поселений и могильников восточного варианта, приведены исчерпывающие данные по погребальному обряду местных племен северо-восточного Кавказа в первой половине I тысячелетия до н. э.

Книга В. Г. Петренко «Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.» (М., 1978), выпущенная также в серии Свод археологических источников, посвящена детальной классификации скифских украшений из памятников, расположенных на территории от Днестра на западе до Дона на востоке. Весь материал сгруппирован по трем периодам (1 — конец VII—VI в. до н. э.; 2 — V в. до н. э. и 3 — IV — начало III в. до н. э.), соответствующим основным этапам скифской истории.

Свод В. Б. Ковалевской «Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки» (М., 1979) содержит детальную систематизацию и классификацию более полутора тысяч металлических пряжек. Разработаны их типология и хронология.

Монография А. И. Мелюковой «Скифия и фракийский мир» (М., 1979) посвящена взаимоотношениям двух соседних, во многом близких этнических массивов — скифскому и фракийскому. На основе письменных и археологических источников в книге характеризуется влияние фракийских культур Карпато-Балканского региона на предскифские и скифские культуры степи и лесостепи Восточной Европы, подробно исследуется культура племен скифского времени в Днестро-Дунайском междуречье. Вопреки распространенному в настоящее время в болгарской и румынской литературе мнению о независимом от скифского искусства происхождении звериного стиля у фракийцев, А. И. Мелюкова приходит к выводу о решающем значении скифских образцов звериного стиля в появлении и развитии этого стиля во фракийском искусстве.

Фундаментальная монография В. И. Гуляева «Города-государства майя» (М., 1979) посвящена проблемам структуры и функций древнейшего города по материалам Мезоамерики и Месопотамии (Шумер).

Коллективный сборник статей «Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии» (М., 1976) (ответственные редакторы А. И. Мелюкова и М. Г. Мошкова), в написании и подготовке к изда-

нию которого сотрудники сектора приняли активное участие, содержит доклады Третьей Всесоюзной конференции по скифо-сибирскому звериному стилю, состоявшейся в Москве в 1976 г. Статьи сборника посвящены проблемам происхождения скифо-сарматского звериного стиля, его социальным и религиозным основам, локальным вариантам и значению скифской культуры для искусства древней Руси.

В 1978 г. вышел второй коллективный сборник «Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы» (ответственные редакторы В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, И. Г. Розенфельдт). В сборник вошло 13 статей сотрудников сектора (В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, Г. Ф. Никитина, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова, И. Г. Розенфельдт, К. А. Смирнов, К. Ф. Смирнов, Э. А. Сымонович и Н. Л. Членова).

Сотрудники сектора подготовили к печати большое количество других работ, среди них 10 монографий.

Большое место в работе сектора занимали полевые исследования, связанные с плановыми темами сотрудников. Частично полевые работы проводились по заданию дирекции в целях спасения археологических памятников в зонах новостроечных работ. В новостроечных экспедициях участвовали В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова, П. Д. Либеров, В. А. Могильников, А. И. Пузикова и др.

Западновольтинская экспедиция под руководством В. В. Кроноткина исследовала многослойное поселение и древнерусский могильник X—XI вв. у с. Ромош Львовской обл. и могильник черняховской культуры у с. Думанов Хмельницкой обл. Ляйлякской экспедицией под руководством Г. А. Брыкиной в Ферганской долине проведены исследования усадьбы Кайрагач середины I тысячелетия н. э. и курганного могильника в ее окрестностях. О. Д. Дашевская продолжала раскопки позднескифского городища и некрополя у с. Беляус в западном Крыму. Малокарачаевским отрядом Ставропольской экспедиции под руководством В. Б. Ковалевской в 1976—1979 гг. (в 1978 г. — совместно с В. И. Козенковой) исследовались новые поселения и могильник кобанской культуры начала I тысячелетия до н. э. в Эшкаконском ущелье в Карачаево-Черкесии. В. И. Козенкова в 1975—1978 гг. продолжала многолетние раскопки могильника начала I тысячелетия до н. э. у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии, а также проводила разведки и раскопки новых памятников кобанской культуры близ селений Пседахе (Ингушетия) и Терезе (Карачаево-Черкесия).

Боршевский отряд Московской экспедиции, возглавляемый Х. И. Крис, продолжал многолетние раскопки городища дьяковской культуры Боршева в Бронницком р-не Московской обл. Полесский отряд под руководством Ю. В. Кухаренко завершил раскопки могильника Брест-Тришин в Брестской обл. П. Д. Либеров в 1977 г. исследовал памятники катакомбной культуры в зоне одной из новостроек в Воронежской обл. В 1979 г. Западносибирская экспедиция, возглавляемая А. И. Мелюковой, возобновила раскопки на поселениях типа Сахарна — Солончены в Молдавии. Среднеднестровская экспедиция под руководством Г. Ф. Никитиной проводила в течение 1975—1979 гг. раскопки могильников черняховской культуры на Днестре в Черновицкой обл. Большие и успешные работы осуществлялись на Ставропольской возвышенности Краснознаменским отрядом, возглавляемым В. Г. Петренко. Исследовались курганы второй половины VII — начала VI в. до н. э. с ярко выраженными элементами раннескифской кочевнической культуры.

На новостройках Западной Сибири и Алтая продолжал археологические раскопки В. А. Могильников. Исследовались памятники эпохи бронзы и железа.

В 1974—1976 гг. А. И. Пузикова исследовала Марицкое городище скифского времени (VI—V вв. до н. э.), в 1979 г. она начала раскопки Переверзевского городища в Курской обл. К. Ф. Смирнов в 1976—1977 гг. проводил раскопки курганов в Ростовской обл. Э. А. Сымонович прово-

дил полевые исследования на памятниках черняховской и позднескифской культур в Одесской, Херсонской, Киевской и Кировоградской областях, а в 1979 г. — раскопки раннесредневековых памятников у с. Тазово и Букреевка в Курской обл. Н. Л. Членова в 1975 и 1977—1978 гг. вела раскопки памятников кобанской культуры в Северной Осетии и в Кисловодской котловине.

Некоторые сотрудники сектора работали в составе зарубежных археологических экспедиций. В исследованиях Советско-Иракской экспедиции участвовали В. А. Башилов и В. И. Гуляев. В Венгеро-Советской экспедиции работали К. А. Смирнов (1976 г.) и А. И. Пузикова (1977 г.).

Основной коллективной формой научной работы сектора в прошлом пятилетии оставались регулярные еженедельные заседания. В 1975—1979 гг. на заседаниях сектора прослушано более 100 докладов и сообщений, связанных с плановыми темами и результатами полевых исследований. С 1976 г. в секторе активно работал теоретический семинар по вопросам теории и методологии археологии. Большой интерес вызвали доклад В. И. Гуляева, посвященный анализу древних поселений как источника для общеполитических и социологических построений, и доклад В. А. Башилова о методике раскопок поселения Ярымтепе в Ираке.

В 1975—1979 гг. сотрудники сектора приняли участие более чем в 40 различных конгрессах, пленумах, симпозиумах, научных конференциях как внутри страны, так и за рубежом, где выступали с докладами и сообщениями. Активная работа на этих совещаниях способствовала установлению более тесной связи между сотрудниками сектора и археологическими учреждениями Ленинграда, Киева, Одессы, университетами и научными институтами Кавказа, Сибири, Урала и Дальнего Востока. Совершенствование координации работы сектора скифо-сарматской археологии с другими учреждениями остается одной из главных задач нашей научной деятельности.

Значительная работа проведена в области популяризации археологических знаний и укрепления контактов с местными краеведческими обществами и музеями. Многие сотрудники сектора во время полевых работ проводили экскурсии по местам раскопок, выступали с лекциями и беседами об археологических памятниках и их охране, пропагандировали археологические знания в местной прессе и радио. Проводилась работа по созданию археологических заповедников-музеев под открытым небом (Х. И. Крис, В. Г. Петренко). Постоянную консультативную работу с местными и центральными музеями проводили Г. А. Брыкина, О. Д. Дашевская, В. И. Козенкова, Х. И. Крис, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова, К. Ф. Смирнов. В 1977 г. вышли в свет научно-популярные книги сотрудников сектора В. И. Гуляева «Города маяя» и В. Б. Ковалевской «Конь и всадник».

Менее активны международные связи сектора. В журналах и сборниках зарубежных, в основном социалистических, стран были опубликованы статьи В. В. Кропоткина, Э. А. Сымоновича, А. И. Мелюковой, В. И. Козенковой, Н. Л. Членовой.

В 1975—1979 гг. сектор скифо-сарматской археологии готовил молодые кадры для других учреждений. Закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию Б. В. Железчиков (руководитель М. Г. Мошкова), стажировку при секторе проходили А. К. Акишев (руководитель К. Ф. Смирнов) и В. Л. Лапушнян (руководитель А. И. Мелюкова).

В настоящее время проходят обучение в аспирантуре А. В. Кропоткин (руководитель Б. А. Рыбаков), А. А. Егорейченко (руководитель В. В. Седов), М. Хабдулина и Л. В. Корякова (руководитель М. Г. Мошкова).

УКАЗАТЕЛЬ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ, ВЫПУСКИ 151—169 (СОДЕРЖАНИЕ)

Вып. 151

Античные памятники Колхиды и Иберии

От редакции.

Археологические исследования в Колхиде

- А. Ю. Казидзе.** Раскопки могильника Пичвнари.
- Т. К. Микеладзе.** Некоторые итоги раскопок поселений VI—V вв. до н. э. в районе устья р. Риони (Фасиса).
- Г. К. Шамба.** Предварительные итоги работ на Эшерском городище.
- Д. А. Хазугайшвили.** Новооткрытые памятники древнеколхидской металлургии железа.
- Т. К. Микеладзе, М. В. Барамидзе.** Колхский могильник VII—VI вв. до н. э. в с. Нигвзиани.
- О. Д. Лордкипанидзе, Р. В. Пугуридзе, Н. Н. Магиашвили.** Раскопки в Вани в 1973—1974 гг.
- В. А. Толордава.** Погребение с черепичным перекрытием из Даблагоми.
- Н. Ш. Кигурадзе, Г. А. Лордкипанидзе.** Дапнарское селище и могильник (к проблеме сельских поселений Колхиды).
- Г. Ф. Дундуа.** Клад римских монет I—III вв. из с. Эки.
- Р. В. Пугуридзе.** Колхидские амфоры из Вани.
- Н. Н. Магиашвили.** Афины и Колхида в эллинистическую эпоху.
- А. М. Чкониа.** К изучению колхидского златокузнечества.
- Е. Г. Гиголашвили, Д. Д. Качарава.** Керамика Колхиды VI—IV вв. до н. э.
- А. Р. Магомедов.** Топоры колхидско-кобанского типа в Дагестане.

Археологические исследования в Иберии

- Ю. М. Гагошидзе.** Городище Самадло.
- Г. Г. Цкигишвили.** Результаты работ на «Цихиа-гора» (1971—1974 гг.).
- А. Л. Бозочадзе.** Настакиси, Саркинэ, Дзалиси — города Иберии античной эпохи (некоторые результаты полевых исследований).
- Ю. М. Гагошидзе.** Раскопки храма I в. до н. э. в Дедоплис Миндори (восточная Грузия).
- Г. М. Немсадзе.** Погребения иберийской знати из Згудери.
- Р. М. Рамишвили.** Новые открытия на новостройках Арагвского ущелья.
- Ц. О. Давлианидзе.** О некоторых неопубликованных материалах раннеантичной эпохи из юго-восточной Грузии.
- М. Н. Сагинашвили.** Стекланные сосуды из Тбилиси.

Вып. 152

Вопросы теории и методологии археологической науки

От редколлегии.

Теория

- Б. А. Рыбаков.** Историзм археологии.
- Ю. Н. Захарук.** Спорные вопросы объекта и предмета археологии.
- А. Н. Рогачев.** О предмете и методе первобытной археологии.
- Ю. Н. Захарук.** Археология или первобытная археология? (по поводу концепции первобытной археологии А. Н. Рогачева).
- В. М. Массон.** Системный подход и исследование палеоэкономических культур.
- В. М. Массон, В. С. Бочкарев.** К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии.
- С. А. Семенов.** Системный подход и «Аналитическая археология» Д. Кларка.

Методика

- И. С. Каменецкий.** К проверке гипотез о хронологических различиях.
- Г. Ф. Коробкова.** Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии.
- М. Д. Хлобыстина.** Вопросы социально-идеологических интерпретаций древнейших форм мезолитических и неолитических погребений.
- В. В. Глазунов.** Опыт выявления детального плана постройки на поселении Панское методом электроразведки.
- И. Р. Пичикян.** К методике реконструкции античных ордерных фасадов по архитектурным фрагментам.
- В. В. Глазунов, К. М. Плоткин.** Археолого-геофизическое изучение городища Камно.

- Ю. С. Гришин, А. А. Масленников. Теоретико-методологический семинар Института археологии АН СССР в 1957—1976 гг.
- П. М. Долуханов. О работе теоретическо-

- го семинара Ленинградского отделения Института археологии.
- Ю. С. Гришин, В. Я. Сергин. Научно-теоретическая конференция «Атеизм и проблемы происхождения человечества».
- В. А. Башилов. Конференция по проблеме историзма археологии.

Вып. 153

Памятники эпохи неолита

- Н. Н. Гурина. О датировке неолита.
- Н. А. Хотинский. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны европейской части СССР.
- В. И. Тимофеев, Е. Н. Романова, Н. С. Маланова, Ю. С. Свеженцев. Радиоуглеродные датировки неолитических памятников СССР.
- Ю. С. Свеженцев. О достоверности радиоуглеродных дат.
- Н. М. Ермолова. Проблемы изучения доместики животных.
- П. М. Долуханов, А. А. Лийва, А. М. Микляев. Проблемы абсолютной хронологии культур V—II тысячелетий до н. э. в бассейне Балтийского моря.
- Р. К. Римантене. Хронология неолита Литвы.
- В. И. Тимофеев. Новые данные по хронологии неолита юго-восточной Прибалтики.
- В. Ф. Исаенко. Хронология неолита южной Белоруссии.
- М. М. Чернявский. Хронологические рамки неолита северо-западной Белоруссии.
- Д. Я. Телегин. Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины.
- Л. Я. Крижевская. К вопросу о нижней границе неолита степей Северо-Восточного Причерноморья.
- Т. Д. Белановская. Хронологические рамки неолитического поселения Ракушечный Яр на нижнем Дону и методы их определения.

- Д. А. Крайнов. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья.
- Н. А. Хотинский, М. А. Гуман, Е. Н. Романова, Н. С. Маланова, Ю. С. Свеженцев. Палинологические и радиоуглеродные датировки языковских стоянок в Калининской обл.
- М. П. Злимина. К вопросу о хронологии неолитических памятников бассейна р. Мста.
- В. П. Трегьяков. Относительная хронология неолитических поселений Смоленщины.
- О. Н. Бадер. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления.
- Р. С. Габяшев. Хронология неолита Нижнего Прикамья.
- С. В. Ошибкина. Неолит восточного Прионежья.
- Н. Н. Гурина, Б. И. Кошечкин. Датировка неолитических памятников Кольского полуострова и методы ее установления.
- Г. А. Панкрушев. Хронологические рамки неолита Карелии и методы их установления.
- В. Ф. Старков. Хронология неолита лесного Зауралья.
- Л. П. Хлобыстин. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири.
- А. Н. Мелентьев. О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия.
- Г. Ф. Коробкова, В. М. Массон. Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии.

Вып. 154

Ранние кочевники

- В. М. Массон, В. А. Алекшин, Н. А. Бокоренко. Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана».
- М. П. Грязнов. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан.
- А. М. Мандельштам. К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана.
- Л. Р. Кызласов. К изучению оленних камней и менгиров.
- А. М. Беленицкий. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье.
- А. К. Акишев. Идеология саков Семиречья.
- Д. Г. Савинов. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая.
- А. В. Давыдова. К вопросу о роли осед-

- лых поселений в кочевом обществе сянну.
- А. К. Абегаев. О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине.
- М. К. Кадырбаев, Ж. К. Курманкулов. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской обл.
- Х. Ю. Юсупов. Новый памятник древних кочевников на Узбое.
- Г. А. Кушаев. Новые памятники железного века Западного Казахстана.
- В. Н. Ягодин. Сарматский курган на Устюрте.
- Н. Н. Негматов, А. К. Мирбабаев. Раскопки Куркатских склепов.
- Е. Д. Салтовская. О погребениях ранних скотоводов в северо-западной Фергане.
- Б. Н. Нурмуханбетов. Могильник Мардан.
- Е. Е. Кузьмина. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей.
- В. И. Распопова. О работе сектора Средней Азии и Кавказа в 1975—1976 гг.

Статьи

- С. А. Плетнева.* Сектор славяно-русской археологии (проблемы и планы).
А. В. Куза. Археологическое изучение древнерусских городов в 1962—1976 гг.
Г. В. Борисевич, Т. Н. Никольская. Один из памятников древнерусского градостроительства.
Е. А. Горюнов, М. М. Казанский. О происхождении широкопластинчатых фибул.
М. А. Сабурова. Древнерусская мелкая пластика как источник по истории одежды (головной убор).
З. М. Сергеева. О прибалтийских шейных гривнах в древнерусских памятниках X—XIII вв.
Р. М. Гаряев. К вопросу об ориентации русских церквей.
Е. Ю. Медникова, П. А. Раппопорт, Н. Б. Селиванова. Изучение древнесмоленских строительных растворов.

Полевые исследования

- С. В. Белецкий.* Раскопки в псковском кремле в 1972—1974 гг.
В. В. Седов. Лепная керамика Изборского городища.
А. Р. Артемьев. Наконечники стрел из раскопок Изборска.
М. К. Каргер. Церковь Благовещения в Витебске.
Т. В. Равдина. Стекланные браслеты Серенска.
А. Н. Кирпичников. Массовое оружие ближнего боя из раскопок древнего Изяславля.
А. А. Пескова. Древнерусское поселение у с. Сечча на Суле.
Г. С. Лебедев. Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье.

Хроника

- М. Д. Полубаяринова.* Сектор славяно-русской археологии в 1975—1976 гг.
П. А. Раппопорт. Письмо в редакцию.

Вып. 156

Античность и варварский мир

Статьи

- И. Т. Кругликова.* Проблемы античной археологии.
И. В. Брашинский. Стандарты родосских амфор.
Д. Б. Шелов. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология.
Н. А. Фролова. Начальные эмиссии меди Савромата I (92—123 гг. н. э.).

Полевые исследования

- Н. М. Секерская.* Результаты раскопок в западной части Никония.
В. В. Рубан. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане.
Е. И. Леви. Раскопки ольвийской агоры и теменоса (1971—1974 гг.).
В. И. Пругло. Раскопки северо-западного района ольвийской агоры в 1975 г.
В. А. Лагышева. Раскопки античного поселения Маслины в северо-западном Крыму.
А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция в 1969—1975 гг.

- А. А. Зедгенидзе.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса.
Г. М. Николаенко. О гераклейском пифосе из «Старого Херсонеса».
А. И. Айбабин. Античное погребение в Феодосии.
А. А. Масленников. Раскопки некрополя эллинистического времени у с. Золотое.
Б. Г. Петерс. Раскопки поселения античного времени на полуострове Казантип.
Т. М. Арсеньева. Раскопки Танаиса в 1973—1976 гг.
О. Н. Усачева. Рельефная керамика из Кеп.
Е. М. Алексеева. Стратиграфия центральной части Горгиппии.
Э. Я. Николаева. Краснолаковая керамика со штампами Ильичевского городища.

Хроника

- Э. Я. Николаева.* Сектор античной археологии в 1975—1976 гг.
К. К. Марченко. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1975—1976 гг.

Вып. 157

Памятники первобытной культуры

Статьи

- А. Н. Рогачев.* О методике полевого исследования палеолитических поселений (опыт археологических раскопок палеолитических стоянок в Костенках на Дону).
С. В. Смирнов. Мустьерская стоянка Рихта.
В. Я. Сергин. Палеолитические поселения среднестепового типа и их историко-культурное значение.
С. В. Ошибкина. Мезолитическая стоянка Андозеро М.
В. Ф. Копыгин. Мезолитическое поселение Горки в Посожье.

- О. Л. Липницкая.* Мезолитическая стоянка Криничная.
Г. Н. Матюшин. Некоторые вопросы первоначального заселения Урала и Сибири.
А. Г. Генералов. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка.
Э. С. Логинова. Ранний неолит на средней Вычегде.
В. М. Раушенбах. Новое местонахождение льяловской культуры.
В. Н. Малюкович. Археологические разведки на Камчатке.
В. И. Тимофеев. Памятники каменного века восточной части Калининградской обл.

- Т. А. Попова.* Хронология Поливанова Яра и ее значение для периодизации трипольской культуры.
- П. М. Долуханов, А. М. Микляев.* Культурно-исторические основы построения абсолютной хронологии неолита и ранней бронзы в бассейне Западной Двины.
- А. П. Журавлев.* Энеолитический этап в карельской археологической культуре и проблема его датировки.
- Э. Л. Врублевская.* Металлографическое исследование образцов с поселения Пегрема I.

- Г. В. Симицына.* Керамика Усть-Бельского поселения (по материалам раскопок Н. Н. Гуриной).
- А. Я. Щетенко.* Хронология неолита Индостана.

Хроника

- Ю. А. Краснов.* Археологические работы сектора новостроечных и хозяйственных экспедиций ИА АН СССР в 1973—1977 гг.
- В. И. Тимофеев.* О работе сектора палеолита в 1972—1977 г.

Вып. 158

Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья

От редколлегии.

- И. П. Засецкая.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей.
- М. Б. Щукин.* К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры.
- А. И. Айбабин.* Погребения второй половины V—первой половины VI в. в Крыму.
- Е. В. Веймарн.* Скалистинский склеп 420.
- В. Б. Ковалевская.* Хронология аланских катакомб VI—IX вв. на основании анализа их конструктивных деталей.
- Г. Е. Афанасьев.* Хронология могильника Мокрая Балка.
- А. В. Дмитриев.* Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо.
- Н. П. Сорокина.* Стекланные сосуды IV—V вв. и хронология Цебельдинских могильников.

- Ю. Н. Воронов, О. Х. Багабба.* Новые материалы VII в. из могильников Абхазии.
- С. В. Ошибкина.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-тюм.
- Р. Д. Голдина.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье.
- Э. А. Савельева.* Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника.
- В. Ф. Генинг.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья).
- В. И. Распопова.* Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента.
- А. А. Иерусалимская.* Археологические ткани как датирующий материал.
- И. П. Засецкая, Б. И. Маршак, М. Б. Щукин.* Обзор дискуссии на симпозиуме.

Вып. 159

Античный мир и его периферия

Статьи

- Д. Б. Шелов.* Железодельное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время.
- С. Д. Крыжицкий.* Основные итоги работы Ольвийской экспедиции.
- Е. Е. Кузьмина.* Золотая пластина с птицами из Амударьинского клада.
- В. Д. Блаватский.* Необычная фигурка педагога.
- А. А. Зедгенидзе.* О времени основания Херсонеса Таврического.
- Е. Н. Жеребцов.* Новое о херсонесском склепе 1012.
- М. А. Тиханова.* К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами.
- Ю. Н. Воронов.* Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э.

Публикации

- В. П. Яйленко.* Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам Одесского археологического музея).
- И. Ю. Шауб.* Афинская чернофигурная

керамика с изображением сфинксов (из раскопок ольвийских теменоса и агоры).

- М. И. Золотарев.* Керамические клейма из раскопок северо-восточного района Херсонеса в 1974—1975 гг.
- А. С. Голенцов, В. К. Голенько.* Из керамической эпиграфики Неаполя.
- Ф. Л. Османов.* Поселение и некрополь у с. Нюди Ахсунского р-на.
- М. М. Кубланов.* Новые погребальные сооружения Илурата.
- А. И. Салов.* Материалы для археологической карты Анапского р-на.
- Т. А. Гладкова.* Надгробие из Керчи (из новых поступлений в Керченский историко-археологический музей).
- Э. А. Сьмонович.* Памятник позднеантичного времени в районе древней Тирры.

Хроника

- Т. М. Арсеньева.* Симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья.

Вып. 160
Средневековые древности Восточной Европы

Статьи

- С. В. Белецкий.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города).
И. В. Дубов, О. М. Иоаннисян. К топографии древнего Ярославля (итоги и задачи изучения).
А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, В. А. Назаренко. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения.
С. С. Какабадзе. К изучению грузинской культовой архитектуры IV—VI вв.
Ф. Д. Гуревич. Каменные могилы Подляшья и древний Дрогоичин.
Л. Г. Паничева. Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV—XVII вв.

Публикации

- К. И. Красильников.* Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце.
В. П. Петренко. Сопка у с. Михаила-Ар-

хангела в юго-восточном Приладожье по раскопкам Н. Е. Бранденбурга в 1886 г.

- Е. А. Рябинин.* Исследование 1975 г. на Ижорской возвышенности.
А. А. Юшко. Археологические памятники бассейна р. Пахра.
В. И. Кулаков. Ритуальный комплекс в могильнике у Клищовки.
В. А. Кананин. Исследования городища Шудья-кар в верховьях Камы.
Н. В. Сапожников. «Литовский вал» в Смоленске.
В. Г. Пуцко. Ранневизантийский рельеф в Софии Киевской.
И. А. Хаустова. Воротное устройство крепости Копорье.
В. А. Булкин, О. В. Овсянников. Каменные шатровые храмы Сийского монастыря.

Хроника

- О. В. Овсянников.* О работе сектора славяно-финской археологии в 1976—1977 г.

Вып. 161
Памятники эпохи бронзы

Статьи

- Л. И. Хлопина.* Определение пола погребенных в могильнике эпохи бронзы Дашлы 3.
Е. Е. Кузьмина. Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей.
П. Д. Либеров. О хронологии некоторых костяных изделий эпохи поздней бронзы.
В. А. Алекшин. К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы.
Н. И. Хлопин. Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы.
В. И. Марковин. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа.
С. В. Ошибкина. Об изображениях птиц на керамике эпохи бронзы в восточном Прионежье.

Полевые исследования

- И. В. Гаврилова.* Об особенностях памятников волосовского типа в Костромском Поволжье.
М. П. Зимица. Стоянка Старая Яксарка.
В. П. Третьяков. О возникновении сетчатой керамики в восточной Прибалтике.
М. Р. Полесских. Алферевское поселение эпохи бронзы.
Е. К. Максимов. Древнеямные погребения Крутояровских курганов.

- В. Л. Державин, Б. Г. Тихонов.* Новые погребения майкопской культуры в Центральном Предкавказье.
В. М. Батчаев, С. Н. Корневский. Находка оригинального топора в майкопском погребении у с. Лечинкай.
В. А. Завьялов. Исследование части жилого комплекса эпохи бронзы на Алтын-депе в 1974 г.
Г. И. Корнюшин. Археологические находки в Кызылкумах.
В. Т. Ковалева, Т. М. Потемкина. Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол.
В. Ф. Старков. Стоянка Малый Барашек I в Нижнем Притоболье.
Э. Б. Вадецкая. Афанасьевский курган у с. Восточного на Енисее.
Ю. С. Гришин. О некоторых погребальных памятниках бронзового века в Бурятской АССР.
В. И. Дьяков. Первые археологические находки в долине р. Самарги.

Критика и библиография

- Т. Мирсаатов, Т. Ширинов.* Рецензия на статью Л. Килли «Техника и методология исследования микроизноса: критический обзор» (Всемирная археология, 1974 г., т. 5, № 3).

Хроника

- Б. Г. Тихонов.* О работе сектора неолита и бронзы в 1975—1977 г.

Вып. 162
Ранний железный век

Статьи

- Д. Г. Свинов, Н. Л. Членова.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии.
Ю. С. Гришин. О фигурных плиточных могилах Забайкалья и Монголии.

- В. Г. Петренко.* Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье.
В. С. Патрушев. Антропоморфные изображения из Старшего Ахмыловского могильника.
В. П. Копылов. Мечи из погребений V в.

- до н. э. Елизаветовского курганного могильника.
- Т. Б. Барцева.** О химическом составе уздечных наборов, найденных в посульских курганах.
- В. Ф. Железчиков.** Материалы из раскопок П. С. Рыкова в 1927 г. на территории Уральской обл.
- К. Ф. Смирнов.** О мечях синдо-меотского типа.
- М. Г. Мошкова.** К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики.
- И. Г. Розенфельдт.** Еще раз о Березняковском городище.
- Ю. А. Краснов.** О дате Березняковского городища.

Полевые исследования

- В. А. Могильников.** Два оленных камня с Алтая.
- К. А. Смирнов.** Раскопки Мутенковского городища.

Вып. 163

Институту археологии 60 лет

- В. А. Рыбаков.** Предисловие.
- П. И. Борисковский.** Первые тридцать лет Института археологии: АН СССР.
- В. В. Волков.** Институт археологии АН СССР в 50—70-х годах.
- В. М. Массон.** У истоков теоретической мысли советской археологии.
- К. М. Пескарева.** К истории создания Российской академии истории материальной культуры.
- В. В. Мавродин.** Первые историки в Государственной академии истории материальной культуры.
- М. А. Тиханова.** Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК — ГАИМК).
- Р. М. Мунчаев.** Зарубежные связи Института археологии АН СССР.
- В. В. Кропоткин.** Подготовка научных кадров в Институте археологии АН СССР (1949—1978 гг.).
- В. А. Алексин.** Научные совещания, сессии, симпозиумы, конференции, пле-

- Х. И. Крис, И. Л. Чернай.** Городища дьякова типа Боршева и Селецкое.
- А. А. Егорейченко.** Типология городищ Белорусского Полесья в раннем железном веке.
- А. А. Масленников.** Варварское погребение VI в. до н. э. на Керченском полуострове.
- О. Д. Дашевская.** Земляной склеп на Беляусе.
- В. А. Кореняко.** Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае.
- Т. М. Кузнецова.** Зеркала из сарматских погребений Ставрополя.
- Э. А. Сымонович.** Черняховское селище Бургунка на нижнем Днепре.
- В. И. Сарияниди, Т. Х. Ходжаниязов.** Продолжение работ на Тиллятепе.

Хроника

- Г. Ф. Никитина.** Работа скифо-сарматского сектора в 1974—1977 гг.

Вып. 164

Славяно-русская археология

- нумы ГАИМК — ИИМК — Института археологии АН СССР.
- В. А. Кольчатова.** Издательская деятельность РАИМК — Института археологии АН СССР.
- Н. К. Лисицына.** Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР.
- Ю. А. Краснов.** Археологическая служба Института археологии АН СССР на новостройках.
- В. А. Колчин.** Естественнонаучные методы в Институте археологии АН СССР.
- Н. М. Ермолова.** Лаборатория археологической технологии ЛОИА.
- Р. Ш. Левина.** Из истории библиотеки ЛОИА.
- К. М. Пескарева, Т. Т. Владимирова.** Рукописные архивы Института археологии АН СССР.
- Э. С. Доманская, Ж. Г. Анищенко.** Архивы фотодокументов Института археологии.

Вып. 164

Славяно-русская археология

Статьи

- А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, И. В. Дубов.** Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований).
- Е. А. Горюнов, М. М. Казанский.** Спорные вопросы изучения пеньковской культуры.
- Е. Н. Носов.** Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э.
- И. К. Лабугина.** Итоги изучения культурного слоя Пскова.
- З. М. Сергеева.** К изучению культурно-экономических связей западнорусских земель с Прибалтикой (по находкам звериноголовых браслетов).
- О. И. Иоаннисян.** О раннем этапе развития галицкого зодчества.
- С. М. Новаковская.** К вопросу о галереях белокаменных соборов Владимирской земли.
- Ю. М. Лесман.** О сидячих погребениях в древнерусских могильниках.
- Ю. А. Краснов.** Рало из Токаревского торфяника.

Полевые исследования

- А. А. Пескова.** Древний Изяславль.
- Г. Н. Пронин, В. В. Милькова.** Раскопки древнерусских памятников в Новгородской обл.
- В. Я. Конецкий.** Нередицкий могильник.
- И. В. Исланова.** Раскопки Бежицких курганов и городища Еськи.
- П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова.** Дворец в Полоцке.
- М. Ф. Рожко.** Крепость Тустань.
- Т. В. Юркина.** О раскопках в Вязьме на Смоленщине.
- В. И. Кильдюшевский.** Об одном из типов керамики XIV—XVI вв. крепости Орешек.
- А. А. Юшко, Л. С. Хомутова.** Ножи из раскопок Звенигорода Московского.

Хроника

- Г. Е. Афанасьев.** Работа сектора славяно-русской археологии в 1977—1978 гг.
- В. В. Седов.** Первый Международный симпозиум по славянскому язычеству.

Статьи

- В. П. Любин.* Изучение палеолита в СССР.
Н. Д. Праслов. Столетие открытия палеолита в Костенках.
А. Е. Матюшин. Технологія изготовления и типология бифасов Сатани-Дара.
Ю. А. Смирнов. Мустьерские погребения (вариант постановки вопроса).
Г. Н. Матюшин. О времени становления производящего хозяйства на Урале.
Г. Ф. Коробкова. Общее и особенное в хозяйстве кельтеминарских племен.

Полевые исследования

- А. А. Синицын.* О кремневом инвентаре стоянки Костенки XVI (Углянка).
М. А. Иванова. Жилой комплекс Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костенках.
В. Я. Сергин. Раскопки жилища на Гонцовском палеолитическом поселении.
Л. М. Тарасов. Позднепалеолитическая стоянка Косица.
Н. К. Анисюткин. Стратифицированные находки домустьерской эпохи в Черновицкой обл.
Г. В. Григорьева, М. Н. Кланчук. Позднепалеолитическая стоянка Межигирцы I в Ивано-Франковской обл.
В. Е. Щелинский. Следы от работы на кремневых орудиях из местонахождений Хрящи и Михайловское (Северский Донец).
Х. А. Амирханов, П. У. Ауглев. Русланова пещера — новый памятник каменного века Прикубанья.

- А. К. Джафаров.* Леваллуаские остроко-
нечники Тагларской пещеры.
З. А. Абрамова. Мустьерский грот Двуглазка в Хакасии (предварительное сообщение).
С. Н. Астахов, С. А. Васильев. Палеолитическая стоянка Джой.
А. К. Филиппов. Опыт объемной резьбы по дереву каменными орудиями.
Л. Я. Крижевская. Храпово 4 — памятник каменного века правобережья р. Оскол.
С. В. Ошибкина. Памятники эпохи мезолита в восточном Прионежье.
И. В. Гаврилова. Мезолитические местонахождения в бассейне р. Костромы.
В. П. Третьяков. Стоянка Подлесное I на р. Суре.
В. П. Ксензов. Мезолитическое поселение Береговая Слободка (по раскопкам 1979 г.).
Т. М. Гусенцова. К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья.
В. И. Тимофеев. Изделия из кости и рога из неолитической стоянки Цедмар (Серово) D.
Н. Ф. Лисицын. Стоянки каменного века степной зоны Хакасско-Минусинской котловины.
С. А. Васильев. Сосновка Голованьянская — новый многослойный памятник каменного века в Западном Саяне.

Хроника

- Г. В. Григорьева.* О работе сектора палеолита в 1978—1979 гг.

Статьи

- В. В. Седов.* Об этнической принадлежности псковских длинных курганов.
Г. Н. Пронин. Сопка, курганы, жальники (к вопросу о преемственности).
М. Э. Аун. Развитие курганного обряда в юго-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э.
Г. С. Лебедев. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры.
Е. А. Рябинин. Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам работ Ижорской экспедиции).
Н. В. Хвоцинская. О некоторых различиях курганов северо-запада Новгородской земли.
Н. И. Платонова. Две группы древнерусских памятников Верхнего Полужья.
В. А. Лапшин. Ранняя дата Владимирских курганов.
И. В. Дубов. Микротопография ярославских могильников.
А. И. Сакса. Древности Карельского перешейка (по материалам Карельских могильников).
А. В. Чернецов. Об изображениях кентавра, обнажающего меч.

Полевые исследования

- Е. Н. Носов.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжье.
И. К. Лабугина, В. И. Кильдюшевский, А. Ф. Урьева. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.).
К. В. Павлова. Погребальные памятники окрестностей Новогрудка.
Н. В. Гуслистов. Курганы и жальники у деревень Тимошино и Ярцево Вологодской обл.
В. Я. Конецкий. Хронология и этапы формирования Федовского могильника.
Ю. М. Лесман. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада.
О. А. Кондрагеева. Зооморфные гребни IX—X вв.
Н. А. Кирьянова. Зерновые материалы Изборска.
П. Г. Гайдуков, А. Б. Никитин. Хорезмийская серебряная монета конца VIII в. с Новгородского городища.

Статьи

- В. А. Алекшин.* Погребальный обряда как археологический источник.
А. М. Беленицкий, В. П. Распопова. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет.
Ю. Е. Березкин. Женские терракотовые статуэтки с Алтындепе.
Ю. А. Заднепровский. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии.
Л. Б. Кирчо. Погребальный обряд и культурные традиции (по материалам южнотуркменских погребений периода ранней бронзы).
Г. Ф. Коробкова. К проблеме общественного строя кельтеминарских племен.
С. С. Миняев. Бронзовые изделия Ноин-Улы (по результатам спектрального анализа).
Э. В. Сайко. Режим обжига в практике древних и средневековых гончаров Востока.
Д. Ф. Винник, Е. Е. Кузьмина. Второй Каракольский клад Киргизии.

Полевые исследования

- Ф. Х. Арсланова.* Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье.
Э. Б. Вадецкая. Малый таптыкский склеп на речке Дальняя Чая.
В. А. Завьялов. Позднекушанская антропоморфная терракота Зартепе.
М. Н. Ложкин, В. Г. Петренко. Уздечный набор из Краснодарского края.
А. М. Мандельштам. Могильник Джанак I.
В. А. Могильников, А. П. Уманский. Курган раннего железного века на Чумыше.
Ю. С. Гришин. Памятники бархотуйской культуры в восточном Забайкалье.
К. И. Ташбаева. Раннеочечевичский могильник Джаргата.
И. Н. Хлопин. К уточнению хронологии культуры архаического Дахистана.
Н. Л. Членова. Ирменское погребение с богатым инвентарем.

Хроника

- В. А. Алекшин.* Работа сектора Средней Азии и Кавказа в 1977—1978 гг.

Статьи

- А. А. Зедгендзе, О. Я. Савеля.* Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э.
И. Т. Круликова. Земельные наделы херсонеситов на Гераклеяском полуострове.
Е. Н. Жеребцов. Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклеяского полуострова.
Г. М. Николаенко, Э. В. Янушевич. Культурные растения из раскопок сельской округи Херсонеса.
С. Д. Крыжицкий. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья.
И. Ю. Шауб. Пантикапейский Эрот — Геракл.
Т. М. Арсеньева. Краснолаковая керамика Танаиса конца IV — начала V в. н. э.

Публикации

- Э. А. Сымонович.* Находки античного времени из с. Бельного Белгород-Днепровского р-на.
Т. В. Блаватская. Надгробие и алтарь из с. Бельного.
М. И. Золотарев. Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округи Херсонеса.

- С. Ю. Сапрыкин.* Черепицы с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса.
В. С. Щербакова. Изображение Ники на античных печатях из Херсонеса.
Б. Г. Петерс, А. С. Голенцов. Археологические раскопки Феодосии в 1975—1977 гг.
Н. В. Молева. Раскопки некрополя Мирмекия в 1974—1977 гг.
А. А. Масленников, О. Д. Чевелев. Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова.
Н. Д. Несеренко. Клады Горгииппии.
Э. Я. Николаева. Поселение у д. Ильич.
Н. А. Онайко, А. В. Дмитриев. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска.
В. В. Доорниченко, Г. А. Федоров-Давыдов. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской обл.

Хроника

- Э. Я. Николаева.* Работа сектора античной археологии в 1977—1978 гг.
Е. Г. Кастанаян. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1977 — октябре 1979 г.

Статьи

- А. Н. Сорокин.* Об орудиях на пластинах со стоянки Умилине (по материалам раскопок М. Е. Фосс).
Ю. Б. Цетлин. Неолитическая керамика стоянки Ивановское VII.
М. Д. Хлобыстина. Ярусные погребения евразийской степи в бронзовом веке.

- В. И. Мельник.* К вопросу о происхождении срубной культуры.
В. И. Марковин. К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе.
А. Д. Резепкин. О распространении дольменов Западного Кавказа.

- Э. В. Сайко. К характеристике раннетрипольского керамического производства.
- Т. М. Потемкина. О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье.
- М. А. Дэвлет. Бегущие звери на скалах горы Суханиха на среднем Енисее.

Публикации

- А. С. Смирнов. Неолитические памятники запада Брянской обл.
- М. Г. Жилин, Д. А. Крайнов. Стоянка Берендеево Па.
- В. П. Третьяков. Раннеолитические стоянки в междуречье Суры и Мокши.
- Д. А. Крайнов. Новые исследования стоянки Сахтыш II.
- Г. Н. Матюшин, Р. С. Габяшев, В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденков. Новые мате-

риалы по неолиту и энеолиту Волжско-Уральского региона.

- Н. Б. Виноградов. Кулевчи III — новый памятник петровского типа в Южном Зауралье.
- В. А. Семенов. Керамика стоянки Хадьинных I в Западном Саяне.
- М. А. Романовская. Новые находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье.
- В. М. Батчаев, С. Н. Корневский. Две находки эпохи раннего металла из Кабардино-Балкарии.

Хроника

- Итоги научной конференции «Проблемы энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы».
- Семинар «Проблемы андроновской культурно-исторической общности».
- Б. Г. Тихонов. О работе сектора неолита и бронзы в 1978—1980 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
 АИНУ — Археологические исследования на Украине. Киев
 АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
 ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
 ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ДБК — Древности Боспора Киммерийского
 ИА — Институт археологии Академии наук СССР
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 Изв.НВИК — Известия Нижне-Волжского института краеведения (Саратов)
 ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
 ИЭ — Институт этнографии Академии наук СССР
 КАЭ — Кахетская археологическая экспедиция
 КМ — Красноярский музей
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
 МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе
 МАР — Материалы по археологии России
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии
 ММ — Минусинский музей
 МордНИИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР
 ОАК — Отчет Археологической комиссии
 ПСА — Проблемы скифской археологии. Киев, 1971
 САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
 СемМ — Семипалатинский музей
 Смела — *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887, I; 1894, II; 1901, III
 СХМ — Сообщения Херсонского музея
 ТЭС — Труды по знаковым системам. Тарту
 ТКЭАН — Тувинская комплексная экспедиция Академии наук СССР. М.; Л.
 ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл
 ТПАЭ — Труды Поволжской археологической экспедиции. М.
 ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 ТЮТАКЭ — Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
 УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
 ЧГУ — Челябинский государственный университет
 АМ — *Arheologia Moldovei.* București
 МСА — *Materiale și cercetări arheologice.* București
 SCIV — *Studii și cercetări de istorie veche.* București

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>А. И. Мелюкова.</i> Новые данные о керамике типа Сахарна—Солончаны в Молдавии	3
<i>Т. М. Кузнецова.</i> Зеркала с боковыми ручками из скифских памятников	13
<i>Е. Е. Кузьмина, В. И. Сарияниди.</i> Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика	19
<i>Л. С. Хомутова.</i> Кузнечная обработка на поселениях Смоленщины в эпоху железа	27
<i>Н. Л. Членова.</i> Четыре древних кинжала из Казахстана	34
<i>Х. И. Крис.</i> Грузики дьякова типа из Боршевы	40
<i>В. Н. Каминский.</i> О конструкции лука и стрел северокавказских аланов	48
<i>Ю. А. Краснов.</i> Женская одежда по материалам Безводнинского могильника	51

Публикации

<i>В. В. Дворниченко.</i> Погребения предскифского времени на нижней Волге	50
<i>В. А. Коренько.</i> Погребения предскифского времени на Восточном Мангыче	64
<i>В. Г. Петренко.</i> Комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Ставрополя	70
<i>М. К. Хабдулина, Т. С. Малюгина.</i> Погребальный комплекс V—IV вв. до н. э. из Челябинской области	73
<i>М. Г. Мошкова.</i> Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане	80
<i>Р. Ф. Воронина.</i> Сарматский могильник у с. Ново-Никольское	87
<i>О. Д. Дашевская, А. С. Голенцов.</i> Кульчукский курган-кенотаф	90
<i>А. И. Пузикова.</i> Раскопки городища Переверзево I в 1979 г.	96
<i>В. А. Могильников, В. Н. Елин.</i> Курганы Талдура I	103
<i>Г. В. Длужневская.</i> Курганы-кладбища в Саянском каньоне Енисея	109
<i>Ю. С. Гришин.</i> О литейных формах из восточносибирской тайги	115
<i>Г. А. Брыкина.</i> Могильник Кайрагач в южной Киргизии	118

Хроника

<i>Т. М. Арсеньева.</i> Всесоюзный симпозиум по проблемам истории местного населения Причерноморья в эпоху греческой колонизации	126
<i>В. И. Козенкова.</i> О работе сектора скифо-сарматской ахеологии за пять лет (1975—1979)	130
Указатель. Краткие сообщения Института археологии, выпуски 151—169 (содержание)	134
Список сокращений	143

Железный век КСИА, вып. 170

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР
Редактор издательства Н. И. Сергиевская. Художественный редактор Н. Н. Власик. Технический редактор М. Н. Фролова. Корректоры Д. Ф. Арапова, В. А. Шварцер

ИБ № 25229

Сдано в набор 17.12.81. Подписано к печати 05.03.82. Т-03257. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 13
Усл. кр.-отт. 13. Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 2500 экз. Тип. зак 1176. Цена 1 р. 50 к.
Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90. 2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10